

УРАЛЬСКИЙ
Следопыт

8

1967

Приключения
и фантастика

Рассказы
бывалых людей

Мечты
современников

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТИ ЯКЛСН

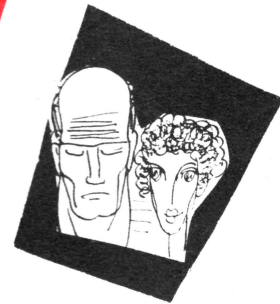
О подвигах,
о доблести, о славе

Следопытские
дела

Даем адреса
романтикам

Занимательное
краеведение

ПОЛВЕКА
ВЛАСТИ
СОВЕТОВ

ХРО-
НИ-
КА
(СЛЕДОПЫТОВЫХ
ДЕЛ)

СЛЕДО-
ПЫТСКИЕ
ДЕЛА

Знаешь
ли ты,
что...

откуда
это
слово

САБЛЯ ЛАЗО

Повесть

Василий НИКОНОВ

Рисунки Ю. Ефимова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МЕЖГОРЬЕ

День и ночь пылят войска по дорогам. С утра до вечера плывут по степи шлемы и папахи, чубы и малахаи. Треплет ветер драные рубахи мужиков, зеленые френчи офицеров, косматые бурки залетных кавказцев. Жаркое солнце красит в кирпичный цвет сонные лица конников, выгоняет черноту из густых мужицких бород.

С севера на юг и с юга на север, от границ монгольских и обратно скачут усталые полки и сотни; мерно качаются в скрипучих седлах красные и белые, русские и буряты, звенки и баргуты; по четыре в ряд едут казаки с винтовками и шапками, пиками и знаменами, с песнями и гармониями, с крестами и со звездами, с правдами и неправдами.

За строевыми частями катятся пулеметы, артиллерия, обозы. Звенят удила, цокают копыта, кричат ездовые. Дымятся полевые кухни — это повара на ходу варят солдатскую кашу.

Молочные миражи плывут по долинам, хитро множат они строевые части: из одного конника делают двух-трех. И кажется глазу: по всем падам и сопкам, по всему синему небу растекаются лошади и всадники, пулеметы и пушки, жидкие дымки походных кухонь.

Редкое затишье днюет в горах. Звоны и стоны разносит чуткое эхо, гром пушек и треск пулеметов, ржание лошадей и злобную ругань. Грозно, как

штормовая волна, взлетает над степью перекачанное «ура», с гиком и свистом мчатся в атаки белые и красные; взлетают черные крылья бурок, вздымаются пики, блестят на солнце острые клинки; падают конники в мягкие ковыли, на родную землю, закрыв глаза, раскинув руки, запрокинув жженные солнцем бороды.

Вечером, после боя, над степью кружат зоркие орлы, ночью к убитым подбираются корсаки и волки.

В селах людей совсем мало, а в полях — того меньше. Пустуют-горюют крестьянские поля — некому пахать и сеять, сохнут-жухнут наливные травы — некому косить. Лютый голод идет по селам — та же смерть, только с другой стороны.

Пылят войска по дорогам, плывут они в горькое лето тысяча девятьсот восемнадцатого года. Из гор в горы, из долин в долины, из села в село. Льется людская кровь, плачут жены и дети. Горе есть горе, куда от него денешься?

Межгорье — небольшое село. Если всех считать, казаков и пришлых, наберется дворов семьдесят. Есть дома исправные — пятистенные, из лиственниц рубленные, а есть мазанки-прилепки — низкие, дымные, будто бани по-черному. На больших домах — крыши тесовые, наличники резные, ставни крашенные. На мазанках-прилепках крыши дранкой крыты, окна маленькие, без наличников. Зимой в них такой холод, что на улице теплее кажется.

Исправные дома в центре села стоят, на веселом месте; живут в них местные богатеи, те, что хозяйство имеют, торговлю иль еще какой доход. Избы-курнушки,

как правило, по окраинам ютятся. Которые в пригорок врезаны, которые в землю наполовину ушли. Селятся в них бедняки — безлошадники, безземельники, те, кто к богатеям в батраки идут.

Пришлые — народ разный, люди иных краев и земель. Кто из России прикочевал, кто с прииска бежал. Ни доли у них нет, ни ласки, ни солнца. Все чужое, покупное, безрадостное.

Рядом с домами — постройки для скота: коровники, телятники, свинарники. Это у богатых. А у бедных — шаром покати — нигде не остановится. Двор и тот не огорожен.

На запад, к Тургинке, быстрой и светлой, тянутся огороды. Если длинные, широкие, так и знай — богатеи; короткие да узкие, на самой плохой земле — тех же пришлых огородишки.

За Тургинкой пахотные земли чернеют. За пашнями крутые горы встают — Каменный хребет, или Камень попросту. По северной стороне еще один хребет тянется — Поднебесный. Такой высоченный. От самой границы идет. Потому и село Межгорьем называется. Меж гор, значит.

Стоит село на торной дороге, на широком тракте. На юг поедешь — в Маньчжурию попадешь, на север кинешься — на железную дорогу наткнешься. На ту главную, что к Тихому океану бежит.

Далеко тянется Межгорский тракт: по степям, по лесам, меж каменных хребтов — по всей земле даурской.

Вот и выходит: Межгорье — вроде ключа от замка... Но дорого достается селу ключевая позиция. И семеновцы и красные хотят им владеть.

Тяжело жить в Межгорье, да что делать. Не всякий может спрятаться: и дом стеречь надо, и животину, какая осталась. А если бой случится, в погреб можно залезть или в сараюшке схорониться.

Вот она какая, ключевая позиция.

ИСПЫТАНИЕ

Мазанка Смекалиных на окраине стоит, она, как и соседские, в пригорок врезана. До центра села, если случится в лавку пошлют, Тимке полверсты надо пробежать. А до реки совсем пустяк — саженой тридцать.

Берег возле Смекалиных крутой, каменистый. Пришлось Тимке покопаться, пока настоящий спуск не сделал. Зато и вышло что надо: ступеньки ровные, пологие. С полными ведрами поднимаешься — и дыхание ровное.

Кирька Губанов, Губан по-уличному, только языком прищелкивает: «Ой, какой ты мастак, Тимка! Давай и нам такие сделаем».

Давай, Тимке не жалко. Три дня возились: камни долбили, ступеньки лопатами ровняли, дощечками обивали, чтоб осыпи не было. Кольшки забьют, а между ними дощечки положат.

Хорошо получилось.

В последний день ребятам Павлинка помогала. Она хоть и в центре живет, а играть на окраину ходит. Отец запрещает ей с мазанятами дружить, так она тайком с Тимкой и Кирькой встречается. У них тут свободнее, во что хочешь играть можно.

Смекалины в Межгорье с прииска приехали. Тимкин отец, Платон Петрович, всю жизнь в шахте работал. А потом случилось что-то: не то забастовка, не то убили кого. Об этом Тимка краем уха слышал. Словом, уволили отца с прииска. Вот и подались они в село.

Тимка — парень крепкий, русский, синеглазый. Волосы у него отцовские, глаза материнские. Губан и выше и плечистей, а побороть его не может. Сколько раз схватывались — всегда Тимка Кирьку на лопатки кладет. Вот и сейчас Тимка верх взял. Обидно, а что скажешь? С кулаками кинешься, Тимка быстро на животе бубны выбьет. У него прием такой есть — через себя перекидывать. Схватит обеими руками за штаны, упадет на спину, рванет через себя — лети кубарем! Не ус-

пеешь ногой дрыгнуть, он уж на тебе сидит, по животу барабанит:

Кирька-Макирька,
Вместо носа гирька!

Нос у Кирьки, действительно, на гирю похож или на грушу. Срамота, все ребята дразнятся. А тут еще Павлинка на заборе сидит, грязными ногами болтает. Хохочет — рот до ушей, хоть завязочки пришей.

Жжет внутри у Кирьки, будто стручок перца проглотил. Губы от обиды трясутся, в глазах слезы блестят. Пригибает Кирька голову, сжимает кулаки — вот-вот на Тимку бросится.

— А у тебя отец красняк! Казаки его чуть не шлепнули!

Тимка вздрагивает, словно кто плеткой по спине вытянул.

«Ах ты, Губан, трусливый заяц! Не можешь побороть, так отца моего цепляешь? А твой отец где? В сопки удрал, в зимовьюшке прячется?»

Надо бы сказать Кирьке про его отца; в отместку, чтоб не задибался. Да ладно, при чем тут отцы.

— А ты балбес! — кричит с забора Павлинка. — Кирька-балбес! Это же борьба: кто сильный, тот побеждает!

— А зачем он дразнится? — хлюпает носом Кирька.

— Ты зачем дразнишься? — спрашивает Павлинка.

— Я что... я, как все, — смущается Тимка.

— Ладно, миритесь! — Павлинка спрыгивает с забора. — Давайте мизинцы!

Это в тринадцать-то лет — мизинцы! Впрочем, Павлинке скоро будет тринадцать.

— Пусть он первый, — бычится Кирька.

— Ну! — Павлинка хватает их за руки. — Кому говорю! Сцепляйте пальцы, повторяйте за мной: «Мы ехали на лодке и кушали селедки, селедка не годится, давай с тобой мириться. Мирись, мирись и больше не дерись!»

— Согласен, — бурчит Кирька. — Мир навсегда.

— Мир навсегда! — поднимает руку Тимка.

— Вот и молодцы! — одобряет Павлинка. — Во что играть будем?

Смотрит Павлинка на своих друзей, косы длинные теревит. Смуглая она, скуластая, глаза черные с узким разрезом. Что-то есть в ней — не то китайское, не то

монгольское. Так, далекое-далекое. Тимка спрашивал у нее про глаза. Смеется Павлинка, язык показывает: «Откуда я знаю, у матери спроси...»

— В казаки-разбойники, — несмело предлагает Тимка.

Павлинке не нравится эта игра. Хорошо, если Кирька будет разбойником, его поймать нетрудно. А если Тимка — ищи ветра в поле.

— Тогда по-другому! — Тимка одергивает рубаху, стряхивает песок со штанов. — За мной!..

Рубаха у Тимки белая, на локтях рваная, штаны зеленые, из галифе перешиты. Гачи внизу веревочками схвачены, чтобы на бегу не болтались. На Павлинке — цветастое платье до колен, беленький платочек с горошинами. У Кирьки одежда бесшменная: серая рубаха, на голове старая казацкая фуражка, синие штаны с помочами. Не держатся штаны на Кирькином животе, вот и пришлось лямки пришивать.

На ногах у всех троих ничего нет: жирно будет летом в обуви бегать.

Ни Кирька, ни Павлинка не знают, что задумал Тимка. Бегут за ним, по-козлиному со ступеньки на ступеньку. Наверно, камни в Тургинку бросать, «блины» печь.

Как «блины» печь, Павлинке известно. Берешь ловкенький камешек, веский, плоский, пригнешься — ж-жик его поперек реки!

Выбегает Тимка на берег, не останавливается, на ту сторону бредет. Перекат мелкий, воды в нем чуть выше колена. Кирьке жалко штаны мочить и отставать неохота. Попробуй, догони потом.

Куда ж он, Тимка, окаянный? Неужто в Змеиную пещеру?

До Змеиной пещеры версты три скакать надо. Тургинку перебрести, на тот берег подняться, по тропинке меж берез и черемух пробежать. После этого тропинка на чистый увал выведет. И снова к реке повернет.

Там, в лесу, скала стоит, Зародом называется. Потому что на зарод сена похожа. В скале и есть та пещера, куда Тимка мчится.

По правилам до пещеры все время бежать надо. Хоть галопом, хоть труском. Если кто отстанет или остановится — поворачивай обратно, не жди пощады.

Павлинка еще ни разу не возвращалась, один Кирька дважды отставал. Схитрит, словчит и тут же попадетсЯ.

Тимка все замечает. Сам впереди летит, а глаза будто на затылке. Сегодня и Кирька вроде бы неплохо бежит, даже Павлинку хочет обогнать. Только где ему! Увалень!

Бегут ребята и видят, как войска по дороге пылят. Конники в седлах трясутся, пушки катятся, кухни дымками стреляют. И все от Каменного хребта прут.

Если от Каменного хребта едут, значит белые, семеновцы. Скоро, наверное, сражение будет. В Орлиной пади или Сухой. А может, просто с места на место переезжают. Бывает же: войска идут, а боя нет.

Павлинка подольше б посмотрела на войско, если бы не Кирька. Что-то кукситься стал, ногу, хнычет, проколот.

Тут уж ничего не поделаешь. По правилам, коль случилось что, — садись, окажи себе первую помощь и дальше ковыляй, если сможешь. Только без обмана,

по чистой совести. По-солдатски надо жить, не хныкать. А Кирька, по всему виду, надуть хочет, плаксивую рожу корчит, нарочно прихрамывает.

— Ой, Павлинка, больно-о!..

— Садись!— приказывает Павлинка.— Подними ногу!

— Ничего не увидишь, грязью залепило!

— Я тебе залеплю!— грозитя Павлинка.— Поднимайся! Бегом марш!

Приходится Кирьке нажимать. Смехота: два командира на одного подчиненного! Ни в каком войске такого не увидишь — ни в красном, ни в белом.

На увал еле-еле трусом взбирается. Теперь-то уж легче пойдет. Павлинка сзади бежит, прутиком помахивает.

— Жми, Кирька, жми! Совсем немножко осталось.

Кирька и сам знает, что немножко. А сил еще меньше, фуражка и та камнем кажется. Можно, конечно, выбросить фуражку — старая, никудышная. Наверно, дед Кирькин в ней воевал, в турецкую иль японскую,—Кирька толком не знает. А вот жалко, вещь все-таки. Отец говорит, каждой вещью дорожить надо.

Думает Кирька о фуражке и, вроде, ногам легче. Сколько еще бежать? Шагов триста-четырееста? Теперь-то он осилит.

Тимка возле толстой сосны стоит, ребят поджидает. Не успели показаться — новую команду подает:

— Отряд! Становись!..

Тимка дважды проходит перед строем. Павлинка стоит, как положено быть: руки по швам, голова приподнята, глаза строгие. На командира смотрят. У Кирьки ноги врозь, голова ниже плеч, руки на животе. Посмотреть — смех да и только.

И все-таки молодец Кирька: не сдался, добежал до пещеры.

— Разойдись!..

Кирька плюхается на песок, морщась, поднимает правую ногу.

— Посмотри, Павлинка!

В самом деле, пятка у Кирьки наискось рассечена, кровь с грязью смешалась. Даже не верится, что он мог терпеть такое.

— Пойдем к ручью,— пугается Павлинка.— Тимка, бери его под руку.

— Обойдется,— серьезничает Кирька.— На войне не такое бывает.

Но ребята не слушают, тянут Кирьку к недалекому ручейку. Для оказания первой помощи.

ПЕЩЕРА

Пещера, которую нашел Тимка, уступом от скалы идет, вроде сеней у дома. Кирьке и Павлинке она очень нравится: просторная, высокая, сухая. И от дождя можно спрятаться, и от ветра. Поспать захотелось — чего проще: нарвал травы, сунул под бок, свернулся клубком — сопипохрапывай.

Главное, скрыта она. В таком буреломе, что собаке не сыскать. По валежинам надо прыгать, по камням-россыпям ползти. Трава у самого отверстия растет, ловко вход маскирует.

Тимке и этого мало, он еще вход камнем приваливает.

Сперва в пещере темнота была, потом Тимка освещение придумал. Полазил по уступам, ломиком постукал и говорит:

— Давайте стволы бить.

— Какие стволы?— спрашивает Павлинка.

— Слыхом не слышали,— мотает головой Кирька.

Интересно у него получается: когда головой крутит, фуражка тоже крутится. Будто подсолнух в решете.

— Не знаете? Это я по-горняцки говорю. Понимаете, в каждой шахте ствол

имеется, отверстие вроде колодца. По нему клеть-коробка железная — с людьми и грузом вверх-вниз ходит. И мы такие колодцы устроим. Для света.

Вот была работушка! Неделю камень долбили. Тимка стальные клинья где-то достал и кувалду. Небольшую, ухватистую. Не иначе, как на прииск бегал. Ну, и давай гвоздить! В первый же день у всех мозоли на руках вскочили, руки, ноги — как чужие. К Павлинке как-то вечером отец привязался: «Где была? Что делала? С чего мозоли на руках?»

Мать не очень пристаёт, больше помалкивает, зато отец исподлобья взглядом сверлит: «Опять с голодранцами шлендала? Небось, с выродком Смекалинским? Погодь, всыплю тебе чертей горячих!»

Лют Прокоп Егорыч. Каждый день грозит Тимке уши оборвать.

Павлинка про пещеру ничего не сказала. Играем — и все. В песке возимся, землю долбим, ступеньки для спуска делаем. Мало ли что.

Не поверил Прокоп Егорыч, недобро усмехнулся: «Я те покажу ступеньки!»

Сейчас в пещере свету сколько хочешь. Можно сразу два окна открыть. Дождь пошел — козырьки есть, поднимешь — ни капли не попадет.

Козырьки Тимка из листовенной коры сделал, никакой дождь не пробьёт.

Внутри пещера на мастерскую похожа. Камни убраны, пол выровнен, песком посыпан. На середине стол врыт, из сосновых досок выструган. К столу тиски привернуты, возле них ящик с инструментом стоит. В ящике напильники лежат — драчевые, личные, бархатные; пассатижи — клещи такие, они и плоскогубцы, и кусачки, и отвертку заменяют; молоток, зубило, пробойник; пилки по металлу, бумага наждачная, трубки медные. И еще всякая всячина.

Все это — Тимкино, вернее, Тимкиного отца. Когда-то Платон Петрович хорошо слесарничал.

Вокруг стола березовые чурбаки расставлены. Для отдыха и для работы. Тимка в одном углу гамак из прутьев сплел, травы настелил. Устал пилить-рубить — лежи себе, покачивайся.

Затеяли Тимка с Кирькой лук мастерить. Стрелы получились хорошие, с железными наконечниками, а лук никак не выходит: дерева подходящего нет. И так и сяк прилаживались. Сошлись на березе.

Только и она не очень пружиниста; плохо летят стрелы, силы в них нет. Зайца и того не убьешь.

— Давай, Тимка, пистолеты делать, — предлагает Кирька. — Знаешь, при случае сгодятся.

И пистолет — дело непростое. Обычный, с поджогом, Тимке не нравится. Пока порошу насыплешь, пока спичку поднесешь. Да еще глаза беречь надо — свободно может выжечь. Вот если бы с патроном...

Вторую неделю маракуют Кирька с Тимкой, а толку что? Павлинка и та над ними смеется. Ничего, говорит, не выйдет у вас. Пошли на Шумный рыбу ловить.

— Надо еще попробовать, — мотает головой Кирька. — Что нам позориться?

А Тимке не хочется мастерить. День сегодня больно хороший — нежаркий, безветренный. Легкие тучки по небу плавают. Самое время ленков ловить.

— Пошли, Павлинка! — Тимка сребует инструмент в ящик. — А ты не хочешь, Кирьян?

— Мне домой надо, — вздыхает Кирька. — Мамка чего-то приболела.

— Тогда дуй! — разрешает Тимка. — Скажи моей мамане, что я на Шумном.

— И моей, — просит Павлинка.

— Ладно. Рыбы принесете?

— Если поймаем.

Тимка первым вылезает из пещеры.

— Палку возьми, Кирька, с ней легче.

— Валяйте! — машет он. — Как-нибудь добреду.

Ребята с трудом выбирают на тропку. С минуту Кирька видит мелькающие спины, потом их скрывают густые сосенки.

Кирька неохотно поворачивает в село.

ВСТРЕЧА

От пещеры до Шумного не так далеко. Перекат Шумный — самый знаменитый на Тургинке. Тянется он версты полторы, с большим понижением. Камней там наворочено — уйма. Все огромные, серые, гладкие. Через всю речку идут, с берега на берег.

На перекате вода клокочет, брызжет, пенится. Если камень над водой торчит, вода на две струи рвется. В этих-то струях и купаются ленки-леночки.

Вернее, когда как. Если пищи много, ленки сбоку стоят иль пониже. Червячков ждут, кузнечиков, бабочек, стрекозок. Скатится такой кузнечик с камешка, а ле-

нок тут как тут. Хвать — и поминай как звали.

Если же ленок голодный, он все время в струю норовит, чтоб ничего не пропустить. Глядишь, и гальяшек ему в рот попадет, если зазеваается.

В конце переката, под скалой, есть глубокое улово. Улово, по-иному сказать, — омут или яма. Вода в нем темная, воронками кружится. Тут самая крупная рыба живет — таймень красноперый. Здесь он и зимует. Сюда чаще всего рыбаки ходят.

Тимка с Павлинкой к омуту не идут, им на перекатах сподручней. Павлинка кузнечиков ловит, Тимка их на крючок насаживает. Леска у него черная, волосяная, без грузила и наплава, удилище гибкое, длинное. Когда Тимка поверху ленка иль тайменя ловит, то удилище мелко-мелко потряхивает. Вот, мол, какой он, кузнечик, — хромой, косой, но живучий. Лови его, хватай!

Первым делом ленок из воды свечкой выскакивает, хвостом по кузнечнику бьет, чтоб оглушить. А потом ныряет, круто разворачивается и снизу заглатывает добычу. Тут ему и конец — Тимка ленка на берег тащит.

Лов у Тимки бойко идет. Четыре ленка уже на камнях подпрыгивают, пятый только что зацепился. И все под камень норовит, чтоб леску порвать.

— Тимка, дай вытяну! — просит Павлинка.

— На, держи! Таском выволакивай!

Павлинка ухает с камня в воду, хватает у Тимки удилище. Оно гнется, тянет на середину реки. Все силы напрягает Павлинка, боится удочку из рук выпустить.

— Не ослабляй! Натягивай! — командует Тимка. — Не давай хвостом бить!

Таймень, ленок ли, если слабину учует, хвостом по леске ударит и будто зубами ее откусит. Сколько раз у Тимки так бывало.

Павлинка с криком вытаскивает рыбину.

— Ого! Повезло нам! — Тимка бросается к рыбе. — Таймешек! Фунтов шесть потянет. Мы его домой отнесем, с Кирькой поделимся. Хватит рыбачить, давай ленков жарить...

Время незаметно бежит. Вон и солнышко за горы спряталось, ветерком по реке потянуло.

Тимка сбегал в пещеру, соли принес. Теперь рыбу готовит, на рогатинки прилаживает. Павлинка сучья собирает.

Вспыхивает красный язычок, будто жало змеиное, скачет бурундуком — с палочки на палочку. Сушняк разгорается быстро, жарко.

Ребята проголодались, слюнки текут.

За делом ни Тимка, ни Павлинка не замечают двух всадников, что остановились на тропинке. Далековато остановились, за соснами прячутся. Тихо, видать, ехали, осторожно.

Передний, с бородой, говорит что-то второму, видно командиру. Командир кивает, трогает лошадь за бородачом. Со всем уж близко подъехали, а ребята ничего не слышат.

— Здорово, рыбаки! — передовой поднимает руку. — Можно к вашему огоньку?

Тимка вздрагивает, вскидывает голову и вдруг со всех ног бросается к всадникам.

— Батяня!..

— Я самый, Тимофей! — Смекалин ловко соскакивает с седла.

— Принимай гостей неожиданных.

Тимка опомниться не успел, как очутился у отца на шее. Руки сцепил крепче крепкого, к щетинистой щеке прижался. Глаза от радости зажмурил.

— Батяня!..

Долго-долго не видел Тимка отца, с год, если не больше. И маманя ничего не знала о нем. Так и думали: погиб где ни то, в бою каком-нибудь. Мало ль как на войне случается.

— Вижу, вижу: сильным стал, вон как вымахал, — Смекалин осторожно опускает сына. — Теперь ты меня раз-два — и на лопатки. Как думаешь, товарищ Ершов?

— К тому дело идет, — улыбается командир; он тоже спешил, на валежину присел. — Ну, здоров, Тимофей Платоныч. А это кто с тобой?

— Павлинка, дочь Копача, в нашем селе живет.

— Гляди-ка ты! — разводит руками Смекалин. — Не узнал я тебя, Павлинка. Вишь, какая барышня стала.

И Павлинка едва признала Платона Петровича. Раньше ни усов, ни бороды у него не было, волосы до плеч не висли. Одни глаза прежними остались. Синими-пресиними, как у Тимки.

На купца Козулина похож теперь Платон Петрович. Если б не сабля с наганом да не ремень офицерский. Такой же, как у отца Павлинки.

— Что дома, Тимофей? — Смекалин

сидится рядом с Ершовым, вытаскивает из кармана кисет.— Мать жива-здоровая?

— Жива-здоровая, батяня.

— Как Дениска здравствует?

— Не знаю, давно на прииске не был.

— Ну, а в селе как?

— Спокойно пока... Однако сегодня по Орлиной пади войско шло. Похоже, белые.

— А сколько войска? Какое оно из себя?

Тимка рассказывает, а Павлинка удивляется: вроде не считали они, не рассматривали, но Тимка запомнил.

— Куда шли? — допытывается Платон Петрович. Тимка объясняет.

Павлинка слушает и у костра хлопочет. Командир Ершов на валежине сидит, в разговор вникает. По виду он моложе Платона Петровича — это Павлинка сразу определила. Зеленая фуражка чуть набок сдвинута, кожанка ремнями желтыми обтянута крест-накрест. Лицо серьезное, видно, редко улыбается командир.

Слушает Ершов и думает: «Стягивают семеновцы силы — третий отряд уже за эту неделю... Все время держат Межгорье на мушке. Крепко держат. — Поправил Ершов португую, прищурился. — Копач, Копач... Где он слышал такую фамилию. Кажется, Лазо про него говорил...»

Думает командир Ершов, носком сапога поигрывает. Сапоги у него хромотые, блестящие, ловко ногу обтягивают. Тимку сапоги не интересуют. А вот сабля — да! Ножны белые-белые, огнем горят, рукоять, похоже, золотая. Темляк витой, красный. Офицерская сабля, не иначе.

8 — Нравится? — Ершов ловит сияю-

щий Тимкин взгляд.— А, Тимофей Платоныч?

— Хорошая,— Тимка отводит глаза в сторону.— Форсистая.

— Именно форсистая,— кивает Ершов.— И в бою отменная. Мне ее один товарищ подарил. Говорит, знаменитые мастера ковали, златоустовские. На весь мир славятся.

Смекалин делает последнюю затяжку, втаптывает окурки в песок.

— Как там рыба, Тимоха? Сжарилась, небось?

— Должно, готова...— Тимка вытаскивает из песка рогатинки, подает отцу и Ершову.— А если не совсем — извиняйте. Мама говорит, горячее сыро не бывает.

На рогатинках ленки золотятся. Сверху желтизной покрыты, снизу мясом белеют. Запах такой, что дрожь принимает.

— Нет, ребята, так не пойдет.— Ершов разламывает ленка пополам.— Поделим поровну. Держи, Тимофей!

— Да мы што...— бормочет Тимка.— Мы захотим, еще сжарим...

Вот и прощаться уже пора. Мягко ступают лошади по лесной тропинке, крепко держат Тимку бабкины руки. Щекотно ему от отцовской бороды.

— Мать-то горюет, Тимоха? — голос у Платона Петровича мягкий, нежный. На людях держался, виду не показывал, а тут разомлел малость.

— Сначала плакала, убивалась,— рассказывает Тимка.— Разные слухи по селу ходили. Кто говорит — убили тебя, кто судачит — мол, за границу улег. Про то, што улег, маманя молчит, не верит, видать. А что убили — рассказывает, вполне могло быть. Сейчас-то ничего, пообвыкла. Она так думает: если слуха нет, значит жив отец наш.

— В случае чего, Тимоха, ты ее к Дениске отправь,— Платон Петрович наклоняется к сыну.— И там не мед, конечно, зато целей будет. Жмут на нас семеновцы. Дело, понятно, временное, только и беде недолго случиться.

— Говорил я ей. Никуда не хочет из села уходить.

— А ты убеди, скажи, что к чему. Копач не зверствует?

— Не слышать пока. Вчера к нему офицер какой-то приезжал, вахмистр по-ихнему. Козулина позвали да попа Григория... Тут, батяня, тоже опасно.

— Знаю, Тимофей, на войне везде опасно. Мы с Ершовым до Золотинки еще думаем доскакать, потом уже — на Лосиный ключ... А насчет семеновцев... Ты б, Тимоха, узнал, что у них там. По всему видно, большое сражение беляки затевают. На рожон, конечно, не лезь, а так, исподволь, с умом действуй.

Тимке лестно, что отец с ним как со взрослым говорит. И сам по-взрослому отвечает:

— Попробую, батяня. Кому сказать, если што?

— Кому? — Смекалин придерживает коня перед спуском.— Тут, кажется, Тимофей, заковыка. Давай вместе думать.

Тимка не привык долго размышлять, сразу решает, что к чему. Записку можно в пещере спрятать, в условном месте. Кто-нибудь из партизан придет. Можно, конечно, самому доставить...

— Пещера, пожалуй, подходяще,—

кивает Смекалин.— В каком месте записку искать?

— В правом углу за верстаком,— решает Тимка.— В бересту заверну, дерном прикрою...

На повороте Платон Петрович натягивает повод.

— Давай прощаться, Тимофей.— Он ласково треплет Тимкины волосы.— Назказ мой помни, про встречу никому. Павлинку предупреди. А матери передай: скоро, мол, встретимся.

— Ладно,— обещает Тимка.— Папаня, а кто Ершову саблю подарил?

— Товарищ Лазо. Ну, прощевай.

Смекалин дает коню шпоры, жеребец рысью выносится на пригорок. Минут пятнадцать всадники едут по тропе. Следов почти не видно, их скрадывают мох и прошлогодние сосновые иголки. Проехав омут, всадники разминулись. Смекалин сворачивает к реке, пускает жеребца вброд. Прежде чем перебраться на тот берег, он какое-то время едет по прибрежной воде.

Ершов подъезжает к Тургинке позже, они встречаются на том берегу, возле высокой скалы.

«Остерегаются, ну и правильно»,— решает Тимка.

ПРОКОП ЕГОРЫЧ

— Куда они едут, Тимка? — Павлинка провожает глазами всадников.— На прииск?

— Не знаю.

— А кто командир из них?

— Не знаю, Павлинка.

— Што тебе отец сказал?

— Про маманю спрашивал. Ну, чего пристала! Хочешь испкупнуться?

— Не очень.

— Иди нырни, вода теплая-претеплая.

— А ты?

— Я тут приберу.

— Што прибирать? — не понимает Павлинка.— Залей костер, бери удочку. Домой бежать надо.

— Хорошо, я сейчас.

Тимка разравнивает песок возле костра, у валежины, и там, где лошади стояли. Павлинке непонятно, зачем все это? И вдруг догадка поражает ее.

— Следы заметаешь, Тимка? Меня испкупаться посылаешь? А сам? Не веришь мне, да?

— Брось! — отмахивается Тимка.— Верю. Почему так думаешь?

— А почему не сказал: «Давай, Павлинка, вместе?»

— Хорошо, давай, Павлинка, вместе. Посмотри, ничего тут не осталось? Я за уловом сбегаю.

— Нет, я сбегаю. Знаю, зачем.

— Зачем?

— И там посмотреть — не осталось ли следов.

— Правильно! Дуй, Павлинка!

Тимка заново оглядывает берег. Надо еще на тропу сходить: нет ли на ней конского навоза...

— Стой! Руки вверх!

Голос из-за кустов хриплый, отрывистый. А кто кричит — не видно. Дуло винтовки черным глазом прямо в лоб Тимке целится.

— Ну! Кому говорят!

Тимка нехотя поднимает руки. Из-за багульника медленно выплывает зеленая фуражка, округлое лицо со злыми глазами, сивая борода лопатой. Потом вылезает зеленый френч, синие галифе и, наконец, старые ичиги с загнутыми носка-

ми. Тимка сразу узнает Прокопа Егорыча, Павлинкиного отца. Чего он тут рыщет? Неужто про батяню пронюхал?

Копач тоже признает Тимку.

— Опустит руки, змееныш! — командует Прокоп Егорыч.— Што тут делаешь?

— Рыбу ловим, дядя Прокоп.

— С кем?

— С Павлинкой.

— С Павлинкой?! — зло щурится Копач.— Нашел, голодранец, пару. Где она? — Перемет проверять пошла.

Копач поворачивается к лесу, трижды кричит по-кукушечьи. Через минуту из-за сосен выезжают двое, одетых так же, как он. Задний всадник ведет в поводу копачевскую лошадь.

— Давай сюда! — машет Прокоп Егорыч.

Павлинка встречается с отцом на тропе. Она не впервые видит его в одежде белого солдата. Но как-то непривычно ей это, странно. Тряпичные погоны коробятся, френч такой ширины, что в него свободно два отца войдут. Галифе узкие, бутылками, с наколенниками из черной кожи.

Продолжение см. на стр. 56

«УРАЛЬСКАЯ
ПРАВДА»

5 августа

Голос из окопов

Одним из сысертских рабочих получено письмо из действующей армии от его кума, тоже рабочего. Приводим часть письма.

10

«Кум, скажи, пожалуйста, считаете вы нас своими братьями? Ведь хорошо вам там

говорить: «вести войну до победного конца...» Ваши братья находятся по 3, 2 и 1 году в окопах... Они наелись порохового дыму пополам с землей. Вы посмотрите на тех братьев, которые пришли без рук, без ног. А вы говорите, что обязательно надо наступать и помогать нашим союзникам... Терпения нашего уже немного. Почему вы не принимаете никаких мер, чтобы покончить всю эту бойню? Поверьте своим братьям, которые сидят в окопах 3 года.

Медведев».

18 августа

Впечатления участника
VI съезда РСДРП

Съезд РСДРП был созван в неблагоприятной обстановке, когда контрреволюция направила все силы на то, чтобы раздавить «непокорных» большевиков, поэтому одно время

казалось, что съезд не состоится. Но за организацию его взялись петроградские рабочие... Это был первый массовый съезд... Приехали действительные работники с мест, много было рабочих, порядочно женщин... Наш Урал выделился своей сплоченной группой, по численности занимавшей 3-е место... После 3—5 июля вместо разгрома, на который надеялось коалиционное правительство, началось сплочение сил вокруг большевиков. Знамя большевизма становится символом международной солидарности и революционной борьбы...

Со съезда мы вынесли твердое убеждение, что никакие тюрьмы и всевозможные кары не уничтожат того, что создано жизнью революционной социал-демократии.

Кто буре скажет:

«Стой на месте?»

Чья власть на свете

так сильна?

К. Завьялова.

Лев Сорокин

Новые стихи

Баллада о пропавшем пилоте

Не возвратился из полета
Наш ястребок сверхзвуковой.
Радист упрямо звал пилота:
«Возможно, он еще живой?..»

О скалы рядом билось море,
Не говорило, что к чему.
А пограничники в дозоре
Над ним лучом рубили тьму.
Перелезая через волны,
Ни с чем вернулись катера.

Кому-то вспомнилось невольно:
Пилот угрюмым был вчера!..
Листал с утра самоучитель,
Словарь английский брал с собой.
А до границы тут, учтите,
Как говорят, подать рукой.

Но море грохало о скалы
Да так, что вдребезги волну!
Когда безмолвно провожали
Его детей, его жену.

Она ли выкрикнуть успела
Иль паровозный взвыл гудок:
— Нет, он не мог такого сделать,
Вы понимаете,
не мог!

Катились волны, словно годы,
Волна к волне,
И день ко дню.
По морю плыли пароходы,
А водолазы шли по дну.

Тянули кабель водолазы,
И не поверили глазам:
Не дотянув до главной базы,
Сверхзвуковой приткнулся там.

Пилот в качающейся тине,
В зеленой зыбкой полумгле,
Четвертый год сидел в кабине,
Не изменив своей земле!

В пески задвинутые горы,
И светофора яркий глаз,
И в темноте бормочет скорый:
«Баба-Дурмаз!»
«Баба-Дурмаз!..»
И лунный ялик над пустыней,
И над арыком птичий грай,
И терпко-терпко пахнет дыней,
Как дыня,

желтый этот край.
И у путей,
как изваянье,
Туркмен в папахе до бровей.
И две звезды из мирозданья
Запутались среди ветвей.

В музее

Я шел музеем,
как веками,
Я видел все,
Я видел все —
От Рафаэля в древней раме
И до изломов Пикассо.
О, черт! Да разве так бывает, —
Не Себастьян распят,
а я.

Меня гвоздями пробивает
Святая инквизиция!
Но, гвозди выдрав,
От погони
С холста я прыгаю рывком, —
Ведь на картине рядом кони
Давно таят в копытах гром.
Меня за дымную завесу
Промчат отсюда до Руси.
Но вслед испанская Инесса
Кричит отчаянно:
— Спаси!..
О, как же мне вдруг стало плохо
От крови, пыток и картин!
И резко вышел я в эпоху
Кибернетических машин.
А ну-ка, сердце, им отстукай
Такую боль своих программ,
Чтоб век потом
к потомкам в муках
Рук не протягивал из рам!

У могилы комиссаров

Стою у вечного огня,
Он возле глаз моих пылает.
Обиды, зависть у меня —
Пусть все сжигает,
Пусть сжигает,
Пусть все сжигает он дотла,
Что жить порой еще мешает!

Разговор о переводе

Бухенвальд —
это буковый лес в переводе.
Нет, неправда!
Я знаю другой перевод.
Бухенвальд —
это смертников крик на восходе,
Бухенвальд —
это мукой изодранный рот!

Я там был. И хрипели надрывно овчарки,
Словно вырвавшись к нам из далекого
дня.

Мне казалось:
не солнце,
а вспышкой яркой
Автомат часового ударил в меня!
А какие там дали!
Какие там дали!
Как же трудно на них
перед смертью смотреть!
А внизу, под горой,
чтоб свободу им дали,

Колотили деревья в закатную медь!
Только что же я встал?
Нужно факелов маки
Положить мне на землю
К цветочной заре,
Там, где раньше
от ветра дрожали бараки,
Там, где плитами горе
Лежит на горе!
А когда мы оттуда
Пошли на заходе,
Распахнул я пошире
Решетки ворот...
Бухенвальд —

это буковый лес в переводе.
Это так.
Но я знаю другой перевод!

Танкист Мария Октябрьская

В первые дни Великой Отечественной войны полковой комиссар танкист Илья Федорович Октябрьский выехал из Томска на фронт. В боях за Киев он пал смертью храбрых.

Тяжелое горе не сломило его жену Марию Васильевну. Она собрала все свои сбережения и сдала их на постройку танка «Боевая подруга».

Мария Васильевна еще до войны окончила курсы медсе-

стер, овладела специальностью связиста, хорошо водила машину. Поэтому она попросила военкомат отправить ее на фронт механиком-водителем.

Мастерски управлять танком отважная женщина обучилась в Сибири. Здесь в октябре 1942 года ей присвоили воинское звание сержанта, отсюда вместе с остальными членами экипажа: командиром гвардии младшим лейтенантом Петром Ивановичем Чеботько, башенным стрелком сержантом Геннадием Иосифовичем Ясько, стрелком-радистом сержантом Михаилом Константиновичем Галкиным — Мария Васильевна Октябрьская попала на Курскую дугу.

Танк «Боевая подруга» участвовал во многих военных операциях. Мария Васильевна уверенно вела свою машину, мстя фашистам за смерть мужа. 17 января 1944 года в бою у железнодорожной станции Крынки Витебской области она была тяжело ранена.

За мужество и отвагу гвардии сержанту Марии Васильевне Октябрьской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

А экипаж «Боевой подруги» шел на запад. Он закончил войну под Кенигсбергом.

П. ТОЛСТИКОВ.

Полный кавалер Славы

Жил-был в деревне Пьянково, Курганской области, молодой парень Петр Ситников. Работал в колхозе «Восход» трактористом. Пришел срок, и его призвали в армию.

А тут — война. Артиллерийский полк, в котором Ситников проходил действительную, стоял у самой границы. С тяжелыми боями отходили до Харькова. А потом были Сталинград, Курская дуга, прорыв немецкой обороны на реке Великая, освобождение Прибалтики, Польши и, наконец, штурм и взятие Берлина. У Бранденбургских ворот и закончил Петр Ситников свой боевой путь — гвардии сержантом и полным кавалером ордена Славы.

Снова он вернулся в свою родную деревню Пьянково. Снова пошел работать в колхоз трактористом. И сейчас там работает.

У Петра Игнатьевича сохранился фронтовой любительский снимок. Вот он — кавалер трех орденов Славы — перед вами

В. ГЕНДЕЛЬ,

13

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
РАССКАЗ
ОБ
ОПЕРАЦИИ «I С»

Вл. ПРУСАКОВ

Рисунки Н. Мооса

Необычные диверсанты

В ночь на первое сентября 1943 года с одного из аэродромов на оккупированной территории поднялся бомбардировщик «Хейнкель-111» без опознавательных знаков и взял курс на Москву.

14 Вез он не бомбы. На борту его было девять мальчишек. В их холщовых сумках вместе с хле-

бом и махоркой лежали безобидные на первый взгляд куски антрацита — закамуфлированные мины; их предписано незаметно подбросить в запасы угля на прифронтовых станциях. В случае удачи десятки железнодорожных составов взлетят на воздух. Это посильнее бомбардировочного налета.

Диверсанты, все девять, сидели молча, нахолившись, — ждали, когда самолет пройдет линию фронта, вспыхивающую разрывами. За плечами топорщились мешки парашютов.

«Странно: какие большие парашюты! — на бритом лице заглянувшего в отсек бортрадиста застыло недоумение. — Э, да это не парашюты большие — сами парашютисты совсем еще сопляки! Вон тому, крайнему, не больше четырнадцати... А этому и двенадцати еще, наверно, нет».

Крайнему — худому и остроглазому — действительно недавно исполнилось тринадцать. Звали его Митькой Репуховым. Это был уже второй в его жизни парашютный прыжок. Тогда, в первый раз, зубы клацали от страха. И сейчас страшно. Особенно как вспомнишь Вальку, как летел он тогда с огромной высоты серо-зеленым комом: парашют не раскрылся. Страшно, когда вспомнишь это... Но временами страх пропадает, и тогда одна мысль, одна-единственная захватывает сознание: «Скорей бы, скорей!»

И вот Митька уже один в ночном небе. Не слышно рокота «Хейнкеля», молчит и земля. Земля молчит, но она все ближе, ближе...

А где остальные? Где Пучков, Фролов?.. Тишина!

Приземлился удачно. Купол парашюта зацепился за крону сосны, и Митька даже не почувствовал толчка, просто встал ногами на землю. Быстро отстегнул ремни, потрогал сумку со взрывчаткой и хлебом — все на месте, и опрометью в лес.

Пробежал метров двести, ломая кусты, и остановился отдышаться. Снова проверил сумку, пощупал ворот пиджака. В нем зашита резиновая трубочка с паролем для обратного перехода через линию фронта.

Пароль: «Sonderauftrag! Sofort dem Ic fort-führen!».

Это означает: «Особое поручение! Немедленно доставить в Ic!»

И снова тишина. Даже не колеблется в безветрии купол парашюта, повисший на рыжей сосне.

Как это началось

... Толстенный лысеющий Шиник просматривал в ожидании Берндта донесение о детском приюте в городе Духовщина на Смоленщине.

Самодовольно улыбаясь, обер-лейтенант думал о предстоящем докладе визитеру из Берлина. Он выполнил приказ — сумел найти мальчишек, пригодных к обучению в диверсионной школе. Правда, в приюте оказалось всего десять человек, остальные разбежались по окрестным селам, но для начала и это неплохо.

Вошедший Берндт прервал ход его мысли. Обер-лейтенант чуть оторопел, увидев перед собой подтянутого, строго неприступного офицера Абвера. Берндт снисходительно поздоровался, похозяйски, без приглашения, сел за стол и принялся читать донесение.

— Десять мальчишек — этого мало! — Берндт недовольно отбросил донесение. — Есть еще кандидаты?

— Можно поискать в деревнях... — Шиник отер пот с квадратного лба.

— Запросите старост. Нужно... минимум тридцать человек!

— Хорошо, хорошо, господин Берндт!..

— Ребят собрать в недельный срок. Вожakov взять на особый учет. И помните! — Берндт под-

нял указательный палец: — Помните, что лучше подбирать детей... обиженных. Так будет надежней!

И, помолчав:

— В Германию отправитесь с ними вы!.. — Замятив радость на рыхлом лице Шиника, Берндт добавил благодушно: — Сам господь бог следит за вашей карьерой!

А на следующий день, за несколько минут до назначенного времени, к особняку коменданта Шиника подкатил на рысаке Тихон Шатров — староста деревни Мосолова Гора. Шиник нетерпеливо расхаживал возле стола. Староста низко поклонился.

— Список готов?

— Так точно, господин Шиник!

Обер-лейтенант пробежал глазами по фамилиям: Фролов Петр, Коршунов Виктор, Репухов Дмитрий...

— Зер гут... Зер гут! В четверг мальчишек доставить в помещение приюта!

Березовый сок

Весна в Яровую Гору пришла в том году рано. Быстро потеплело, захопотали грачи. Отогретая земля курилась паром.

Весна была как весна, а вот жизнь стала совсем другой. В мрак веков упала жизнь. По вечерам потрескивала в избах лучина, гудели самопрялки, плели старики лапти.

Об этом думал сейчас Митька Репухов, сидя на жухлой траве и привалясь спиной к зазеленевшей березе.

В тот день, когда началась война, он приехал в пионерский лагерь. Через несколько дней пришлось уезжать, а еще через месяц — вместе с мамой, учительницей, бежать от немцев. Бежать-то бежали, да не убежали... Как прожили две зимы — непонятно!

— Вить!.. — позвал Митька.

— Чего тебе?

У другой березы стоял парень в длинных не по росту штанах и нетерпеливо заглядывал в подвешенную к стволу жестяную банку. В банку по лоточку ленивыми каплями стекал прозрачный душистый березовый сок. На земле валялись молоток и долото.

— Чего тебе? — переспросил Коршунов.

— Да вот думаю: что дальше делать?

Коршунов покосился с усмешкой:

— Мало тебе еще немцы всыпали?

— Тише ты!

Митька настороженно прислушался. Нет, никого близко не было. А за срезанные у немецких мотоциклов кожаные патронные сумки — из них прятавшийся у Репуховых раненый боец дядя Сережа обувь шил — ему действительно всыпали: еле отдышался в снегу... Но ведь так и не дознались! Значит, можно их обдуривать!

— Погоди, скоро наши придут! — уверенно продолжал Коршунов. — Тетка ходила в город, видела: монетки они свертывают. Только бы с голоду не помереть...

— Не померем! Щавель уже есть. Грачишки в гнездах скоро появятся — вот тебе и мясо. А сок березовый еще получше сахару! — И снова насторожился: — Слышь? Идут вон!..

По проселку шагали трое. Кто? Коршунов схватил банки, полные соку, Митька — инструменты. Вбежали на пригорок и только было хотели спрыгнуть в старую воронку от снаряда, как услышали:

— Сто-ой!

— Арнольд! — растерянно прошептал Митька.

16 Арнольд служил в полиции.

— Бежим!

Но было уже поздно. Один из полицейских выскочил вперед, отрезая путь к спасительной роще.

— А ну-ка, сюда! — поманил Арнольд. — Губите деревья — собственность Германской империи?!

Он цепко схватил Митьку за руку. Второй полицейский больно ухватил за чуб Коршунова.

— Марш с нами!

Березовый сок тонкими струйками стекал на землю.

Поезд уходит на запад

— Построить мальчишек! — приказал оберлейтенант.

Шеренга дрогнула от грубого окрика; ребята — их было тридцать — еще теснее прижались друг к другу.

Командовал тот, что пришел с господином Шиньком, — коренастый и узкоглазый, одетый в форму, не похожую на немецкую. Уже позднее ребята узнали, что мундир и погоны Федотова — белогвардейские, а сам он эмигрант.

Не успел Шиник уйти, как бывший белогвардеец, бегло оглядев оторопевших ребят, неожиданно гаркнул:

— Я научу вас, как крестное знамение класть! — и стукнул первого попавшегося по затылку. — Чтобы сегодня же над кроватями повесить портреты фюрера!

Впрочем, в последующие дни Федотов не был груб. Даже шутил, заигрывал вроде бы. И все время пытался вызвать на откровенный разговор. Чаще других зазывал к себе Володю Пучкова. Тот на вид был скромняга-парень, кажется, воды не замутит. И непонятно, почему ребята постоянно хороводились вокруг него.

Как-то Федотов вызвал Володю и, прежде чем начать разговор, показал ему открытку. На открытке — репродукция с известной картины «Бегство Керенского». Володя без особого интереса взглянул на нее и молча положил на стол. Тогда белогвардеец наставительно проговорил:

— А ты посмотри, посмотри внимательно. Это Керенский. Мой брат был в его охране.

— А чего он в бабье тряпье переодевается?

— А это он решил обмануть красных. И чтоб легче было убежать. Видишь, как ловко? — И, понизив голос: — Твоего отца комиссары посадили в тюрьму. Вот бы удалось ему убежать...

Действительно, отец Володи Пучкова, диспетчер московского автозавода, был арестован в 1937 году и погиб. Слушая белогвардейца, мальчик лишь поджал губы. Он никогда не считал отца изменником.

Господин Шиник тоже часто и подолгу беседовал с «воспитанниками». На каждого он завел карточку и заполнял эти карточки пометками: «курит», «угрюмый», «подвижный», «хитрый»... Строгий режим, установленный шефом, Федотов усердно выполнял. Жили ребята в палатках на территории бывшей МТС. Их кормили сытным завтраком, обедом и ужином.

Так продолжалось с неделю. И вот...

Издранная лента Рославльского шоссе вела в Смоленск. Город встретил ребят черными грудями разрушенных зданий. Ребята не знали, куда и зачем их везут.

На станции их ожидали душ, одежда с чужого плеча и вагон в конце состава, переполненного ранеными гитлеровцами. Уже в вагоне обер-лейтенант объявил, что все они едут на экскурсию в Германию.

Свою короткую речь Шиник закончил словами:

— Там, в Германии, вас ждут друзья. Вы увидите прекрасную жизнь немецкого народа и своих сверстников!

Протяжно загудел гудок. Паровоз рванул, и поезд, набирая скорость, покатил на запад.

Горсть земли

Чужой город — Кассель.

Поеживаясь от утреннего холода, с тревогой поглядывая на своих конвоиров, ребята выходили из вагона. На перроне стоял Шиник, сосредоточенно покусывая спичку. Фролов нервно и торопливо пересчитывал ребят. Все, будто сговорившись, молчали. Федотов подбежал к Шинику и доложил о готовности группы к маршу. Раздалась отрывистая команда.

Долго шли по незнакомым улицам. Все чу-

жие: люди, тусклое небо, дома с остроконечными черепичными крышами. Шли вяло, вздрагивая от понуканий Федотова. Наконец, команда: «Стой!»

Оказывается, столовая. Обед продолжался недолго. Шиник спешил на стадион, где в этот день должен был состояться парад германских физкультурников, а вечером у него была встреча с Берндтом.

Стадион в Касселе похож на огромное корыто. Разноцветные флаги с фашистской свастикой развевались на трибунах и в центре футбольного поля. По аллее аккуратно подстриженных тополей ребят провели в небольшой фруктовый сад, разбитый рядом с трибуной. Отсюда хорошо видны были физкультурники, маршировавшие плотным строем под звуки духового оркестра. Они горланили: «Зиг хайль!.. Зиг хайль!» Обер-лейтенант и Федотов, широко улыбаясь, подошли ближе к трибуне и в такт музыке вторили физкультурникам: «Хайль Гитлер!.. Хайль Гитлер!»

Ребята, сгрудившись, сидели на земле. Пучков лежал на спине, глядел в небо...

К нему подполз Толя Парфенов, тоже прилег. Володя заметил, что он бледен. Шепнул:

— Что с тобой?

Толя скрипнул зубами. Помолчав, горячо зашептал:

— Давай убежим, Володька! Не могу я больше! Если не домой, так до партизан доберемся!..

— Не доберешься — далеко!.. — Пучков поднялся на локтях. — А потом... Мы убежим, а с другими ребятами что будет? Нет уж, тут надо держаться вместе. Один за всех — все за одного! Иначе пропадем, как пить дать!

Вытянув худые шеи, ребята прислушивались к разговору. Володя почувствовал пристальный взгляд обер-лейтенанта и шепнул:

— Потом поговорим!..

Со стадиона ребята привели в барак на окраине города. Чистенький барак. Койки аккуратно заправлены, и на каждой подушке лежит открыточка. Ребята посмотрели: все одинаковые, нарисован танк «Тигр».

— Располагайтесь, как дома! — объявил Федотов.

К нему подошел пожилой немец, наклонился к уху: «Шнапс! Новоселье!» — расслышали ребята. Значит, Федотов сейчас уйдет. И только за ним закрылась дверь, как Петя скомандовал:

— Разбирай кровати!

А через минуту ребята уже кидали друг в друга подушками.

Дверь распахнулась, на пороге вырос Федотов.

— Потихе, ребятки! — зашипел он и назидательно дал щелчка близко стоящему Митьке Репухову. — Надо дорожить доверием фюрера! Он же спас вас от горя и нищеты!..! — И еще потихе, с улыбочкой: — То-то же, помните: дисциплина — мать порядка!

Дисциплины, в понимании Федотова, в тот вечер не было.

Чужой город, чужая земля — одно только ощущение этого тяжело легло на ребячьи сердца. Мальчишки не умеют плакать. Не плакали они и в тот первый вечер в фашистской Германии...

Петя Фролов, уезжая из дому, по древней крестьянской традиции взял с собой горсть земли в узелке. Сейчас, сидя на немецкой кровати в немецком городе, он развязал узелок и, думая о своем, перебирал пальцами эту привезенную с родины землю.

Он не сразу заметил, как ребята один за другим подошли к нему. Стояли молча и смотрели на горсточку родной земли.

— Ребята,— заговорил первым Митька Репухов.— А чего хотят немцы от нас? Что никакая это не экскурсия — факт! Под конвоем на экскурсии не ездят. Если просто нас увезли, как других увозили,— тоже непохоже. Вон какие письма пишут наши, кто в Германии. И работать их заставляют день и ночь, и кормят бурдой... А мы?

Володя Пучков тихо сказал:

— Надо держаться вместе, ребята.

Это было произнесено как клятва. «Ешь землю!» — говорят в таких случаях мальчишки. Но это — когда дома, когда игра... А здесь не было дома и не было игры. А если игра и начиналась, то на жизнь или на смерть.

Замысел фашистов стал понятным, когда через несколько дней ребят привезли в местечко Вальдек. Это от Касселя километров пятьдесят.

Там на опушке леса стоял охотничий домик, окруженный металлической сеткой. В доме по стенам были развешаны чучела птиц, рога косули. В углу оскалился волк. При слабом свете филина, примостившийся у окна на деревянной подставке, и волк казались живыми. Стекланные глаза их фосфорически блестели.

На второй день Шиник приказал построить ребят. Настороженно вглядываясь в худые, изможденные лица, заговорил:

— Итак, дети, вы находитесь на земле великой Германии. Мы сделаем все, чтобы ваше пребывание здесь было приятным. Вы умные дети и, надеюсь, ответите благодарностью. Мы попросим выполнить одно небольшое задание. А для этого придется немного поучиться.

Ребята начали переглядываться, подталкивать друг друга локтями. Стоявший рядом с Шиником Федотов нервно переступал с ноги на ногу.

— Слушайте внимательно,— продолжал жестким голосом Шиник.— Подъем в семь часов, в семь тридцать — завтрак, потом — занятия...

Ребята зашумели.

— Смирно! — гаркнул Федотов.

— Что такое, дети? Вы недовольны? — Шиник побагровел.— Силой мы никого не собираемся принуждать. Кто не хочет — шаг вперед!

Строй дрогнул, но никто не двинулся с места. Опасная схватка с фашистской разведкой началась.

Мелкий дождь монотонно барабанит по крыше, штрихует стекла окон. Ребята лежат на соломенной подстилке в комнате и тихо переговариваются. Входит Шиник. Все, как по команде, вскакивают. Глаза настороженно смотрят на офицера.

— Скоро обед,— говорит довольный Шиник.— Хорошо покушайте, а потом пойдем в лес.

будете лазить на деревья. Очень хорошо узнать вашу резвость.

Ребята согласно, чуть ли не обрадованно ки- вают Шиньку. И вдруг:

— Не пойдем сегодня в лес!

Это сказал Витя Корольков.

— Что? Почему не пойдем?! — Шиньк удиви- лен.

— Холодно!..

— Послушайте! — взрывается Шиньк. — Не- мецкие солдаты погибают на фронте, недоедают. Вы едите их хлеб, живете в хорошем доме. Хоро- шо, кто не хочет — пусть остается. Но это так не пройдет!

Обер-лейтенант резко поворачивается и ух- одит. А ребята накидываются на Королькова:

— Что, погубить всех хочешь?..

— Задумал дело провалить?..

Объявлен сбор. Построились все, как один, и бодро, несмотря на дождь и слякоть, направилась в лес.

Через несколько дней ребят отвели километ- ров за десять. Там, в лесу, были устроены засады и ловушки. Обер-лейтенант поставил задачу: тихо и незаметно перейти «линию фронта». По всей этой «линии» разместились замаскированные сол- даты из охраны школы: каждый на своем участке и под своим номером. У ребят — тоже свои номе- ра, соответствующие номеру солдата и трассы.

Свисток. Все рассыпались вдоль просеки. Вот уже скрылись в лесу Женя Хатистов, Минченков, Ваня Мазуров, Коля Трусов, Володя Сидоренко, Павлик Гуров...

Павлик забежал в кустарник и сразу лег. По- полз по-пластунски, осторожно раздвигая высокую траву, внимательно оглядывая подозрительные кочки, пни. Долго полз.

И вдруг — что это? Мшистый бугор возле кри- вой ели шевельнулся... Немец! Тот самый двена- дцатый пост, мимо которого должен был незамет- но пройти Павлик и теперь уже не пройдет. Сейчас солдат увидит его! Павлик на мгновение представил разгневанного обер-лейтенанта... Что делать?

Затаив дыхание, Павлик подтянул к себе ва- лявшийся рядом здоровенный сук. Подполз ближе...

— Внимание! — объявил Федотов. — Первым прошел препятствие номер двенадцатый!

Гуров получил в награду губную гармошку. Но гармошка его не радовала: солдат, которого со всего маху и с неожиданным наслаждением он огрел палкой, не показывался из лесу. И теперь уже со страхом Павлик вспоминал, как тот после удара остался лежать на земле.

Через некоторое время, когда все были в сбо- ре, принесли солдата. Он тупо уставил глаза в небо, на виске чернела кровь.

— В чем дело? — Шиньк подскочил к носил- кам, склонился. Солдат бессильно прошептал что-то.

— Ударил? Кто?! — взвизгнул обер-лейтенант и круто обернулся к ничего не понимавшим маль- чишкам.

Павлик сжался. Шиньк торопливо вытащил из кармана блокнот: — Сейчас... Сейчас мы выяс- ним, кто! Какой пост? Двенадцатый... А-а, Гуров! Фамилию Павлика Шиньк произнес угрожаю- ще. Павлик сделал шаг вперед.

— Нечаянно я...

— Ты посмел ударить германского солдата! — Шиньк свирепо глядел на растерянного мальчиш-

ку. Ребята притихли: что будет с Павликом?

Внезапно Шиньк смягчился:

— Хорошо. Только так и надо действовать... гм... Но не здесь, а там, за линией фронта...

Павлик, а с ним и все ребята облегченно пе- ревели дух.

Обер-лейтенант был доволен результатами. Экзамен выдержали все. В карточках на «воспи- танников» появились новые записи: «наблюдатель- ный», «дисциплинированный», «находчивый»...

Но беседы «по душам» продолжались.

— Расскажи мне по секрету... — так обычно начинал разговор с кем-нибудь из мальчишек бело- гвардеец.

— Наш разговор — это маленькая тайна... — такими словами заканчивал беседу Шиньк.

Игра продолжается

Ребята жили в Вальдекском лесу действитель- но как в лесу. Они ничего не знали о том, что делается вокруг, а главное — как там дома, на Родине...

В беседах немцы внушали, что дела их на фронте идут хорошо и победа, мол, не за гора- ми. Неужели это так? Тоска, черная тоска подка- тывала к ребячьим сердцам.

Как-то сидели теплым вечером на крыльце, молчали. Сидоренков предложил: «Споем!» Ему даже не ответили. И в этот момент из распахну- того окна на втором этаже донеслась мелодия.

Радио. Репухов посмотрел на окно, прикинул: комната унтера Крауза, помощника Шинька... Вот бы послушать!

Пришедшая мысль в первое мгновение пока- залась нелепой, но чем больше Митька старался не думать об этом, тем больше думалось, и тем чаще он поглядывал на окно Крауза.

С того вечера он стал следить за унтером. Унтер не очень-то любил засиживаться дома — возвращался по обыкновению поздно, пьяный, — и Митька, наконец, решил...

Однажды, выждав момент, он, крадучись, под- нялся по витой лестнице на второй этаж. Оглядел- ся — никого! Прошмыгнул в комнату налево. Вот он — радиоприемник! Включил. Мучительно дол- го не загорался зеленый глазок. Загорелся, и сра- зу же — русская речь. Митька вздрогнул. Но тут же догадался: унтер и сам, очевидно, был не- прочь послушать Москву...

Припав к приемнику, Митька слушал. Дик- тор взволнованно сообщал о победе советских войск на Курской дуге.

Трудно было сдержать радость, хотелось ку- барем по лестнице и — к ребятам. Однако Мить- ка заставил себя дослушать сводку до конца и ти- хонечко на цыпочках спустился вниз.

И даже верным своим друзьям — Фролову и Пучкову — не сразу передал то, что услышал. Сказал одному, тот сказал другому. А через час ему самому кто-то из товарищей шепотом пере- дал эту же новость.

Повеселели «диверсанты». Заискрились радо- стью мальчишечьи глаза. А больше других, навер- ное, радовался Репухов, гордый своим поступком. Через несколько дней он вторично пробрался в комнату унтера, переступил порог и... обомлел. Перед ним стоял долговязый Крауз.

Тонкие губы Крауза искривились в усмешечке

— Ну, зачем пожаловал?

Капкан, казалось, захлопнулся. Митька затравленно оглянулся и неожиданно для себя выпалил:

— Сапоги!.. Сапоги хотел вам почистить, господин офицер!..

У порога валялись грязные сапоги Крауза.

— Я видел вчера, как вы шли...

Крауз пылливо, с недоверием смотрел на парня. Потом перевел взгляд на сапоги. И снова, прищурившись,— Митьке:

— Ну что ж, Сери, чисти!

И непонятно было — поверил Крауз Митьке или нет. Поэтому тревога ни на минуту не оставляла мальчишку. Все казалось, что за ним следят.

О случившемся рассказал Володе Пучкову. Тот тоже встревожился.

— Я думаю, что и того солдата они не забыли, которого Гуров в лесу стукнул. Подозревают нас... Надо что-то придумать, отвлечь как-то немцев...

— Как?

...Безлунной ночью группа ребят отправилась на вылазку. С большими предосторожностями вышли с территории школы. Под металлическую сетку пришлось сделать подкоп. А как выбрались, так заранее разведанной дорогой — в сад-питомник. Вернулись через час, нагруженные яблоками, и незамеченными проникли на охраняемую территорию.

А наутро к дому подкатил тарантас. Толстый немец в шляпе тяжело спрыгнул на землю и зашагал к часовому. Незамедлительно его принял обер-лейтенант. То был владелец питомника.

Началось следствие. У Вальки под соломенным тюфяком Федотов обнаружил яблоки.

— Шпана! — кричал он. — Ворюги! Ни стыда у вас, ни совести!

И ударил подвернувшегося Вальку тяжелой ладонью по затылку.

Шиник по этому случаю произнес целую речь. Смысл ее заключался в том, что «воспитанники» — все хулиганы, народ несерьезный.

Этого и добивались ребята. Хитрый расчет оправдался: пусть немцы считают их хулиганами...

Однако немцы до конца не успокоились. Слежка и подслушивание продолжались. Жертвой стал Валька...

Его никто никогда не называл по фамилии. Да вряд ли он помнил ее сам. В детдом он попал совсем маленьким и родителей своих не знал. Был это порывистый, горячий парнишка, не очень-то соблюдавший осторожность в словах и поступках.

Однажды он подошел к немецкому охраннику и весело поприветствовал его:

— Гутен морген, гутен таг, едет немец на коньках!

Немец заулыбался:

— Гут! Гут!

Валька еще шире растянул рот:

— Гут, псина недобитая, гут!

Немец, видно, так ничего не понял, а ребята, наблюдавшие эту сцену, повеселились всласть.

Шиник и Федотов вызывали Вальку на беседы чаще, чем других, особенно в последнее время. Возвращался он подавленный, жаловался ребятам: «Ну что они ко мне привязались! Все допытываются, кто да что сказал...»

— А ты-то что им говоришь? — поинтересовался Женька Хатистов.

— А ничего не говорю. Сегодня, правда, сказал...

— Что?!

— Что никогда никого не продавал, да и не собираюсь!

— Ну и дурак!

Вмешался Володя Пучков:

— Бросьте, ребята! А ты, Валька, успокойся, не психуй. Это они боятся, что мы к своим перебежим.

— Ясно, боятся. Все чекистами пугают. Поймают, мол, они тебя, комиссары, — за решетку сразу или пулю в лоб.

— Да-а!.. — протянул Пучков. Его и самого Шиник не раз страшил и все напоминал о злой судьбе отца...

Как бы то ни было, но когда ребята начали догадываться, что их готовят к заброске в советский тыл, они договорились в любом случае, несмотря на угрозы и запугивание, сразу же прийти к чекистам и рассказать все... Только бы поскорее забросили!

В квадрате 45

После дождя летные полосы блестели. И лес, окруживший аэродром, мокрый еще, тоже блестел на солнце. На железобетонных плитах выстроились шеренгой транспортные самолеты.

Мальчишкам предстоял пробный прыжок с парашютом. Еще дня два назад они не догадывались об этом.

Теперь все было понятно, как понятно и то, что через линию фронта их перебросят тоже на самолетах.

Место выброски обер-лейтенант назвал «квадратом 45». Где он, этот самый «квадрат»?

Взревел мотор, и самолет стал медленно набирать высоту.

Ребята притихли. Первый раз прыгать страшно. Но когда знаешь, что другого пути на Родину нет, волей-неволей успокаиваешься.

Замигала зеленая лампочка: «Приготовиться!» Ребята обреченно поднялись, выстроились на доске, упертой в порожек. Первым стоял Репухов, за ним Валька. Федотов распахнул дверцу. В одно мгновение ребята оказались за бортом. Федотов просто столкнул их с доски. «Как плавать учит», — мелькнула у Митьки мысль. Тут его сильно встряхнуло. Это фала, привязанная к самолету, раскрыла парашют. И сразу наступило облегчение, блаженство, будто большой зуб вырвали...

Но тут Митька глянул вниз и зажмурился: кто-то из ребят серо-зеленым комом падал вниз.

Репухов опустился в этом же месте. В траве лежал Валька... Он был совсем как живой: ни одной царапинки, глаза приоткрыты и тускло смотрят на друга...

Так фашисты рассчитались с Валькой.

Этот страшный случай взволновал ребят и еще теснее сблизил их друг с другом. Становилось все труднее и труднее скрывать свою ненависть к обер-лейтенанту, белогвардейцу и остальным фашистам. И когда они бранили оплошавшего якобы Вальку, не было сил сдерживаться, молчать. Но ребята молчали...

В ночь

на первое сентября

Приближались решающие дни. Однажды утром, в конце августа, ребят подняли раньше обычного. Приятно щекотал ноздри запах жаркого, доносившийся из кухни. «Что за торжество готовится?»

Построились. На крыльце дома появились немцы-преподаватели, расфранченные, в парадных мундирах. Вперед вышел Шиник и начал речь.

Он сказал, что через час вся группа вылетит в Кассель, а затем дальше — в Россию.

— О том, что вы были здесь, никто не должен знать, — предупредил обер-лейтенант и потом еще долго говорил, какие награды ждут ребят по возвращении в Германию.

— Корову дадут? — спросил Петя Фролов.

— Обязательно! — серьезно подтвердил Шиник. От крестьянского паренька он, кажется, другого вопроса и не ожидал.

Вечером ребята уже сидели в вагоне поезда, идущего на восток. Их разместили в отдельном купе под присмотром Федотова. А в другом купе ехал Шиник. Но он тоже почти все время был с ребятами. Очевидно, полной уверенности у него до сих пор не было. Разговаривал ласково, а глазки испытующе и цепко следили за каждым...

На аэродроме в Орше ребят разместили в старом бараке. Сразу же началась экипировка. Мальчишкам выдали потрепанные пиджаки и брюки, холщовые сумки. Потом Федотов показал ребятам взрывчатку, закамуфлированную под куски антрацита, и объяснил, как надо с ней обращаться. А вечером выдал пароли и деньги. Мешок с деньгами стоял рядом с его стулом. Он запускал туда руку и, не считая, вручал каждому советские ассигнации.

Толе Парфенову он вдруг заговорщицки подмигнул. Толя не сразу понял, в чем дело. Выждав, когда в комнате они остались одни, Федотов привлек его за плечи и шепнул:

— Хочешь пробраться к своим?

Толя удивленно уставился на него. Федотов продолжал:

— Я знаю, ты парень надежный. Поэтому признаюсь тебе: я связан с советской разведкой... Хочешь, помогу?

Толя продолжал смотреть на Федотова широко раскрытыми удивленными глазами. На какое-то время он лишился дара слова.

— Ладно, — сказал ему Федотов. — Вижу: пареня ты свой. Поговори с ребятами, спроси: кто хочет сразу попасть к своим — пусть через час придут вон в тот отсек, — Федотов показал рукой, куда ребятам следовало прийти.

— Хорошо, — кивнул Толя. — Я скажу ребятам.

Федотов похлопал его по плечу и, оглядевшись, вышел.

С радостно бьющимся сердцем подбежал Толя к ребятам и, с трудом переводя дыхание, сообщил новость:

— Братцы, Федотов-то — советский разведчик!..

Но тут Пучков, криво усмехнувшись, оборвал его:

— Дурак! Это же провокация. Кто пойдет — пулю в лоб получит,

Оказывается, за несколько минут до того, как Федотов «открылся» Толе Парфенову, Володя случайно подслушал разговор Шиньика с бывшим белогвардейцем: Шиньик не верил в искренность ребят и предлагал устроить им «экзамен»...

29 и 30 августа вылетели первые группы по десять человек.

Последняя группа вылетела в ночь на первое сентября.

Ребята, которым назавтра полагалось бы пойти в школу, летели на немецких самолетах для выполнения диверсионных заданий.

Вместо послесловия

Случилось так, что в Курском архиве мне попались на глаза документы, позволившие теперь рассказать о советских мальчишках, которые не были в окопах, но сражались на одном из самых ожесточенных фронтов Великой Отечественной войны. Конкретные подробности этой необыкновенной истории раскрыло письмо полковника в отставке Василия Александровича Бакланова.

«Я хочу рассказать Вам о коварстве фашистской разведки, пытавшейся использовать наших славных советских ребят для диверсионной работы, и о том, что из этого получилось,— писал В. А. Бакланов.— Осенью 1943 года дежурный офицер доложил мне, что в отдел пришел подросток и представился как «немецкий диверсант». Через минуту передо мной стоял мальчуган. Сколько ему было? Лет четырнадцать, не больше. Он вытащил из котомки два куса каменного угля и положил на стол. «Кто ты и что это такое?» — спросил я. И парнишка стал рассказывать.

В конце своего рассказа мальчуган вынул из воротника скатанную полоску бумаги. Это был

пропуск. По предъявлении его любой фашистский офицер или солдат обязан немедленно доставить вернувшегося подростка в немецкую разведку. Вы, конечно, представляете, как взволновал нас всех этот случай. Ведь в группу входило несколько ребят, а явился только один. Где же остальные? Напрасно мы волновались — пришли и другие. Пришли все. Фашистам не удалось нарушить движение на наших прифронтовых железнодорожных линиях. К сожалению, я не помню фамилий юных патриотов. Вот бы найти их и рассказать всем об этом замечательном подвиге...».

Кто они, эти ребята? Где они сейчас? Надо искать. Но с чего начинать? Конечно, с просмотра документов военных лет.

Снова тишина архивного хранилища. Опять перед глазами пожелтевшие страницы с выцветшими строками. И вот, наконец, еще один документ! Читать его без лупы невозможно — так он желтел и обветшал. Оказывается, это акт о «задержании парашютистов-диверсантов».

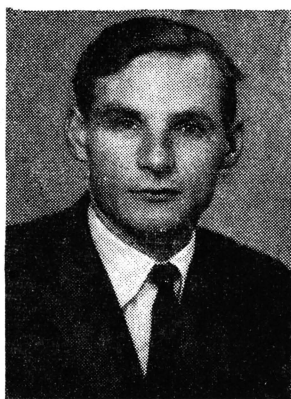
«...Парашютисты-диверсанты: Пучков Владимир Николаевич, Сидоренков Владимир Кузьмич, Фролов Петр Яковлевич, Коршунов Владимир Семенович...»

Сведения, содержащиеся в акте, позволили ускорить розыск других документов, а затем и самих мальчишек-героев.

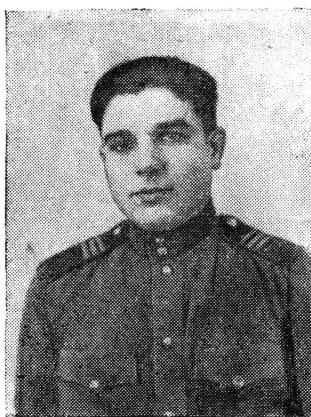
...Весточки из Москвы, Свердловска и Смоленска пришли в разное время, свежим ветром ворвались в тишину архивов. Письма невозможно читать без гордости и волнения. Обычно люди с героической судьбой, если берутся за перо, больше рассказывают о своих товарищах и лишь мимоходом о себе. Письма Репухова, Пучкова, Фролова еще раз подтверждают это правило.

Больше двадцати лет минуло с тех пор. Успели вырасти мальчишки. Теперь инженер Репухов работает в Свердловске, Владимир Пучков — в Москве, а бригадир Фролов — на Смоленщине... Известны имена и других юных патриотов, но пока не всех.

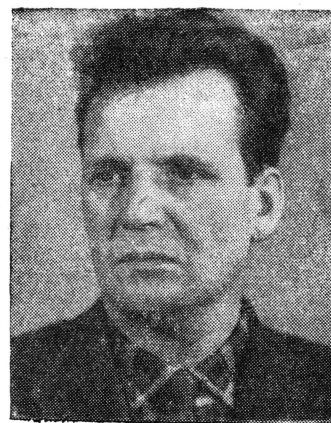
Поиск продолжается.

Дмитрий Репухов, 1967 г.

Петр Фролов, 1951 г.

Владимир Пучков, 1967 г.

SOS отменяется

Я. ВАДИЛЬЕВ

Рисунки Г. Перебатова

Герои этого очерка, двенадцать членов экипажа парохода «Генерал Панфилов», за подвиг в Тихом океане удостоены правительственных наград.

Океан наступал все настойчивее. Сначала на палубу накатывались отдельные волны, потом пенный поток загрохотал не переставая. К полудню вместе с океаном заревело небо, судно застонало, завсхлипывала каждая снасть. Вода шумно рвалась к клюзам, завивалась воронками на палубе и уносилась за борт через водосбросные трубы-шпигаты. По мостику ударили первые снежные заряды.

Скорость парохода упала, а потом он остановился совсем. Рулевой матрос отчаянно крутил штурвал, изо всех сил стараясь удержать судно носом на волну.

Капитан парохода «Генерал Панфилов» Михаил Андреевич Серых стоял на мостике вторые сутки, спускался в кают-компанию лишь на несколько минут, чтобы выпить стакан горячего кофе. Его лицо осунулось. Щеки от ветра задубели, шелушились и казались опухшими. Плотно сжав губы и навалившись грудью на ветроотбойник, Михаил Андреевич вслушивался в грохот океана, то и дело окидывая взглядом палубу.

Внизу, в трюмах, лежало девять с половиной тысяч тонн пшеницы. Выдержат ли деревянные переборки, специально сделанные, чтобы пшеница во время кач-

ки не могла сместиться на один из бортов? А если не выдержат...

Серых отбросил с головы капюшон и направился в штурманскую рубку. И в это время сильный удар потряс пароход.

— Лево на борт! — резко бросил капитан. Рулевой завертел штурвал влево, но не успел: взметнувшись метров на двенадцать вверх, нос парохода рыскнул вправо и со всего маху полетел вниз. Пароход встал к волне бортом, накренился и некоторое время лежал так, не в силах выровняться. Стрелка кренометра замерла на 35 градусах, потом перескочила еще через три деления и через полминуты медленно поползла в обратную сторону: 32, 27, 20, 10 градусов... Потом она опять стремительно метнулась, теперь уже вправо, остановилась против цифры 36 и вновь стала передвигаться к нулю.

Неожиданно вынырнул гигантский вал — такой называют девятым. Он с размаху накрыл нос и со спринтерской скоростью понесся к корме. Наткнувшись на высокую стенку надстройки, с визгом и чудовищной силой обрушился на палубу. Раздался треск, а когда схлынула вода,

капитан заскрипел зубами. На палубе от левого борта змеилась трещина.

В ту же секунду новая волна ударила в левую скулу парохода и целый водопад обрушился на судно.

Трещина увеличилась и расширилась. Над ней завихрился поток воды, ринувшейся вниз, в трюм. Трещина одним краем дотянулась до борта, другим, к счастью, в стакан трюмного вентилятора. К счастью потому, что стакан вентилятора задержал ее. Судно могло переломиться надвое...

— Всех наверх!

Не успели смолкнуть авральные сигналы, как из машинного отделения доложили:

— В льяле¹ второго трюма поднимается уровень воды...

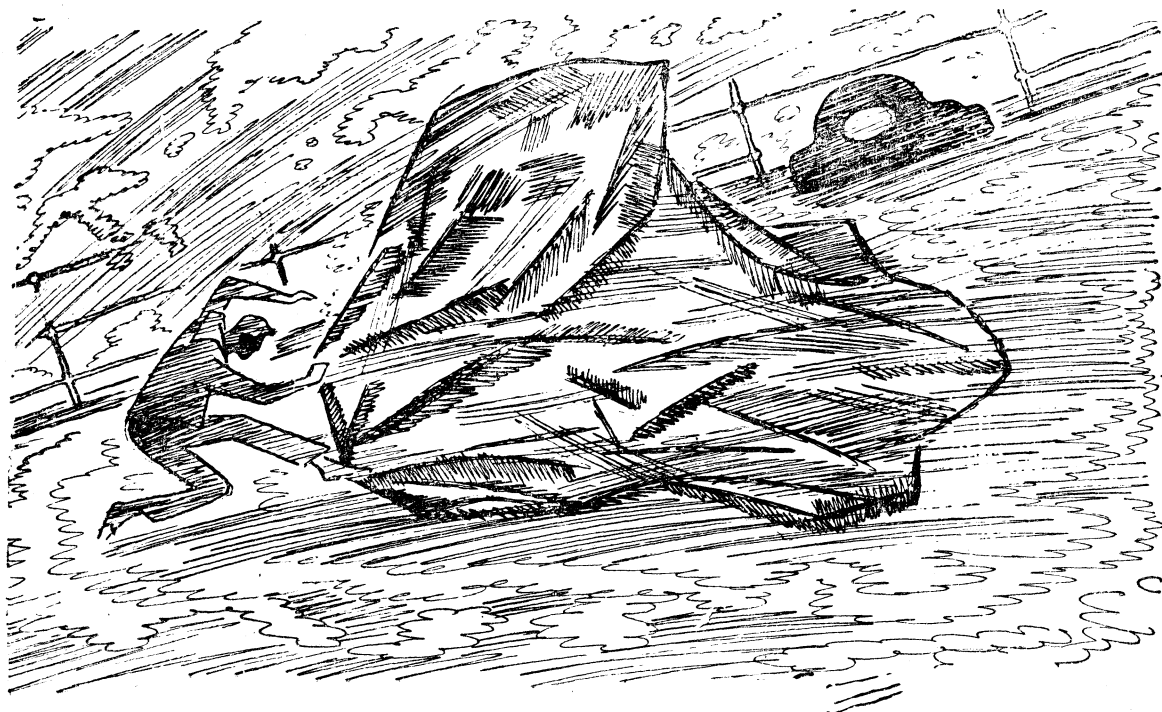
— Сколько?

— Через мерительную идет фонтаном.

— Откачивать!

Голос Серых спокоен, только губы сжались плотнее. Он хорошо знал, что ес-

¹ Льяло — водосборный отсек в корпусе парохода.

ли вода из мерительных трубок бьет фонтаном, значит зерно намокает и в любую секунду начнут трещать переборки.

Стоявший рядом и слышавший разговор вахтенный штурман Нехорошев хмуро проговорил:

— Дело дрянь.

Серых круто повернулся:

— Меньше паники. Организуйте доставку аварийных материалов.

— Есть!

— А вы,— Серых увидел вошедшего в рулевую старшего штурмана Иванникова,— найдите людей на стяжку трещины.

— Есть!

— Закрывать ее тройным слоем брезента.

Иванников кивнул головой.

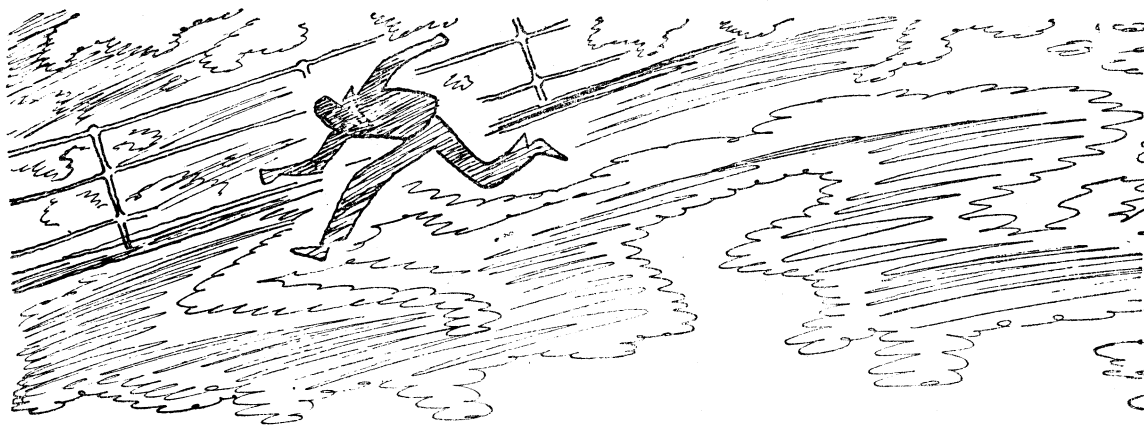
наклонился, вставил в нее конец брезента и приготовился втолкнуть его, как вдруг пароход подбросило вверх, а затем он нырнул между двумя водяными холмами. С обоих бортов на палубу обрушились волны, в одно мгновение смыли и клинья, и брезент.

Иванникова, сбитого с ног и оглушенного, Глебов и Игнатенко на страховочных концах подтянули к трапу.

— Брезент, клин!..

Боцман Крапивин стал торопливо пристегивать к специальному поясу страховочный конец. Вторую страховку пристегнул машинист Мельничук.

Но едва боцман и машинист спустились на палубу, как все повторилось: на пароход длинными шипящими языками

Первая попытка закрыть трещину окончилась неудачей.

Иванников, держа в руках клинья, брезент и ручник, широко расставив ноги и стараясь ступать в такт качки парохода, двинулся по палубе. Океан ходил ходуном, весь в белой пене и водяной пыли. Водяные валы поднимались как горные цепи, накрывая судно от носа до кормы, захлестывая мостик, пробиваясь в каюты. Пароход то нырял в пропасть, то взлетал на взлохмаченные гребни.

Иванников ускорил шаг и пошатнулся от удара ветра, едва удержавшись на мокрой скользкой палубе. Со всех сторон летели брызги, больно секла лицо снежная крупа. Шатаясь и прикрывая лицо локтем, Иванников добрался до трещины,

ворвались волны, столкнулись, взвихрились в страшном объятии и рухнули на палубу всей своей многотонной тяжестью. Судно задрожало всем корпусом. Трещина сначала сошлась на несколько сантиметров, а потом увеличилась еще больше.

— Доложите капитану — к трещине не подойти! — крикнул Иванников Яворскому.

Яворский одним махом очутился на мостике. Выслушав торопливый доклад матроса, Серых задумался. Медлить дальше нельзя. Единственно возможное решение, единственный выход...

Серых поднял трубку прямого телефона, соединяющего рулевую и радиорубку: «Передайте сигнал бедствия!»

В эфир полетели тревожные точки и

тире: «SOS», «SOS», «SOS». Палуба дала трещину. В трюме увеличивается до опасного уровня вода. Мои координаты...»

Положив трубку, Серых подошел к вернувшемуся штурману Нехорошеву, приказал негромко:

— В шлюпки добавить продуктов, положить одеяла. Выделите матросов стоять у шлюп-талей с топорами...

Постепенно стал увеличиваться крен. «Что делать? Отдать команду оставить судно?» Капитан по опыту знал: спастись в такую погоду на шлюпках почти невозможно. Нередко шлюпки опрокидывались, едва коснувшись воды. В лучшем случае до земли добирались один-два полусумасшедших человека.

Серых распорядился созвать судовой совет.

В штурманской собрались командиры парохода. Их предложения сводились к одному, единственно возможному решению: трещину стянуть, пароход не оставлять до последней возможности. Но что делать с водой в трюме? Пшеница разбухает, переборки едва держатся...

Выход подсказал машинист Николай Безрук: «Надо пустить воду из трюма в туннель гребного вала, а из туннеля откачивать пожарным насосом».

Предложение было одновременно и простым, и рискованным. Что, если пожарный насос не возьмет или выйдет из строя? Тогда вода заполнит туннель, отрежет единственный внутренний ход в кормовую надстройку, к румпельной, где расположено рулевое устройство, а из румпельной хлынет в машинное отделение.

Совет молчал. Несколько секунд в штурманской был слышен только рев океана и тяжелое дыхание моряков. Потом старший механик Иван Борисович Буря поднял голову, переглянулся с капитаном. Тот в знак согласия кивнул.

...Безрук и Мельничук быстро растянули в туннеле толстые шланги и открыли соединявшие туннель с трюмом трубки — вода забила сильными фонтанами, захлопала под ногами. Резкая качка бросала моряков на гребной вал, и при каждом толчке приходилось цепляться за что попало. В узком туннеле было темно и тесно.

Безрук и Мельничук ждали. Секунда, вторая.... Гофрированные шланги ритмично задвигались, и насос засопел.

— Пойду, скажу деду.— Безрук напра-

вился в машинное отделение, однако открыть герметичную дверь не успел.

— Шланг порвало!

Безрук побежал назад и, как перед неожиданным препятствием, остановился. Анатолий Мельничук лежал на шланге, обхватив его руками,— телом закрыл дыру. Николай торопливо развернул запасной кусок брезента, столкнулся со шланга приятеля и попытался набросить на дыру брезент. Однако струя воды отбросила машиниста в сторону.

— Надо насос выключить! — прокричал Мельничук.— Иначе не закроем...

— Закроем,— прохрипел Безрук, снял с себя рубашку и, выждав момент, заматал ею дыру. Напор воды ослаб, вдвоем они быстро затащили шланг брезентом и хомутами.

— Вот так,— проговорил Безрук, поднимаясь. Вздрагивающими пальцами вынул из кармана портсигар, вложенный в целлофановый мешочек, достал папиросу, усталый и сразу обмякший, сел на переходный мостик, несколько раз подрыд жадно затащился...

...Первый сигнал бедствия приняла американская радиостанция «Адак». С «Панфилова» просили разрешения зайти на ближайший к судну остров Уналашка для ремонта главной палубы. До острова — 130 миль.

Но... напрасно радист Николай Романюк вертел ручку приемника. Американская радиостанция молчала.

«Поворачиваю к вам»,— сообщил капитан парохода «Емельян Пугачев» Шведунов. «Емельян Пугачев» шел в двухстах милях южнее с зерном из канадского порта Ванкувер.

«Форсирую ход»,— сообщили с парохода «Родина». С трудом преодолевая шторм, пробиваясь сквозь снежные заряды, моряки спешили на помощь своим товарищам. Но даже ближайший к панфиловцам пароход «Емельян Пугачев» мог подойти не ранее чем через полтора дня.

Наконец откликнулась и радиостанция «Адак». Ответ был более чем странен. Он состоял в основном из запросов: «Кто вы и что случилось? Что везете и куда? Сколько думаете отремонтировать?» И через полсуток: «Не можем обеспечить ремонт, нет специалистов и материалов». Затем последовало новое: «Следуйте в Кадьяк». А это 500 миль и совсем в другую сторону.

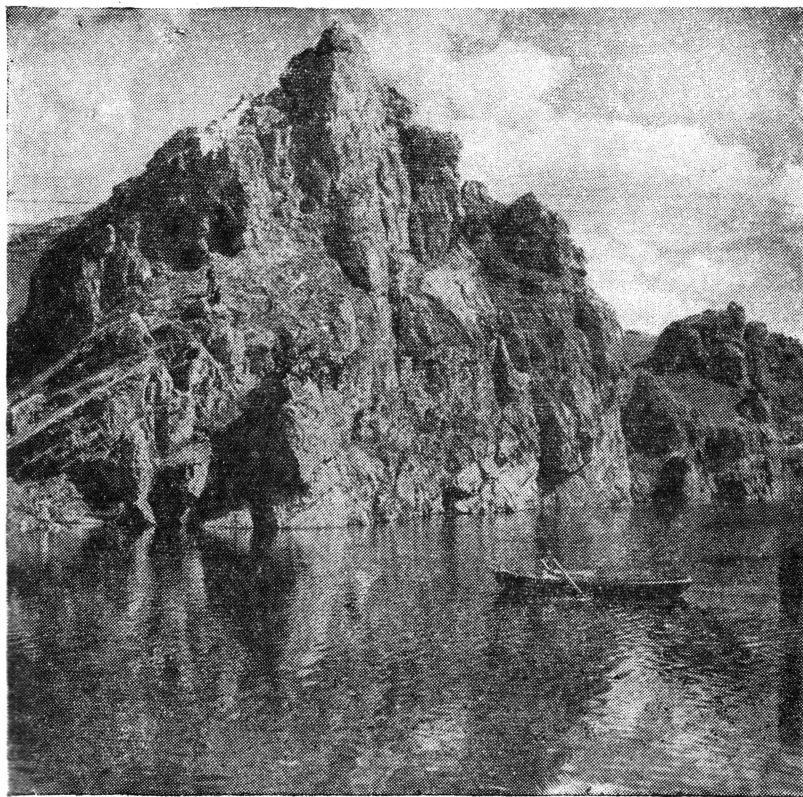
На «Генерале Панфилове» ни на минуту не прекращались аварийные работы — сверлили в палубе отверстия для болтов. Чтобы хоть немного укрыться от снежных зарядов и воды, решили над трещиной натянуть брезентовый тент. Однако натянуть тент оказалось не так просто. Только поднималась волна — раздавался предупреждающий свист, и моряки бегом взлетали на трап. Уходила вода — вновь возвращались на палубу. Так продолжалось бесконечно. Натянули тент, и из машинного отделения вызвали Безрука и Мельничука. Безрук единственный из членов экипажа знал сварочное дело.

Через трещину перебросили несколько оказавшихся в машинной кладовой планок, срезали и стойку от грузовой стрелы.

В штормовых костюмах, на страховых концах Безрук и Мельничук подбирались к трещине, все время прислушиваясь: не раздастся ли предупреждающий свисток. Только волна обрушивалась на палубу — бегом под прикрытие надстройки, а дрель, привязанную к тросу, товарищи поднимали наверх. Прошло два часа, а они сумели

просверлить всего два отверстия. Тогда машинисты привязались к стойке. Теперь волна не могла унести их, но коченели руки. Вода со снегом проникала под штормовые костюмы, била в лица, слепила глаза. Временами окоченевших машинистов охватывал такой озноб, что тряслись руки. Восемь часов они сверлили отверстия. Потом на трещину наложили брезент, прижали его по краям металлическими полосами, притянули гайками. Вода в трюм больше не попадала. Требовалось еще соединить края трещины так, чтобы она больше не расплзалась. Товарищи несколько раз предлагали Николаю и Анатолию передохнуть, но они с палубы не ушли. «Заварим — тогда и обсохнем», — прохрипел Безрук, коченеющими руками прилаживая очередную планку.

...Двое суток панфиловцы без сна и отдыха отстаивали корабль. И когда на горизонте показался силуэт парохода «Емельян Пугачев», радиостанция «Панфилова» передала в эфир: «Воду успешно откачиваем. Трещину стянули, закрыли... Следующим своим курсом...»

На Исети.

Фото И. Тюфякова

ДОРОГАМИ

ПОДВИГОВ

Поезд, петляя между гор, приближался к станции Вязовая. Красив Южный Урал! Мимо окон в ущелистом русле стремительно несется река. Каменные кручи причудливо свисают над водой, и кругом — поросшие лесом горы, горы, горы...

Вот у самой насыпи скромный обелиск с пятиконечной звездой... Раньше его не было.

— Это нашенские, юрюзанские ребятишки поставили, — объясняет сидящим рядом пожилая женщина. — В восемнадцатом году здесь красногвардейцев расстреляли. Разыскали ребятишки это место...

И столько было в ее словах теплоты и какой-то душевной гордости за этих ребятишек...

Вот и школа. В этом году она юбиляр, ей пятьдесят лет. Ровесница Октября. Полвека — целая история... И каждый ученик причастен к этой истории. Уже четвертый десяток ребята пишут ее,

собирают материал о родном крае.

В 1933 году приехал в Юрюзань Владислав Антонович Козловский, новый директор и преподаватель физики в старших классах. А вскоре приобрел он известность не только как учитель, но и умелый воспитатель.

Владислав Антонович считает, что трудные и многодневные походы делают ребят смелыми, волевыми, расширяют кругозор, воспитывают любовь к Родине. Так родилась традиция — начинать каждое лето с похода. Гора Яман-тау, хребет Зигальга, Серпиевская пещера, реки Юрюзань, Уфа, Белая, канал имени Москвы прошли следопыты тридцатых и сороковых годов с этим неутомным человеком. Как благодарны были тогдашние мальчишки и девчонки за эти путешествия Владиславу Антоновичу. Ведь это им пришлось пережить суровые годы войны. Письма бывших туристов с фронта.

«...благодарим Вас за то, что помогли подготовиться к условиям фронтовой жизни».

«Тяжесть наших походов делает легче фронтовую жизнь. Спасибо, Владислав Антонович!»

Сейчас Владислав Антонович Козловский на пенсии, живет в Гродно. Но у него достойная смена: Л. И. Раскатова, А. Н. Пигалова, А. Р. Куклов, Л. Н. Сурин. Уходят одни ребята, приходят другие, но, как и прежде,

каждое лето начинается с похода. Много интересного приносят следопыты для своего школьного музея. Недаром его называют филиалом народного музея. Вот письма Н. К. Крупской к юрюзанским школьникам... Надежда Константиновна давала ребятам практические советы. Было трудно с бумагой — прислала посылку с тетрадями. При содействии Н. К. Крупской началось строительство нового школьного здания. С 1932 года школа стала носить ее имя.

Фотографии, походные дневники, документы, письма. Да, эти ребята не играют в задания! Они заняты серьезным и нужным делом. Сами они рассказывают...

...Несколько лет назад преподаватель Леонид Николаевич Сурин узнал о том, что в районе станции Вязовая были расстреляны белочехами два красногвардейца. Собрать сведения о погибших поручили следопытам 8-а и 10-б классов. Долгими и кропотливыми были поиски. Наконец нить привела нас в Усть-Катав к персональному пенсионеру, члену КПСС с 1917 года Георгию Ивановичу Кондрину. В годы гражданской войны он командовал отрядом усть-катавских красногвардейцев. Оказалось, что те двое, расстрелянные интервентами, были из его отряда. Один — Ференц Кольман, по национальности венгр, другой — Йозеф Блажек — чех. Отыскался и свидетель — Павел Осипович Маршалек.

**НА
ПРИЗ
НАШЕГО
ЖУРНАЛА**

Пасмурным октябрьским днем мы вместе с Павлом Осиповичем поехали на станцию Вязовая. Не сразу приняла станция пассажирский поезд. Он остановился у семафора. Это было кстати. Вышли из вагона, сделали по насыпи всего несколько шагов. Павел Осипович внимательно осмотрелся.

— Вот здесь, — тихо сказал он, — их могила. Место очень памятное. Семафор и там (он махнул в сторону реки) была дамба для защиты от паводка...

А потом Павел Осипович рассказал нам.

...Австро-венгерские пленные Йозеф Блажек и Ференц Кольман, попав на Урал, поняли смысл революционных событий в России и записались в Усть-Катаве в красногвардейский отряд Г. И. Кондрина. Их направили в распоряжение Елены Алексеевны Правдиной, выполнявшей обязанности врача. Кольман и Блажек работали санитарями. Кольман, кроме того, был в отряде еще касиром. Раз в неделю, обыкновенно по субботам, он исправно и аккуратно раздавал бойцам их красногвардейское жалованье.

6 июля 1918 года белые начали наступление на Усть-Катавский завод. Среди красногвардейцев, оборонявших завод, были Блажек и Кольман. Но бывшие солдаты, среди которых белогвардейские лазутчики уже давно вели пропаганду, прекратили огонь и подняли белый флаг. Защитники Усть-Катава разрозненными группами уходили из поселка в окрестные леса.

Йозеф Блажек и Ференц Кольман пошли на узловую станцию Вязовую. Она была занята белочехами. Рискуя жизнью, Блажек и Кольман хотели склонить на сторону Советской власти обманутых чешских солдат. Но неподалеку от Вязовского семафора их схватил белочехский патруль. А через несколько дней в партизанском отряде узнали, что их товарищей по оружию расстреляли. Вот как это было.

...В начале июля 1918 года на Вязовую прибыли эшелоны белочехов. Павел Осипович Маршалец тогда работал ремонтным рабочим. В тот

день проводили подъем пути около выходного семафора. Вдруг, смотря: белочехи конвоируют к станции двух красногвардейцев. Интервенты были в шинелях, пленные — в коротких бушлатах, на фуражках красные ленты. Офицер бросил лопату пленным и приказал копать яму.

А утро было солнечное, тихое... В то время, как один копал, товарищ его стоял рядом, смотрел на лес, на горы, на реку, как будто хотел запомнить все это.

...Трижды прогремел над рекой, над лесом залп. Убийцы забросали яму землей, так, что даже холмика не осталось.

Когда мы узнали все обстоятельства гибели Йозефа Блажека и Ференца Кольмана, когда нашли место их гибели, то сразу решили: «Поставим памятник, чтобы о друзьях нашей страны знал каждый».

От имени школы это комсомольское поручение получил 10-а класс. Ребята обратились за помощью к своим шефам, рабочим цеха промышленной цепей Юрюзанского механического завода. И вот утром 2 ноября следопыты Саша Савенков, Петя Чехонин, Саша Морозов, Слава Яковлев и Петя Черданцев пришли в цех. Погрузили памятник в машину и выехали на дорогу, ведущую к Вязовой.

5 ноября 1965 года состоялось торжественное открытие памятника. На металле надпись: «Летом 1918 года здесь были расстреляны интервентами борцы за власть Советов Блажек и Кольман. Вечная слава героям!»

Через несколько месяцев к нам в школу пришло письмо:

«Дорогие товарищи!

Меня очень тронуло ваше письмо, статья в газете и фотоснимки. Ваши поиски, сооружение памятника, увековечение памяти погибших героев - интернационалистов — все это свидетельствует о том, насколько сильна и неразрывна дружба между нашими народами, насколько глубоко чувства интернационализма, которые нас связывают и которые на протяжении нашей общей борьбы уже получили столько ярких доказательств.

Венгерский народ благодарен за то благоговение, с которым советский народ хранит память о его сыновьях, погибших на далекой русской земле за торжество общего дела социализма.

У нас на венгерской земле люди также с заботой и любовью ухаживают за могилами советских героев, отдавших жизнь за свободу и счастье венгерского народа.

Примите нашу глубокую благодарность за ваш замечательный интернациональный поступок. Желаю вам всем всего наилучшего, больших успехов и счастья!

*С товарищеским приветом,
Янош КАДАР —
первый секретарь ЦК
Венгерской соц. партии».*

И еще одно письмо:

«Уважаемые товарищи!

Посольство Чехословацкой Социалистической Республики в Москве от имени Президента Республики А. Новотного благодарит Вас за письмо и фотографии, которые его очень порадовали, т. к. являются доказательством того, что Ваша школа и население Вашего города свято чтут память погибших бойцов. Пусть это послужит воспитанию молодого поколения в духе дружбы между нашими народами.

Желаем Вам многих успехов в Вашем труде, желаем много счастья в Вашей жизни».

Сейчас мы готовимся к новому большому походу, посвященному пятидесятилетию Октября.

Следопыты Юрюзани

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Как снимался фильм
о разведчике Н. И. Кузнецове

Рассказывать о легендарном разведчике Николае Кузнецове после того, как о нем написано столько книг, невероятно трудно. А тем более в фильме. Фильм должен открыть что-то новое, неизвестное, и в то же время каждый кадр его, каждая деталь должны быть абсолютно правдивы — ведь любой зритель все, о чем рассказывается в фильме, может легко проверить по книгам «Это было под Ровно», «Сильные духом», «Подвиг», «Прыжок в легенду»... Как, например, снять эпизод убийства верховного судьи оккупированной Украины Функа? По дошедшим до нас скудным сведениям известно, что Николай Иванович стрелял в упор...

Похожее помещение нашли в Риге — здание госбанка. Снимать можно было только в перерывах, когда прекращались кассовые операции. Поэтому аппаратуру и оружие завезли пораньше, а Гунар Цилинский, исполняющий в фильме роль легендарного разведчика, и актер Елагин, игравший в этом эпизоде Функа, приехали уже загримированные и одетые в форму немецких офицеров, когда милиционеры перекрыли входы в банк.

Пол в госбанке каменный — пятнадцать раз пришлось падать Елагину, изображая сраженного Функа. Весь бок в синяках, а все не так. «Ближе! — кричит режиссер. — В упор стреляйте!»

«Вальтер» Цилинского был, конечно, заряжен холостыми, но как стрелять в упор в товарища? Елагин уж взмолился: «Да стреляйте, Гунар, не бойтесь!»

В фильм, вероятно, войдет последний дубль: Цилинский сделал все, как было на самом деле. И Елагин упал, словно сраженный, но боль, искажившая его лицо, была не наигранная. Когда прозвучала команда: «Стоп, мотор!», Елагин поднялся с трудом: порох от выстрела в упор прожег мундир и рубашку. «Ожог второй степени», — констатировал врач «скорой помощи», вызванный по телефону.

Там же, в фойе латвийского госбанка, произошел и трагикомический случай, который тоже едва не окончился стрельбой.

За оружие — «вальтеры», «парабеллумы», автоматы — отвечала ассистент Л. Смирницкая. Перед самым началом съемок, когда уже включили «юпитеры», Лидия Константиновна вдруг увидела в фойе двух вооруженных пистолетами молодых парней. Парни были явно чужие, и Смирницкая, не раздумывая долго, набросилась на них с криком: «Отдайте оружие!» Парни попятились, а потом выхватили пистолеты и что-то закричали. Беда заключалась в том, что парни не понимали по-русски, а Смирницкая не понимала по-латышски. В полной уверенности, что пистолеты ее, а

*Г. Цилинский и помощник
Н. И. Кузнецова Н. Гнидюк,
ныне заместитель председателя
Львовского облисполкома.*

Первые зрители...

значит заряжены холостыми патронами, Смирницкая энергично наступала на парней. Неизвестно, чем бы ее атака закончилась, если бы она не разглядела мешков с деньгами, которые защищали незнакомцы, оказавшиеся инкассаторами.

В фильме есть эпизод, который большинство зрителей, возможно, даже и не запомнят: Лисовская (ее играет народная артистка Латвийской ССР Вия Артмане) должна предупредить Пауля Зиберта, что им усиленно интересуется гестаповец Геттель. Лисовская не знала, что Зиберт — советский разведчик, она считала его антифашистом.

Прежде чем приступить к съемкам эпизода «Проводы Генриха», каждому офицеру пришлось найти и очертить мелом свое место. Так создавался кадр.

За камерой — главный оператор фильма Г. Черешко.

Так снимался эпизод захвата графа Гана, ехавшего на совещание к Гитлеру.

Только что закончилась вечеринка, Зиберт насвистывает какую-то песенку, Лисовская убирает со стола посуду... Артмане долго не удавался этот эпизод: психологически вся обстановка не помогала, а мешала сделать важное признание. Но предупреждение Кузнецов получил от Лисовской именно в этот вечер!

Вия Артмане нашла блестящий выход: она перегрузила поднос так, что посуда едва не рухнула. Звон тарелок прозвучал в опустевшей комнате как удар грома, и именно в это мгновение Лисовская — Артмане выпалила Зиберту — Кузнецову о майоре Геттеле.

Основные кадры фильма были сняты во

Первая встреча Вали Довгер с Н. И. Кузнецовым произошла в лесу, около партизанского лагеря. Шёл проливной дождь. На съёмках роль дождя выполняла пожарная машина, и десять раз В. Федоровой, игравшей В. Довгер, пришлось высушивать волосы и платье.

Льво́ве — городе, где Николай Иванович совершил свой последний акт возмездия, застрелив вице-губернатора Галиции Бауэра и его президиал-шефа Шнайдера. Там же, в окрестностях Львова, Николай Иванович погиб в перестрелке с карателями.

Львов был декорирован: повсюду на улицах висели фашистские знамена, вывески и указатели на немецком языке... На заснеженных львовских улицах шли съёмки. И вдруг пошел дождь: от снега осталась грязная каша, а все великолепные декорации, включая фашистские знамена, мгновенно обледенели и гремели, как жёсть.

Выручили магазины. В электротоварах дали напрокат десяток утюгов — ими сушили и гладили обледеневшие знамена и транспаранты, а магазины косметики и канцтоваров расстались со всеми запасами мела, зубного порошка и пудры. Мел и пудру мешали с опилками — снег получался как настоящий. Но все эти трудности оказались мелочью, когда приступили к съёмкам эпизода смерти Н. Приходько.

Н. Приходько — Герой Советского Союза, помощник Н. Кузнецова — погиб в перестрелке с полицией. Показать, как он погиб, было не трудно. Трудным оказалось снять кадр, когда Приходько, выхватив на мосту автомат, приказывает полициям прыгать в воду. Высота моста — пять-шесть метров, мост подпирают ледорезы... Вызвали водолазов, «скорую помощь»... Актеры, игравшие полицейских, прыгали в ледяную воду раз пять и все неудачно. Беда в том, что страх на их лицах был написан не в тот момент, когда Приходько наводит на них автомат (чего автомата бояться — он же не заряжен), глаза зажмурились от страха, когда актеры летели в воду. Все наоборот!

Совершенно неожиданным оказался финал съёмки эпизода в тире. «Приятель» Зибера майор немецкой разведки Ортель (его играет актер Волков) тренируется в стрельбе из пистолета. Съёмки шли зимой, тир не отапливался и не проветривался — пороховой дым плавал сизым облаком. И к концу дня после массы дублей (никак не получалась психологическая сцена, где Ортель пытается завербовать в немецкую разведку Зи-

Г. Цилинский у могилы Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова.

берта) полгруппы пришлось отправить в больницу, а Волкова посадили в московский самолет в полуобморочном состоянии. Вечером он должен был играть в спектакле...

Особенно трудно было Гунару Цилинскому. На пробах он единогласно был признан лучшим исполнителем роли Кузнецова — помогло портретное сходство. А когда дело дошло до съёмок, Цилинскому пришлось не только перечитать все, что было написано о его герое, но и часами спрашивать всех оставшихся в живых друзей легендарного разведчика: Н. Гиндюка, А. Лукина, В. Довгер, Н. Струтинского. С большим волнением пришел Гунар Цилинский и на могилу Николая Ивановича Кузнецова. Скромное надгробие было завалено венками и букетами — со всех концов страны ехали люди поклониться праху легендарного разведчика. Вот здесь, у могилы, увидев, каким почётом в народе пользуется имя Н. Кузнецова, Г. Цилинский по-настоящему оценил сложность и ответственность своей работы в фильме «Сильные духом».

Снимки А. Мусина.

ГРАНЕНОЕ СЛОВО

Самое дорогое на свете — это время. И за 10 тысяч фунтов стерлингов не купишь ни одной секунды.

Т. Эдисон

Люди, которым всегда некогда, обыкновенно ничего не делают.

Г. Лихтенберг

Всякая работа трудна до времени, пока ее не полюбишь, а потом — она возбуждает и становится легче.

М. Горький

Неподвижного, застывшего счастья не существует. Счастье только в движении, в развитии, в преодолении преград, счастье — в непрерывном узнавании.

О. Писаржевский

Все радости жизни — в творчестве. Любовь, гений, труд — все это вспышки сил, вышедших из единого пламени. Творить — значит убивать смерть.

Р. Роллан

Кто не знает, куда ему плыть, для того нет попутного ветра.

В. Каверин

Если человек берется за два дела, прямо противоположных друг другу, — одно из них непременно не удастся ему.

Эзоп

Уже и маленькая победа над собой делает человека намного сильнее.

М. Горький

Ничего не делается само собой, без усилий и воли, без жертв и труда.

А. Герцен

Признавшись в своей слабости, человек становится сильным.

О. Бальзак

Труден только первый шаг.

Французская пословица

Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно.

Данте

Наибольшая из всех безнравственных — это браться за дело, которое не умеешь делать.

Наполеон

**НАЙДИТЕ
НАЙДИТЕ
ЕСЛИ
ВОЗМОЖНО...**

Рассказ-быль

Борис Раевский

23 часа 15 минут.

За окном дежурки равномерно и глухо хлестал тяжелый осенний ливень. Казалось, мимо тянется бесконечный железнодорожный состав. А в дежурке — тепло и даже уютно...

Лейтенант Анатолий Стеринский сидел за столом в благодушном настроении. Ночь предстояла спокойная: в непогоду даже жулики предпочитают отсиживаться по домам.

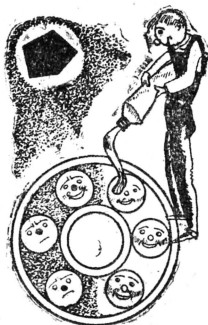
Лейтенант достал конспекты по уголовному праву и аккуратно разложил их на столе. Он вообще отличался аккуратностью: и конспекты у него были чистенькие, обернутые в целлофан; и подворотничок свежий; и пробор на голове ровный, как струна...

Хлопнула дверь. Сразу ворвался с улицы разбойничий посвист ветра, и drobный стук воды по желобу, и неясная сырость.

Удивительное рядом

ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Кто-то подсчитал: каждый пятый житель Земли, знакомый с механикой и физикой, увлекался идеей вечного двигателя. И вот, наконец, он изобретен!

Правда, это не совсем тот «перпетуум мобиле», над созданием которого трудились сотни тысяч энтузиастов. И все же двигатель, да и не только двигатель, а любая машина, имеющая подшипники, если она будет создана по методу, предложенному двумя московскими профессорами Д. Гаркуновым и И. Крагельским, практически окажется вечной.

В любом автомобильном или тракторном моторе самым больным местом являются подшипники. Они, в основном, и определяют его долговечность. Д. Гаркунов и И. Крагельский после долгих поисков нашли такую смазку, которая увеличивает долговечность подшипников в тысячу раз. Такой смазкой оказался глицерин. Более того, можно создать специальную смесь, которая будет восстанавливать уже изношенные детали машин! Для этого в смазку надо ввести порошки меди или бронзы. Порошки перейдут на поверхность подшипника и... двигатель «омолодится».

В комнату вбежала девушка, невысокая, в простеньком пальто, вязаной шапочке с помпоном, как у малышей, и в легких, насквозь промокших туфельках. Губы у девушки дрожали, прядь мокрых волос выбилась из-под шапочки и некрасиво свисала к подбородку. Видно было: еще секунда, и девушка заплачет.

— Ну-ну,— сказал лейтенант.— Ну, не надо...— Так он обычно успокаивал свою четырехлетнюю дочку.— Что случилось? Садитесь...

— Ой! — всхлипнула девушка.— Скорей! Я — у-у-убийца! Из-за меня че... че... человек... Найдите! Найдите, если возможно...

Она уткнулась в рукав пальто и заревела громко, на всю дежурку.

«Весело,— подумал лейтенант, убирая в ящик конспекты.— Вот тебе и спокойная ночь!»

По привычке мельком глянул на часы: двадцать три пятнадцать.

Лейтенант стал выяснять, что же случилось. Оказалось, Галя Терехова работает неподалеку в аптеке. Практикантка. Сегодня вечером она допустила ужасную ошибку. Страшную ошибку, непростительную...

Лекарство для ребенка надо было изготовить из корня алтея, а она — наверно, из-за усталости: был уже поздний вечер — взяла траву термопсис. «Они, понимаете, так похожи, оба эти порошка: желто-коричневые и запах одинаковый...» И только после смены вдруг заметила красную наклейку: «Осторожно!»

Бросилась на выдачу, но микстуру уже унесли...

— Так,— сказал лейтенант.— А этот... термосин... термосис... Это опасно?

— Опасно?! — Галя громко всхлипнула.— Это смертельно! Удушье же...

Она опустила на стул, уронила голову на руки и заплакала. Ну, как же, как все-таки это получилось?!..

Ни она сама, ни фармацевт, руководитель ее практики, ничего не заметили.

И такая доза — пять граммов! Пять граммов «алтейки» — пустяк. Но пять граммов термопсиса...

Галя застонала.

Это и взрослому смерть! В двадцать раз больше предельной нормы!..

— Ну, успокойтесь,— сказал лейтенант.— А кому прописано лекарство?

— В том-то и беда! Помню только фамилию — Медведев. Или Медведева. То ли мальчик, то ли девочка. А больше ничего...

— Совсем ничего? — нахмурился лейтенант.

— Совсем...

— А имя?

Галя качнула головой.

— Возраст?

Галя всхлипнула.

— А рецепт? Где и кем был выписан рецепт?

Галя заплакала:

— Его... его вернули... вместе с микстурой...

— Так...

Лейтенант задумался.

— Товарищ начальник! — Галя вскочила. — Надо срочно отыскать!.. Лекарство взяли поздно вечером. Ребенок, наверно, уже спал. Значит, лекарство ему не давали. Первый раз дадут утром...

— Понятно, — лейтенант встал. — А теперь помолчите.

Он вышел из-за стола и медленно зашагал взад-вперед по дежурке.

Галя исподлобья следила за ним: может, что-нибудь и придумает? Да нет, вряд ли... Попробуй найти в четырехмиллионном городе какого-то Медведева. Да еще за одну ночь...

А лейтенант ходил и ходил по комнате. Изредка поглядывая на Галя.

Была она такая маленькая, худенькая. А губы пухлые, совсем детские. А туфли и чулки такие жалкие, исхлестанные грязью, насквозь промокшие.

— Сядьте к батарее.

Галя непонимающе посмотрела на лейтенанта.

— Что?

Потом пересела. Туфельки она сняла и поставила на батарею. Без туфель, в этой домашней позе, она стала совсем похожа на ребенка.

«Статья сто шестая, — подумал Стеринский. — Убийство по неосторожности. До трех лет...»

23 часа 25 минут.

Лейтенант позвонил в Управление милиции.

— Товарищ дежурный по городу? Докладывает лейтенант Стеринский...

Кратко изложил историю с лекарством.

— Что собираетесь предпринять?.. — спросили из Управления.

— Во-первых, свяжусь с ЦАБом¹. Узнаю адреса всех Медведевых, проживающих в Ленинграде. Попрошу в первую очередь отобрать васьльеостровских...

— Так. Дальше.

— Сейчас же пошлю людей во все детские поликлиники района.

— Однако учтите: ночь...

— Так точно, ночь. Но постараемся разыскать хоть вахтеров. Надо в регистратурах проверить картотеки. Выявить всех Медведевых. По карточкам узнаем, кто из детей Медведевых сейчас болен и чем.

— Так. Действуйте. О ходе розысков докладывайте мне каждый час.

— Есть — докладывать каждый час...

Галя подумала:

«Почему они ищут только тут, на Васильевском? Может, ребенок живет вовсе в другом районе? Может, просто мать работает где-то здесь? Ну, и возле своей работы заказала лекарство...»

О том же думал и лейтенант. Но нет, все же сперва — Васильевский. Все равно весь Ленинград за одну ночь не обшаришь. А главное — микстуру в аптеке забрали поздно вечером, около десяти. Значит, кто-то близко живущий. Именно живущий, а не просто работающий тут: ведь в десять с дневной смены давно разошлись, а вечерняя — еще не кончилась...

¹ ЦАБ — центральное адресное бюро.

Какое значение имеет «вечный двигатель» Д. Гаркунова и И. Крагельского? За полвека в нашей стране зарегистрировано всего около 50 открытий. Среди них — лазеры и мазеры. Последняя в этом списке идея «вечного двигателя»...

ГОЛОС СОКРОВИЩ

Гремит взрыв. Десятки антенн-приемников, воткнутых в землю, улавливают слабые электромагнитные волны, идущие из глубины земли. Откуда они взялись?

В каждом, наверное, доме есть проигрыватель грампластинок. Сердце проигрывателя — тонкая пластинка пьезоэлемента. Игла давит на элемент, заставляет его изгибаться — пьезоэлемент вырабатывает электрический ток.

Но, оказывается, пьезоэлектрическими свойствами обладает не только сегнетова соль, которую впервые употребили для головок проигрывателей. Под давлением или ударом ток начинают вырабатывать почти все минералы, содержа-

щие цинк, алюминий, золото и многие другие редкие металлы.

Гремит взрыв! На лентах самописцев, подключенных к антеннам, появляются ровные линии. Вдруг — резкий скачок. Это отозвалась на взрыв рудная жила. Где она находится! Расстояние до руды легко определяется по времени между взрывом и пьезоэлектрорезом.

Новый метод поиска подземных сокровищ разработан в научно-исследовательском институте методики и техники разведки недр.

КОМНАТА ИЗ СТЕКЛА

Стеклопанельная комната... Звучит довольно странно, и тем не менее такая комната есть. Изго-

товлена она на Саратовском заводе технического стекла. Пол и потолок выложены художественной плиткой, стены и двери изготовлены из молочного стекла, одна из стен — зеркальная. Из специальных стеклопластиков собраны даже оконные рамы...

Для чего понадобилась стеклянная комната? Оказывается, многие детали комнаты, не считая полочек, бра, ваз и

23 часа 35 минут.

Лейтенант Стеринский позвонил в «Скорую помощь».

— Не поступал ребенок Медведев? Нет? Предупредите все пункты «Скорой». И «Неотложную». В любую минуту может поступить. Да, Медведев... Да, термопис...

23 часа 40 минут.

Стеринский позвонил в ЦАБ.

— Вынуждена вас огорчить, — сказала дежурная сотрудница адресного бюро. — В Ленинграде более семи тысяч Медведевых. Пока мы выпишем адреса всех, пройдет неделя.

— А вы отберите только васильеостровцев.

— Все равно. Потребуется два-три дня. А сейчас в ЦАБе я одна. Ночь ведь...

0 часов 10 минут.

— Выезжайте и просмотрите картотеки! — сказал Стеринский оперуполномоченным Жаркову и Беленькому.

Жарков был молчаливый, а Беленький — говорун. И сейчас Беленький тоже ответил за двоих:

— Есть — посмотреть картотеки поликлиник!

«Одно плохо: больные там не по алфавиту, — думал Стеринский. — По адресам. Как же искать?»

За окном уже нетерпеливо фырчали машины, а лейтенант все сидел, приставив кулак к подбородку: неужели просматривать сплошь картотеки всех детских поликлиник района? Адская работа!

— Ничего не попишешь, — вздохнув, сказал он Беленькому. — Придется крутить все барабаны подряд.

— Придется, — согласился тот и шагнул к двери.

— Да! И обязательно проверьте: не отложены ли у врачей отдельно карточки с последними, срочными вызовами? Может, как раз там этот Медведев?!

— Есть!

Машины уехали.

А дежурка жила своей обычной жизнью. Вот привели пьяного с разбитым лицом и слипшимися в кровавый ком волосами. Вот двое разъяренных мужчин притащили паренька: пытался снять колесо с их автомашины.

Все это было привычно. Семь лет, изо дня в день, занимался лейтенант пьяницами и хулиганами, ворами и тунеядцами. Занимался усердно и добросовестно. Однако сегодня все это злило его. На счету каждая секунда, а тут... колесо! Подумаешь! Ребенок гибнет, а они — колесо!..

Лейтенант быстро распорядился насчет пьяного. Не задерживаясь на подробностях, составил протокол об автоворишке. Его отправил в камеру, а шумных, возбужденных свидетелей, готовых, кажется, всю ночь рассказывать, как они случайно выглянули в окно, а на дворе этот парень поддомкратил машину и уже снял крепящие гайки с колеса... — шумных этих свидетелей лейтенант перебил: «Вы свободны». И, кажется, вызвал у них неудовольствие своей поспешностью.

Галя глядела на громкоголосых жизнерадостных автомобилистов с ненавистью. Будь ее воля, показала бы им колесо!

Лейтенант незаметно подмигнул ей: мол, ничего, мы все это быстро...

1 час 10 минут.

— Товарищ дежурный по городу? Докладывает лейтенант Стеринский. Положение усложнилось. В поликлиниках никого нет. Даже вахтеров. Наши стучали, звонили — без результата.

— Так. Что намерены предпринять?

— Буду действовать через постовых. Прикажу им обойти свои кварталы, поговорить с ночными дворниками. Нет ли жильцов с больным ребенком по фамилии Медведев?

— Действуйте!

1 час 15 минут.

Время... Как быстро мчится время...

Лейтенант посадил к телефону уполномоченного угрозыска Илью Местера, высокого парня в кожанке. Он почему-то так и сидел в кожанке, хотя в дежурке было тепло.

— Звоните на все наши посты. Запишите: «Всем постовым милиционерам. Срочно. Обойти свой участок, опросить всех дежурных дворников. Найти больного ребенка, фамилия — Медведев или Медведева. Об исполнении немедленно доложить. Лейтенант Стеринский»:

Местер писал. Медленно, аккуратно; буквы крупные и с наклоном, как у ребенка.

— Давайте я, — предложила Галя.

Местер повернулся к ней. Глаза у него были тяжелые, как туilia. И челюсть тоже тяжелая.

— Сиди уж. Заварила кашу...

Галю словно хлестнули. Сжалась, побледнела.

— Товарищ Местер! — лейтенант неодобрительно покачал головой.

Местер хотел что-то сказать, но махнул рукой, придвинулся к аппарату и стал звонить.

— Постовой Рябушкин? Слушайте срочное распоряжение дежурного по отделу...

— Постовой Тринчук? Срочное распоряжение...

— Постовой Малинин? Слушайте...

А Галя сидела у стола. «Так мне и надо... Так и надо... Заслужила...» Потом чуть успокоилась, прикрыла глаза.

Вот сейчас на углу улицы, возле их аптеки, наверное, загудела сирена. Галя не раз из окна аптеки разглядывала ее — серебристый рожок, а под ним такой же серебристый металлический ящик с красной полосой. Загудел рожок, постовой спешит к нему, открывает ящик, берет телефонную трубку:

— Постовой Рябушкин слушает!

«Медведев, Медведев, Медведев», — наверное, повторяет он про себя, чтобы запомнить накрепко.

— Есть. Будет исполнено!

И вот уже спешит он по тихим ночным улицам. От подворотни к подворотне. И всюду тормозит заспанных дворников.

— Нет ли в вашем доме ребенка Медведева? Больного ребенка Медведева? Нет?

Идет дальше...

А сирены гудят на улицах. Гудят, зовут...

— Постовой Тринчук слушает...

— Постовой Малинин слушает...

— Постовой Азарян слушает...

— Есть. Об исполнении немедленно доложить...

других предметов интерьера, дешевле и выгодней делать из стекла, а не из дерева, металла и пластмасс. Но как будет выглядеть такая стеклянная квартира, заполненная стеклянными же вещами! Вот на это и должна ответить экспериментальная комната саратовского завода.

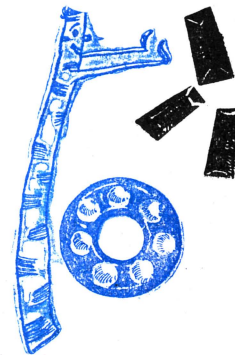
И последнее: стекло, как известно, — вещество чрезвычайно хрупкое — одно неосторожное движение и... Устаревшие представления о стекле! На том же саратовском заводе технического стекла делают сталинит — стекло, получившее свое название от слова «сталь»...

БРОНЗА ИЛИ БЕРЕЗА?

Инженеры «Сибзавода», выпускающего авто-тракторные детали, ответили на этот вопрос четко и однозначно: береза. Там, где бронзовый подшипник выдерживает не более двух месяцев, березовый — служит в три-четыре раза дольше.

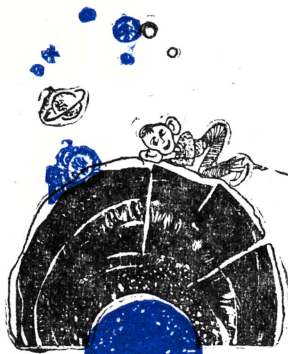
Береза может заменить не только бронзу, но и чугун. Что это дает? Одна тонна прессованной березы позволяет сэкономить восемь тонн бронзы или двадцать тонн чугуна.

Первые четыреста древесных подшипников, изготовленных на «Сибзаводе», работают отлично.

ЭХО ЗЕМНОЙ МАНТИИ

Заглянуть в глубину нашего земного шара люди мечтали с древних времен. Но это оказалось гораздо труднее, чем выбраться в Космос. Глубже семи-восьми ки-

лометров не опускалось ни одно долото. А геофизики мечтают потрогать земную мантию — ту самую загадочную породу, из которой и состоит основная часть нашей планеты.

Шахту к мантии пока не пробить, скважиной не дотянуться... А нельзя ли «прощупать» подземные глубины взрывом!

«Прощупать» земные недра важно еще и вот почему: уже давно установлено, что месторождения полезных ископаемых обычно располагаются в районах грандиозных разломов и трещин в земной коре...

Несколько тысяч зарядов, величина которых достигала порой пяти тонн, сотрясали земные недра по трассе Ижевск — Свердловск — Ишим. Что же рассказало геологам эхо этой гигантской канонады! В результате «прострела свердловского профиля» удалось обнаружить около десятка разломов. Мощність уральской земной коры вдоль этой трассы достигает 47 ки-

«Вот,— думает Галя.— Как в кино. Как называется картина? А! «Если парни всей земли!» Там тоже сколько людей затормошилось. И тоже из-за лекарства. Только там все наоборот: рыбакам позарез нужно одно редкое лекарство. Срочно! А тут,— Галя горько качает головой,— тут наоборот. Надо срочно изъять лекарство. Там оно — спасение. Тут — гибель...»

1 час 40 минут

— Лейтенант Стеринский? Говорит дежурный по городу. Новости есть?

— Никак нет, товарищ майор. Сообщений от постовых еще не поступало.

— Слушайте, лейтенант. Запишите: ЖЗ-73-63. Профессор Карасик, Александр Львович. Записали? Да, Александр Львович. Этот профессор — лучший специалист по детским болезням. Поняли? Сейчас он вам сам позвонит. Хочет побеседовать с вашим фармацевтом. А потом, когда найдете пострадавшего ребенка, немедленно пошлите машину за профессором. Он согласился сразу же выехать к ребенку. Ясно? Да, в любое время.

1 час 45 минут.

— Это милиция? Гражданина Стеринского можно? Это профессор Карасик. Да, да. Не церемоньтесь, пожалуйста. Тем более, меня уже разбудили. А у стариков сон плохой, больше уж не засну. Нет, ничего, ничего. А эта девушка из аптеки — она у вас? Ах, у вас! Попросите ее, пожалуйста, к телефону...

С профессором Галя говорила, как в тумане. Все путалось в голове, нервный комок застрял в горле, и его было никак не сглотнуть.

А профессор словно не замечал ее состояния. Дотошно и медлительно, как все старики, выпрашивал подробности: как она готовила лекарство и когда? Какие дозы? И как попала на стол колбаса с термопсисом? Ведь эту траву полагается держать в особом шкафчике.

Как попала на стол? Это Гале件ятно. Незадолго до того приготавливала микстуру с термопсисом — и вот, не успела убрать...

Дозы? Она снова мысленно видела свои аптекарские весы. Острая черная стрелочка уткнулась в тонкую черточку — пять граммов.

Уверена ли она? Абсолютно. Именно термопсис. И именно пять граммов.

— М-да!.. — протянул профессор. Видимо, хотел что-то добавить, но ничего больше не сказал.

И Галя, чувствуя, что сейчас разрешится, положила трубку. Лейтенант слушал этот разговор, а сам видел свою четырехлетнюю дочку, свою Анечку.

Вот она смотрит по телевизору балет, хмурится и говорит: — Пап! А почему не берут в балерины тетенок повыше? Чтоб им не надо было все время стоять на цыпочках?

А что, если бы Анечке?.. Такое лекарство? С термопсисом... Анатолий Стеринский качает головой. Ему вдруг очень захотелось позвонить домой. Спросить жену: как там Анечка? Он уже протягивает руку к трубке, но тотчас отдергивает ее. Фу ты! Ночь ведь...

Глядит на Галю. Худенькая, бледная. Также еще ребенок.

2 часа 20 минут.

— Докладывает постовой Рябушкин. Обошел всех ночных дворников на своем участке. Ребенка Медведева никто не знает.

2 часа 35 минут

— Докладывает постовой Тринчук. Обход закончил. Безрезультатно. Так что ребенок не обнаружен.

2 часа 50 минут.

— Докладывает постовой Азарян. Нет, не найден... Не найден. Что же делать дальше?

3 часа 5 минут

— Говорит дежурный по городу. Запишите, лейтенант. В приемном покое Педиатрического института... Записали? Приемный покой Педиатрического института. Так вот, там доктор Калинкина предупреждена, что в любую минуту к ней может поступить ребенок Медведев с отравлением термолпси-сом. Ясно? Как только найдете ребенка — немедленно везите в Педиатрический. Там все наготове. И профессора Карасика сразу доставьте туда же... Ясно?

Ясно-то ясно, но как найти?

3 часа 10 минут.

Лейтенант сидел за столом, прижав кулак к подбородку. Что еще предпринять? Как дальше вести поиск?

Срочно связаться с начальником ЦАБа? Наверно, у дежурной сотрудницы есть его домашний телефон... И пусть начальник ЦАБа немедленно вызовет в адресное бюро нескольких своих людей.

Лейтенант посмотрел на часы — скоро утро. А утром ребенку, конечно, дадут лекарство...

Пока свяжешься с начальником ЦАБа, пока сотрудники доберутся до бюро... Да и сколько адресов они проглядят за два-три часа?! Нет, этот путь безнадежен...

А что еще?

Достать список детских врачей Ленинграда? И обзвонить всех: кто выписал рецепт? Нет, утопия. Врачей — сотни. Да и где сейчас возьмешь их телефоны? Нет, ерунда!

Галя сидит усталая, безучастная, словно оцепеневшая. Так бывает во сне. Видишь все, хочешь вмешаться, а даже пальцем не пошевельнуть...

Хмуро следит Галя за лейтенантом. Что он сидит? И кулаком трет подбородок. Глупейшая привычка!

А время идет.

И вдруг ей словно стукнуло в голову — радио! Немедленно! Передать по радио чрезвычайное сообщение!

Галя встрепенулась. Вот он, выход! Настоящий, безошибочный! Если даже семья Медведевых не слушает радио, все равно кто-нибудь из знакомых или родственников передаст им.

Да, радио!

Вероятно, она сказала это громко, потому что лейтенант вдруг повернулся к ней, покачал головой.

— Я уже думал об этом, — сказал он. — Транслировать начинают в шесть утра. Чтобы передать такое сообщение, нужно

лометров, но две трещины ушли вглубь до 80 километров.

Теперь в районы этих трещин и разломов пойдут отряды геологов-разведчиков.

НЕВЕРОЯТНО...

...Но факт: стотонный электровоз может легко взобраться на вертикальную стенку и даже втащить на нее состав вагонов. Правда, вагоны при этом могут опрокинуться. Но не электровоз. Пока он движется — его стравить от рельс невозможно. Точнее, очень трудно. Такой невероятный электровоз изобрел доцент Ленинградского горного института В. Берсенев.

Для чего нужен такой удивительный локомотив? Очень многие месторождения угля, железа, меди, бокситов и других полезных ископаемых добывают сейчас открытым способом — в карьерах. Из такого карьера руду электровоз может вывезти только при условии, если уклон не превышает двух-трех градусов. Но проходит пять-десять лет и карьер становится таким глубоким, что вывезти из него руду не под силу никакому самому мощному локомотиву. Вот здесь-то и придет на выручку электровоз конструкции В. Берсенева.

МОРКОВКА И СТАЛЬНОЙ КАНАТ

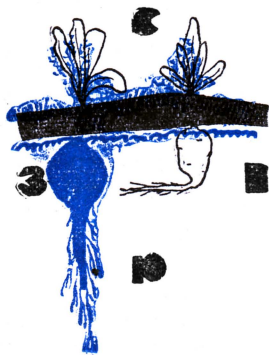
Однажды был создан чудовищный канат, который свили из семнадцати с половиной тысяч проволок. Толщина этого каната — полтора метра, а выдержать такой гигант мог девяносто шесть тысяч тонн! Но... он мог бы выдержать вес гораздо больший, если бы все семнадцать с половиной тысяч проволок, из которых он состоял, были бы нагружены одинаково...

Решение пришло неожиданно. Рассматривая

однажды кружок морковки, кандидат технических наук Константин Антонович Дубовик обратил внимание на красивые концентрические кольца. Ширина этих колец последовательно уменьшалась по мере приближения к центру. Вспомнил, что именно так устроена свекла, лук, все стволы деревьев. С этого началась разработка теории конструирования и расчета канатов, которая и привела к созданию «каната-морковки». Если разрезать такой трос поперек, поперечные кольца. В канатах конструкции К. Дубовика честно трудится каждая проволочка, канат представляет собой монолитную стальную мышцу без единого грамма лишнего веса. Испытания показали: «канаты-морковки» работают в пять-семь раз дольше обычных. Только на пяти угольных разрезах Кузбасса экскаваторы до сего времени расходовали свыше тысячи тонн канатов в год, а будут — лишь двести. Вот что подарила скромная морковка стальному канату.

МАГНИТНАЯ СВЕКЛА

Поразительное свойство открыли ученые Института физиологии растений имени К. А. Тимирязева: сахарная свекла «верхняя» обладает магнитными свойствами! Эта свекла бывает двух сортов — красная и бе-

особое разрешение. От самого высокого начальства. Раньше, чем в восемь-девять утра, не удастся. А где гарантия, что ребенку в восемь уже не дадут лекарство? — Он встал и заходил по комнате. — Нет, мы должны разыскать Медведева в пять, в шесть, максимум — в семь часов...

— А если... не получится? — прошептала Галя.

— Тогда используем и радио. Как крайнее средство. Самое крайнее. А лучше бы без него...

Лейтенант Анатолий Стеринский вообще полагал, что хороший милицкий работник должен как можно меньше тревожить посторонних. Происшествия в городе — каждый день. И что же — каждый день давать объявления в газетах и по радио?!...

Анатолий Стеринский и так был нынче недоволен собой. Столько людей втянул в это ЧП! Стольким нарушил сон, выгнал под ливень!

Никт не отказался. Но злоупотреблять этим нельзя. Нет, нельзя.

Однако что же делать? До утра осталось всего часа четыре...

3 часа 25 минут.

Лейтенант позвонил начальнику своего райотдела милиции.

— Эх, и не хочется будить! Хотя бы одну ночь дать человеку отоспаться досыта, — сказал он Гале, слушая зовущие гудки в трубке.

Впрочем, взяли трубку быстро, словно звонка ждали и словно вовсе не четвертый час ночи.

Начальник отдела слушал не перебивая.

— Да, историйка, — сказал он, и лейтенант мог бы поручиться, что сейчас начальник, сидя в темноте на постели, в раздумье потирает ладонью щеку.

— Веселая историйка, — повторил начальник. — Я подумаю. А вы держите меня в курсе...

— Слушаюсь!

3 часа 35 минут.

И опять ходит, ходит, ходит лейтенант. Времени — в обрез. Надо срочно что-то придумать. Срочно...

А мысль, словно заблудившийся путник в лабиринте, тычется все в те же глухие тупички: ЦАБ... дворники... постовые... поликлиники... Нет, все уже испробовано. И отброшено. Не то. Не то...

Ходит лейтенант, ходит, подперев кулаком подбородок...

А если все же поликлиники? Узнать домашние телефоны главврачей. Или заведующих. Так... А они-то уж, конечно, знают, где их вахтеры, где ключи от входных дверей. Войти в поликлиники.

А там — адреса больных детей Медведевых...

3 часа 45 минут.

— О, это идея! — громко радуется начальник отдела. И уже шепотом, вспомнил, наверно, что жена спит: — Молодец!

— Но как раздобыть телефоны главврачей? — хмурится Стеринский. — Не знаем ни их фамилий, ни адресов...

— Минутку, — перебивает начальник и кладет трубку.

3 часа 55 минут

— Я позвонил домой заведующему горздравом,— сказал начальник отдела.— А у него, к счастью, был домашний телефон заведующего Васильеостровским райздравом. Поднял с кровати и того. И вот—четыре домашних телефона... Это главврачи всех детских поликлиник нашего района. Понятно? Немедленно разбудите их, пошлите за ними машины, отвезите в поликлиники...

4 часа 15 минут.

— Ох, и выплют мне завтра за перерасход горючего! — хмуро шутит шофер.

Его «раковая шейка» — синяя, опоясанная красной полосой машина,— нынче всю ночь мечется по городу.

Сейчас он отвез одного главврача, едет за другим. Крюки приходится делать изрядные: мост Лейтенанта Шмидта и Дворцовый мост все еще разведены. Машина вынуждена колесить через Петроградскую.

Хорошо, хоть ночные улицы пустынные: шофер, выигрывая время, развивает такую скорость, о которой днем нельзя и мечтать.

Привез главврача, а вахтера нет. Как попасть в поликлинику? Счастье, что главврач знал: живет сторожиха тут же, неподалеку, на Большом проспекте. Слетали туда, подняли старуху. Забрали ключи и мигом обратно, в поликлинику.

4 часа 55 минут.

Все четыре главврача доставлены в свои поликлиники.

Обе милицейские машины теперь носятся по городу за медсестрами: без них в регистратурах утонешь. Не повезло: только у одной из сестер есть дома телефон. А остальные — пока поднимешь с кровати, пока объяснишь, что к чему, пока оденутся... А время идет, и машина стоит, ждет.

5 часов 25 минут.

Шесть медсестер уже в поликлиниках.

Тяжело поворачиваются барабаны, плотно забитые историями болезней. Проворные, привычные пальцы снуют по карточкам:

«Не то, не то, не то...»

Но вот — Медведев! Сестра быстро выдергивает карточку, откладывает в сторону. И опять скользят по рядам ловкие пальцы...

В дежурку начинают поступать первые адреса Медведевых. Видя умоляющие Галины глаза, лейтенант кивает:

— Садитесь к телефону, записывайте адреса.

А сам смотрит на часы. Осталось до утра всего каких-нибудь два часа...

5 часов 50 минут.

Две милицейские машины снуют по Васильевскому. В машинах, кроме водителей,— Жарков и Местер.

Илья Местер дежурит нынче ночью по угрозыску, но происшествий нет, и он, оставив все на лейтенанта Стеринского, включился в поиск ребенка.

лая. Оказалось, что если белая свекла предпочитает располагать свои корни в широком направлении — с востока на запад, то красная, наоборот,— с севера на юг.

Ученые ставили на пути корней препятствия, но «сбить с толку» свеклу не удавалось: она упорно стремилась свою корневую систему расположить только в своем направлении.

Загадка свеклы-магнита пока не разгадана, но это открытие позволит найти лучшие способы обработки свекольных полей и, следовательно, повысить урожайность.

ЗА СТЕКЛОМ... МАРС

Толстое стекло разделяет два мира: здесь — Земля, там — Марс.

Здесь — тепло уютно, там — разреженная атмосфера, морозы до минус шестидесяти, там ослепительное фиолетовое солнце... Это не фантастика из будущего полета космического корабля. Марс, а вернее его лабораторную модель, можно увидеть в Институте микробиологии Академии наук СССР. Все, что узнали астрофизики о Марсе настоящим,— все повторено в «Марсе за стек-

лом». Только солнце там заменила ксеноновая лампа, а жару и холод создает специальная установка. Вот только «марсиане» там земные — бактерии и различные микроорганизмы.

Условия на Марсе жесткие; особенно, как оказалось, «земляне» плохо переносят «марсианское солнце». Почти все гибнут. Почти все...

Однажды микробиологи догадались бактерии подкрасить: одних в синий, других в желтый, третьих в красный цвет. А потом отправили вместе с обычными, неокрашенными, в «Марс за стеклом». Неокрашенные тотчас погибли, а все цветные довольно легко перенесли неприятности марсианского климата и живут до сих пор! Так экспериментально было доказано: если космонавты на Марсе и встретят живых существ, то «марсиане» обязательно будут цветными...

Любопытно, что в конце концов ученые нашли Марс и... на Земле. Таким «марсианским» уголком оказалась пустыня Атакама на севере Чили. Здесь уже в течение 40 лет не выпадало дождей и влажность воздуха равна нулю. Ученые полагают, что подобные условия космонавты обнаружат и на Марсе.

СУХАЯ... ВОДА

Лед, снег, иней и сухой белый порошок, напоминающий по виду крахмал. Все это вода. Сухая вода. Трудно придумать более яркое противоречие...

Сухую воду швейцарские ученые получили случайно. Несколько капель кремнеорганической кислоты упали в чашку с водой, и вода на глазах изумленных химиков мгновенно превратилась в сухой белый порошок без запаха. Позже оказалось, что и обратное превращение порошка в воду так же просто:

Получив пять-шесть адресов, бегают Местер по лестницам, звонит в квартиры.

— Медведевы здесь живут?

— Что-что? — спросонья не понимает старушка.

— Медведевы живут тут?

Голос у Ильи Местера — как из бочки. Таким в самый раз по ночам людей будить...

— А конечно! А как же?! Живут, батюшка. А что стряслось-то, господи?

— Да ничего не случилось, не волнуйтесь, бабушка. А сын у них есть? Или дочка? — Илья старается, чтоб голос звучал как-то помягче, деликатнее.

— Да, есть. Конечно, есть! Доченька, Валюша.

— Здорова?

— Да, конечно, здорова. Пока бог миловал, здорова. А что стряслось-то, батюшка?

— Да ничего, ничего! Здорова — и все в порядке.

Машина летит дальше.

— Медведевы тут живут?..

— Отворите, пожалуйста. Не пугайтесь. Медведевы у вас проживают?

— К Медведевым можно?

Объехав очередные адреса и убедившись, что все дети Медведевы здоровы, Местер не возвращается в милицию. На счету каждая минута! Из ближайшего автомата звонит — «02». Телефонистка на коммутаторе милиции уже запомнила его трубный «глас» и, даже не ожидая номера, сразу соединяет с лейтенантом Стеринским.

Получив новую порцию адресов, Местер мчится дальше. По пустынным темным дворам, по гулким ночным лестницам...

— Медведевы тут живут?

— Кого-нибудь из Медведевых можно?

А где-то неподалеку так же мечется по лестницам Жарков...

6 часов 20 минут.

Как много Медведевых даже на одном лишь Васильевском острове! Да что там на острове! В прилегающем к аптеке районе — и то обошли уже более сорока квартир. Медведевы, да не те.

Звонят из поликлиники. Галя записывает два адреса. Один — возле самой аптеки...

Сердце у нее стукнуло и остановилось.

«Он!»

Галя почему-то твердо верит — он! Валерик Медведев.

— Можно, я?.. Сама!.. — просит она Стеринского.

Тот глядит на нее удивленно. Пожимает плечами.

И вот Галя уже несется полутемными улицами.

Девятнадцатая линия... Так... Вот тут...

Пожилая дворничиха подозрительно оглядывает Гаю, долго расспрашивает, кто она да к кому. Потом так же долго копаются у ворот, гремит цепью. Наконец-то!

Одним махом взлетает Галя на третий этаж, звонит, звонит, звонит...

— Медведев? — переспрашивает за дверью чей-то зашпанный голос. — Валерик? Ну и что? Жив-здоров. В детсад ходит. А что?..

Галя молчит.

— Эй! — говорят за дверью. — Кто там? Зачем вам Валерик?

Галя молчит.

Медленно спускается по ступенькам...

6 часов 50 минут.

Это — как в плохом детективе. Да, сотруднику угрозыска Илье Местеру кажется, что он читал что-то похожее в какой-то дрянной книжонке.

Он звонит на Четырнадцатой линии. Входит в квартиру.

— Медведевы здесь живут?

— Нет, таких нет...

— Как нет? — Илья все сдерживал голос, а тут забыл и перешел на полную мощность: — Как нет? Вот у меня же — из поликлиники! Медведева Люба...

— А! Любочка? Есть, есть! Ее фамилия, кажется, и впрямь Медведева. Родители-то ее здесь не живут. Они в Туле. А девочка у дедушки. А его-то фамилия — Никитин...

Местер, почти не слушая, идет по коридору за говорливой женщиной.

Стучит в комнату.

— Войдите!

Отворив дверь, видит: маленькая девочка на кровати, а около нее старик. А на столике... Цепкие глаза Ильи Местера сразу выхватывают из груды чашек, ложек, игрушек, книжек коричневатую-желтую бутылочку.

Словно онемев, молча, неотрывно глядит он на эту бутылочку. Глядит и молчит.

Старик беспокойно следит за его взглядом.

— Лекарство, — испуганно бормочет он. — Внучке вот...

Видимо, он не на шутку встревожен этим непонятным ранним визитом.

— Извините! — гудит Местер. — Извините! Сейчас объясню... Только скажите: вы уже давали? — стучит он ногтем по коричневатому пузырьку.

— Нет, еще нет. А что?

— Полный порядок! — грохочет Местер.

— Все, — говорит лейтенант Стеринский, когда раздается звонок Ильи Местера. — Нашли...

Он глядит на Галю. Маленькую, худенькую. Чулки и юбка на ней заляпаны грязью. Грязь уже высохла и теперь особенно заметна. Волосы растрепаны. Глаза воспалены.

— Ой! — шепчет Галя. Она улыбается и вдруг плачет, навзрыд, на всю дежурку. Кусает губы, зажимает рот рукой, но — не удержаться...

— Ну-ну, — говорит Стеринский. — Ну, не надо... Ну, не надо же...

Пока трудно говорить о практическом применении этого открытия. Возможно, в будущем в такие засушливые районы, как полуостров Мангышлак на Каспийском море, потянутся не танкеры с пресной водой, а железнодорожные составы, вагоны которых доверху насыпаны... водой!

Любопытно, что совершенно неожиданно оправдались прогнозы тех писателей-фантастов, которые предсказывали существование живых... кристаллов. В самом деле, колыбелью жизни на Земле является вода, вода же является главным элементом живой ткани. Но если вода может быть сухой, кристаллической, вполне вероятно и возникновение живых кристаллов!

ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ — ПОД ЗЕМЛЮ

Есть такая притча про чудака, который таскал воду из речки в колодец. Что-то похожее, на первый взгляд, придумали инженеры-строители.

Первые саратовские месторождения газа были выработаны уже много лет назад, теперь по саратовской земле проходит трансконтинентальный газопровод Средняя Азия — Центр.

Газ потребляется неравномерно: больше всего газа расходуется зимой, меньше всего — летом. На какой расход рассчитывать газопроводы? Правильнее всего на средний, но тогда потребуются соорудить гигантские хранилища — аккумуляторы, которые могли бы выравнивать расход газа. В десятки миллионов рублей обходится сооружение таких газохранилищ.

Саратовские строители решили обойтись без них. Среднеазиатский газ будет закачиваться обратно под землю — в бывшие Елшано-Курдюмское и Песчано-Уметское месторождения под Саратовом. Газохранилищем станет сама земля.

Даем адреса романтикам!

ПЕРВЫЕ РЕЛЬСЫ СЕВЕРСИБА

Нужна дорога!

Строительно-монтажный поезд «269», в котором я работаю, прибыл на строительство магистрали Тюмень — Сургут зимой прошлого года. Участок нам определили сорокакилометровый: от реки Тавды до деревеньки Нефедьево — самые что ни на есть топи.

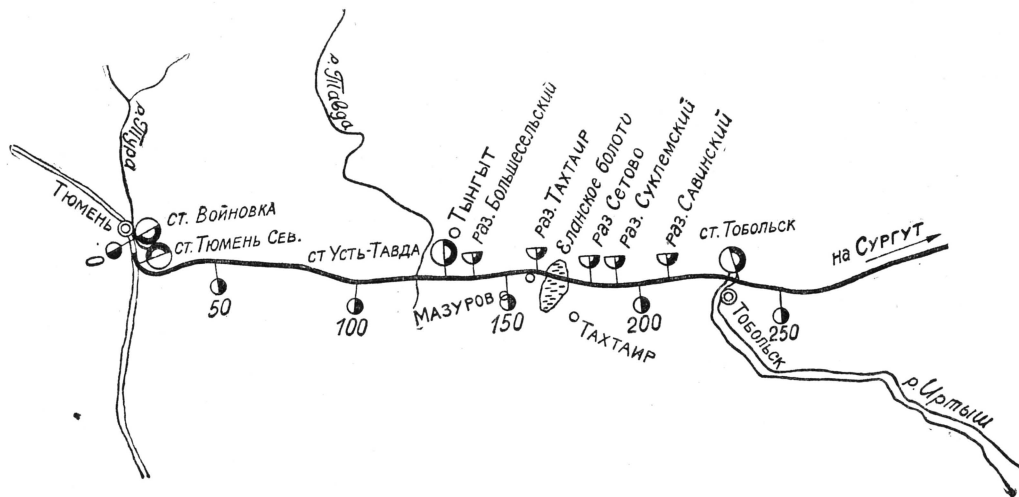
Первыми на рубку трассы вышли две бригады — Архипова и Щегурова. На шестьдесят человек — шесть топоров и две ручные пилы. Даешь дорогу!

Работали сначала вблизи поселка. А к весне передвинулись в сторону Тавды. Когда вешние потоки расквасили землю, попасть на трассу можно было лишь на танкетке. Но и танкетка частенько «разувалась». Пока гусеницы надевают, пока едут, — глядишь, уже ночь. Решили поэтому несколько бригад оставлять в Тынгите — деревеньке, что близ Тавды.

Хорошо запомнился мне жаркий июль. Поднимались мы часа в четыре утра и работали до солнцепека. А солнце в зените — над нами тучи назойливого гнуса. Тогда на отдых.

Наша бригада, архиповская, занимала пустующий дом. Обязанности поварахи с успехом выполняла Галина Бугаевская, приехавшая с Абакана — Тайшета. Ветераны — Валя Мишарина, Зоя Смирнова, горячий, порывистый Николай Акбулатов и, наоборот, степенный, с копной кудрявых волос, Женя Аширкин. Но были и новички. Богатырского сложения Женька Буглак недавно приехал из Москвы. Там он в научно-исследовательском институте работал техником, в месяц с премиальными — сто — сто двадцать рублей выходило, плюс квартира на Комсомольском проспекте, папа с мамой, любимая девушка — все оставил. Даешь дорогу!

Спрашиваю: «Может, случилось что?» — «Да

нет,— отвечает,— просто скучно. В Москве техников и без меня пруд пруди».

Работал Женька на совесть. Его приставили помощником к «дружбисту» — так мы называли бензопилщиков — Николаю Акбулатову: нужно шестом с двузубцем дерево держать так, чтоб пилу не зажало. Нужно «Дружбу», бачки с бензином нести, когда требуется,— и все по болотам, по колену в воде.

Раз пошел Женька в магазин деревенский, вдруг видит: стена старая валится, совсем человека придавила. Еще секунда — и конец. И откуда у Женьки решительность взялась: под стенку — спиной. Так и стоял, пока, наконец, пришедший в себя мужик подпорку не подставил. Женька после три дня в полунаклон ходил — ни согнуться, ни разогнуться, отпечатки бревен долго со спины не сходили.

А когда потребовались добровольцы в двухмесячную командировку на Сисим, где до этого стоял поезд, Женька со своим другом Николаем Надиным первыми вызвались. Командировка не курорт, пришлось попотеть: железобетонные плиты для откосов одна на другую взваливали и затем краном переправляли на платформы. За эти два месяца Женькины фирменные ботинки напрочь истерлись, изодралась не одна пара рукавиц, а Женька доволен! «Эх, какие чебаки на Сисиме!» — хвастался потом.

А вернувшись, с бригадой прокладывал слабовую дорогу через знаменитое Еланское болото. Женьке в это время пришло от матери письмо. В нем была такая строчка: «Мой мальчик, береги себя, физически и духовно». Мать у Женьки — бывший военврач, прошла по фронтовым дорогам до Берлина, и уже там, в Берлине, в самый канун победы, сбил ее бешеный «студебеккер». Выжить-то выжила. Но всю жизнь боится машин. «Берегись машин, мой мальчик...»

Решил Женька в Новый год съездить домой, ободрить, успокоить ее. Уже придумывали с Николаем, какие подарки купить матери, отцу, братишке... Но начались звеносборка, укладка путей, каждый человек в бригаде на счету — не поехал и Женька.

Наша трасса не любит суетливых — у нас как на фронте. Пришел приказ из Тынгыта лагерем сниматься — значит сниматься! Катером — по Тавде, а потом пешком, в сторону пятикилометрового Еланского болота, штурм которого должен был начаться с наступлением холодов. Без морозов Елань не пройти. Инженеры говорили, полумиллион кубометров леса потребуется на лежневую дорогу, да плюс к тому 300—350 самосвалов для засыпки топи песком. Но что эти цифры значат, мы поняли позже, а тогда, как говорится, они не дошли.

В октябре неожиданно ударили морозы. В воскресенье, шестнадцатого числа, хвосты поземки старательно вылизывали перестывшее озеро, на берегу которого обжился наш поселок Мазурово. Утром встали — белым-бело на улице, в нетопленном общежитии пар от дыхания, а у кого-то стиранные рубахи застыли. Зима!

Нашей бригаде выпало на этот раз ехать в Нефедьево, за сорок километров от поселка,— недели на две, не меньше. Сказали: кто в вечерней школе учится — может отказаться. Не отказался никто. Иван Полищук отрубил: «Наверстаем. От коллектива отрываться нельзя!» А худенькая Тамара Бирюк мечтательно проронила: «Романтика!..» Знала бы Тамара, чем ей обернется эта «романтика»...

После обеда — в путь. К вечеру, перед сумерками, достигли Еланского болота. Дальше надо пешком, машина не пройдет. С хлебом и матрацами на плечах, с пилами, топорами зашагали мы под свист пурги. Ледящий ветер валил с ног, насквозь прохватывал; в довершение — пришла ночь. Под ногами топь качается. Иван Полищук угодил в полынью, где недавно трактор сидел, едва вызволили его. Матрацы в ход пустили.

На берегу развели костер, обсушились, обогрелись. Гулявший привольно на открытом месте буран здесь лишь метался над деревьями, раскачивая черные мохнатые вершины.

Начиналась не двух- и не трехнедельная, а куда большая Нефедьево-Еланская эпопея. В Нефедьево два карьера рыли и сучья по трассе жгли. Пятьсот метров к концу месяца отмахали и второй карьер за половину вышли!

Архипов уехал в поселок — наряды закрывать. «Чтоб карьер к первому числу кончить!» — приказал на прощание. Карьер кончили на два дня раньше. 30 октября работали уже в счет ноября.

После праздника — опять в Нефедьево. Снова пришлось пошагать на своих двоих. Устали так, что девчата захандрили и на другой день на работу выйти отказались. Не помогли уговоры бригадира и мастера — ревут и все. «Так это ж романтика!» — съязвил кто-то из ребят, а Тамара Бирюк чуть с кулаками не бросилась.

Вечером собрали бригадное комсомольское собрание. Избрали сначала комсоргом Василия Белецкого, который и о текущих делах докладывал. Но по-настоящему разгорелись страсти, когда до провинившихся дошло.

Решение собрания: девчат предупредить, на первый раз простить и просить бригадира допустить к работе. Девчата от радости запели.

Этот случай скоро забылся. Девчата больше не пасовали. А когда совсем туго — поют, веселое поют!

В ноябре двинулись мы на завершение автодороги, которую в сторону границы с соседним поездом хворостом настилали. В день меньше ста двадцати метров не давали. А трудно было, чертовски трудно...

Погода незимняя стояла. После небывало раннего мороза расслабило и задождило; к вечеру телогрейки и брюки хоть выжми. Ночью дежурный топил печь-железку, сушит одежду. А одежда все равно сырая.

В воскресенье мы, покончив с автодорогой, крикнули «ура!» и, в ожидании Панина — нашего мастера, уехавшего в поселок, — принялись жечь оставшийся завал.

Панин вернулся — приказ: перебираться в деревню Елань. Штурмовать болото будем! С другой стороны уже клала тройную бревенчатую дорогу бригада Гермогенова. Мы ей навстречу. Рубим кустарник и бревна — что сподручней. Укладываем, по пояс в снегу передвигаемся. А под снегом вода. Лишь в сапогах можно работать. Да и то промокают.

Трактор-трелевщик сразу тонет. Вот какое оно, Еланское болото! По трассе до Тобольска — самое сейчас узловое место.

Ждали морозов, а их не было. Словно отсыревшее, солнце невозмутимо плыло по небу. Сырость, иногда снегопад. И вдруг морозы! С начала декабря жесточаю так, что деревья застреляли. Городские жители проклинали, должно быть, установившуюся на весь декабрь стужу, а мы морозам радовались от души. Топь заковало таким панцирем, что и автодорога не понадобилась. Напрямую болотом пошли бульдозеры, экскаваторы, ведущие выторфовку болота. Самосвалы один за другим забегали от песчаных, подготовленных нами карьеров. Да, не меньше трехсот машин сновало в те дни по болоту.

Вот когда по-настоящему мы увидели, что работаем на большой стройке!

Со дня на день должны были начаться укладка путей и одновременно звеносборка — прямо на полотне, потому что подъемные механизмы застряли на перестывшем внезапно Тоболе. По Тоболу их доставляли на барже.

Начать почетное дело выпало бригаде Гермогенова.

То был обычный день, 27 декабря. Утром старший прораб Лобов сказал Гермогенову: «Возьмешь со склада две электродрели, жеску — и начинайте шить».

Подошел «ЗИЛ», погрузили на него железнодорожную электростанцию, инструменты и выехали на сто пятьдесят первый километр трассы. Там мы должны были начать звеносборку и одновременно укладку путей.

Шпалы накануне разложили.

Моторист Виктор Зайцев завел движок, и двое принялись сверлить в шпалах отверстия.

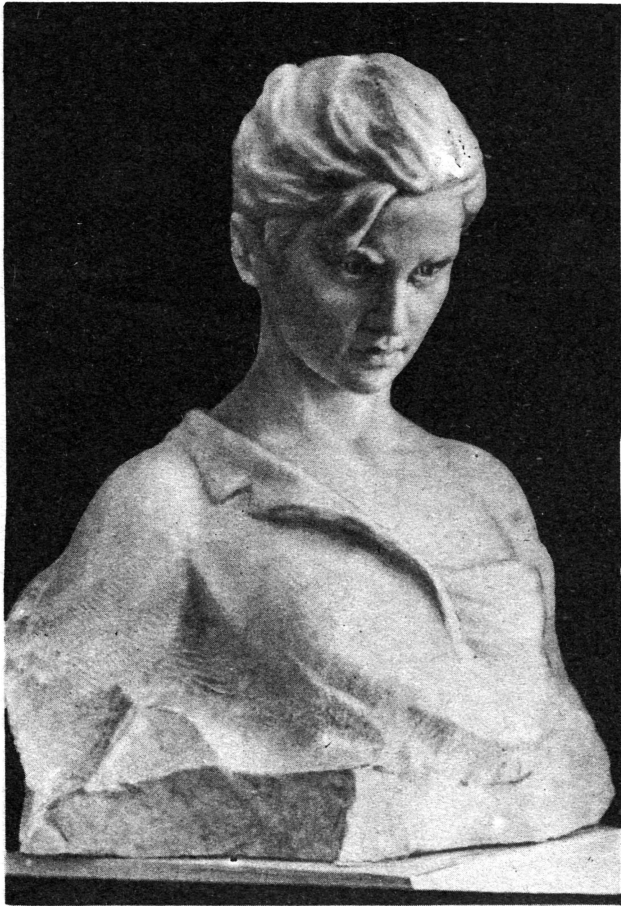
Первый, почетный костыль забил сам бригадир.

Я работал в паре с Александром Фартышевым, что называется, пожизненным путейцем. Я навешиваю железной лапой шпалу, прижимаю ее плотно к рельсу, а Александр молотком вгоняет костыль в отверстие. Раз! — костыль наполнил в шпале, два! — только шляпка торчит.

Удар за ударом — по всей, еще короткой, всего в несколько сот метров, дороге слышен звонкий перестук молотков.

Через полчаса я разогнул спину, оглянулся. Сзади нас на высоком полотне чернели первые звенья железнодорожного пути. Не часто такое дается человеку — присутствовать при рождении новой дороги. И какой дороги! Дух захватывает, когда пробуешь представить, куда протянутся эти, тобой уложенные, тобой пришитые к шпалам, первые рельсы Великой сибирской магистрали, — к Тихому океану.

Н. СМЕРНОВ,
рабочий строительно-монтажного
поезда «269»,

Г. ПЕТРОВА.
Зоя

А. КАРАСЬ.
МЫ СМЕРТИ СМОТРЕЛИ В ЛИЦО

Ю Н Ы Е Х У Д О Ж Н И К И

С ВЫСТАВКИ РАБОТ
ИЗОСТУДИИ
СВЕРДЛОВСКОГО
ДВОРЦА ПИОНЕРОВ

ОЛЯ МАЗУРЕНКО, 15 лет

ЭЛЕКТРОПОЕЗД

ОЛЯ ЧУСОВА, 13 лет

НА ЭТЮДЫ

НАТАША КРАВЧЕНКО, 15 лет

БЕСЕЛЫЙ ГОРОД

ГРИША МАЗАЕВ, 16 лет

ОСЕНЬ

ЛЮДИ КАМНЯ

Имя академика А. Е. Ферсмана не нуждается в представлениях. Выдающийся ученый с мировым именем, он знаком и специалисту-геологу, учившемуся по его фундаментальным научным трудам, и пареньку, с восторгом прочитавшему его «Занимательную минералогию», «Воспоминания о камне», «Мои путешествия» и другие увлекательные книги.

Объехав за свою жизнь почти полмира, он, однако, до конца дней своих сохранил какую-то особенно нежную любовь к Уралу, с которым впервые познакомился еще совсем молодым человеком. Уралу посвящены многие его научные труды и многие увлекательные рассказы и воспоминания. Но увы, кое-что осталось только в черновиках и набросках — он не успел завершить многое из того, о чем ему хотелось рассказать людям.

Среди этих незавершенных работ сохранились и материалы к главе «Люди камня», предназначенной для капитального двухтомного труда Александра Евгеньевича, — «Очерки по истории камня». Тома эти вышли в свет уже после смерти автора (в 1954 и 1961 гг.) без этой главы. Недавно хранитель архива академика — Екатерина Матвеевна Ферсман — передала нам для публикации несколько отрывков, посвященных людям камня с Урала — нашим горщикам и камнелюбам.

Эта глава посвящена людям камня. Нужны многие тома, чтобы рассказать о людях, любивших, добывавших и созидавших красоту камня. Ведь во все века и у всех народов камень привлекал к себе человека, и совершенно замечательные страницы истории посвящены исследователям, гранильщикам, ювелирам и камнерезам, искателям алмазов и искателям жемчуга, геологам и проспекторам, ювелирам-дельцам и ювелирам-художникам, горщикам и старателям и т. д., и т. д.

Многие годы я собирал материалы о людях камня — о замечательных искателях самоцветов Цейлона, о немецких авантюристах и путешественниках Индии и Анд в поисках богатств камня и золота, о хищниках уральской тайги и резчиках Индии, о монгольских монахах, десятки лет обрабатывающих один флякон, о мастерах Екатеринбургской, Петергофской и Колыванской гранильных фабрик, о коллекционерах — уральских инженерах и кафрах Южной Африки.

Не надо забывать, что перед мировой войной 1914 года ювелиры Парижа насчитывали во всем мире свыше 2 000 000 людей, работавших над добычей и переработкой самоцветов, не считая еще гораздо большего числа рабочих, связанных с обработкой цветников, мраморов и облицовочных камней. В Северной Америке, Карраре, Китае и Индии число таких рабочих превышало 1 миллион; сравнительно скромная цифра указывает, что на Урале добычей камня занималось около 15 000 рабочих. Добычей алмазов до войны (1940 год) занято было около 100 000 человек, но все алмазное дело привлекало около полумиллиона рабочих, гранильщиков, организаторов и т. д.

По подсчетам мировой промышленности, в 1910 году общее число работников по камню достигало 4 000 000 человек!

Эти цифры грандиозны. Не удивительно, что среди людей, посвятивших себя камню, личность многих настойчиво влечет к себе...

Одна из самых замечательных категорий любителей камня — искатели камня: горщики, проспекторы и т. д. Это люди, любившие камень иногда до увлечения и азарта, нередко всю свою жизнь, здоровье отдававшие камню, его красоте, блеску. Многие из них губили свою жизнь в горах и диких джунглях, другие бросали семью, уходили в тайгу, веря в свою фортуна, нередко создавая личные огромные богатства, но гораздо чаще кончавшие свою жизнь в нищете.

Горщики Мурзинки

Замечательные люди старой Мурзинки в лесах уральской тайги — обычно простые поселенцы уральских деревень, замечательные люди прошлого, — хорошо известны старому Екатеринбургскому Хрисантович Южаков, Овчинников, Холкин, Зобнин, Орлов, Семенов и другие.

Это горщики, разведчики и следопыты самоцветов, страстные любители камня, которые всю свою жизнь отдавали охоте за камнем. В поисках «фарта» вдоль и поперек исходили они реки и дебри уральских месторождений. По тончайшим прожилкам гранита — «проводникам» — пробирались они к тем «тошакам» и «занорышам» с «углем», «мыленкой», «топазом» и «тяжелелесом», где, по рассказам старых горщиков, бериллы «гуще моря» и длиною в локоть.

В 1920 году я решил в Свердловске соста-

вить список наиболее известных горщиков, главным образом стариков окрестностей деревни Мурзинки. Известный горщик Данила Зверев записал мне 30 самых главных горщиков Мурзинки, Кайгородского, Сарапулки, Корниловки, Луговой, Южаковой, Сизиковой — района Мурзинки; также и горщиков Кунары, Березовского завода, Шабров и Липовки, из окрестностей Екатеринбурга. В 1923 году А. В. Калугин более подробно составил общий список горщиков, причем перечислил 186 горщиков Урала, в том числе Миасса, Полднейвой, а также Нерчинска, Читы и Иркутска.

К ним относились гранильщики-яшмоделы, художники по камню, малахитчики, горочники, шлифовальщики и другие, частично занимавшиеся скупкой и добычей камней в «деревнях и горах» (всего 60 человек).

Обычно всегда работали семьями, и любовь к камню передавалась из рода в род (таковы Южаковы, Орловы и другие).

Все эти любители, описывает А. В. Калугин, съезжались весной в Мурзинку и, как рассказывали старики, «9-ю пятницу после пасхи в Мурзинке ежегодно бывала ярмарка, собиралось много народа из окрестностей; минералы на случай продажи раскладывались по столам, как на выставку. В случае находки ценных камней старались угостить друг друга как следует водкой, которая лилась рекой».

Характер и разнообразие типов горщиков Среднего Урала не могут быть с достаточной яркостью освещены на настоящих страницах. Одни, как Зобнины (Николай Иванович и Василий Левич), являлись примером крупных дельцов-кулаков, у них был каменный амбар и лавка в деревне Шайтанке; они умели обобрать меньшую братию, использовать у нее заминку с деньгами. К этому же типу принадлежал и Егор Сергеевич Орлов (Маслянка), сумевший у себя перед домом построить каменную кладовую для камней и не знавшийся со своим братом Егором — пьяницею, но прекрасным человеком, настоящим любителем камня.

Более спокойное, уверенное и вместе с тем деловое впечатление производила другая группа: Трофим Панфилович Семенин (Сарапулка), прекрасно знавший окрестности Сарапулки, Иван Васильевич Холкин (Мурзинка) или Сергей Хрисантович Южаков (деревня Южакова).

Один из них, Семенин, сделал большую карьеру: организовал добычу яшмы около Орска, а потом был назначен начальником и организатором добычи орской яшмы для вывоза за границу от треста «Самоцветы» (1933 год).

Интерес к камню и понимание его ценности создавали в этой области многочисленных любителей-продавцов: или это были старые рабочие, сохранившие любовь к своему делу (например, старик Старцев в Невьянске), или содержатели

почтовых станций (в Коневе), наслышавшиеся рассказов о дорогих камнях, почтовые чиновники (в Нейво-Шайтанском заводе), старая полицейская власть (на Троицком прииске изумрудных копей) и, наконец, просто крестьяне, занимавшиеся перепродажей камней.

Чем меньше становилось камней в последние годы перед первой мировой войной, тем более развивались этого типа перепродажи, обычно связанные с успешной фальсификацией, приготовлением клееных штуфов и т. д. В общем, при усилившемся недостатке камня хорошие образцы довольно скоро уходили в огранку, и только какие-либо особо хваленые кристаллы научного значения долгое время оставались у владельцев, дороживших и хваставшихся своими камнями.

С бытовой точки зрения трудно себе представить более своеобразных лиц, чем Лобачев и Повелева, — этих двух типичных продавцов и знатоков камней Южного Урала. Если Лобачев — из старой, хорошо известной в Миассе семьи, в честь которой названы Лобачевские копи, — является типом искателя, своим личным трудом вымывавшего из отвалов камни и определявшего их своеобразными методами «на зуб», то Повелева может служить примером другого типа — скорее скупщика камней у старателей и хитников (в Миассе). К ней обычно рабочие разных промыслов и районов несли все интересное, встреченное ими при работах. Таким образом, через руки Повелевой, имевшей связи даже в Екатеринбурге, проходили партии разнообразных камней, хотя и небольшой ценности.

Но среди самых замечательных горщиков Среднего Урала мне вспоминаются две яркие фигуры — Сергей Хрисантович Южаков и Данила Кондратьевич Зверев.

Данила Кондратьевич Зверев

Д. К. Зверев — типичный крестьянин-исследователь Урала, полуграмотный, но замечательный знаток и любитель камня. До переезда в Свердловск почти 65 лет своей жизни он провел в родном селении Колташах, где занимался, как и отец, крестьянством, вместе с тем постепенно втягиваясь в каменное дело. У реки Положихи, родной речонки, у него, как и у многих его товарищей по Кайгородке или Корниловой, началась любовь к камню. Здесь он вымывал в песках вместе с золотом и самоцветы — синие, красные и пестроцветные корунды (сапфиры и рубины), а также алмазы и турмалины. Он не был настоящим горщиком, добывавшим камень в ямах и глубинах пегматитовых жил. Лишь в некоторые годы, когда его увлекала добыча турмалинов, он занимался и самой добычей самоцветов в ямах и дудках около Липовки; еще реже его занимала добыча красного рубина в Бызовой. Его стихией были пески, эфеля после добычи золота. Здесь он своими глазами подмечал ценнейшие камни, которых другие не видели. Но он оставил работу в Колташах по Положихе, потому что в связи с постройкой Невьянского цементного завода прекратилась добыча золота в районе этой реки.

Между тем Зверев скупал и тяжелые эфеля при добыче золота у местных старателей. Этим

путем в его руки попадало большое количество камней, которые он тщательно отмывал и сортировал, добывая ряд самоцветов: рубины, сапфиры, гальки тяжеловесов и дымчатого кварца. Сам Данила Зверев отмечал богатство жилы этими камнями, говоря, что будто бы рубины и сапфиры попадались величиною до 20 каратов, а гальки тяжеловесов превышали дюйм в диаметре.

Зверев говорил, что всего он встречал около 10 кристаллов алмаза, всегда очень чистых; будто бы были алмазы и по реке Шайтанке.

Зверев так рассказывал о начале своих добыч. Когда он был еще молодым, в семидесятых годах к ним однажды пришел Овчинников из Мурзинки и стал рассказывать про богатые добычи камня и про то, как он камни преподносил царю и как за это освобождали даже от воинской службы. Так как Даниле скоро приходил срок служить, то это ему запало на душу и он стал тоже искать камни и вскоре изучил всю округу и отмыл рубины по Положихе и в других богатых местах. Несмотря на неудовольствие отца, он начал скупать камни и вскоре пристрастился к делу. Его район работ — Шайтанка, Липовка, Реж, Аятское — не севернее этих речонков.

Про первую находку алмаза он рассказывал так. Первый камень он не сам нашел, а купил у одного из старателей за 4 руб. 50 коп. В бытность в Тагиле Зверев спросил Шорина¹, какие еще бывают драгоценные камни (кроме известных ему). Тот назвал и алмаз, обещав в следующий раз показать заграничные кристаллы. Через полгода Зверев увидел у Шорина алмазы и очень скоро убедился, что и его камень — алмаз. Шорин дал ему золотой и купил с охотой камень. Потом пошли другие.

Интересно рассказывал Зверев и про находку шерлов в Липовке около 1900 года. Первую находку сделал крестьянин Топорков. Вначале работы были хаотичны, и только Даниле удалось составить компанию, которая кое-как и работала...

...Много раз в течение больше чем тридцатилетних скитаний по Уралу я встречался с Данилой Зверевым и в Колташах, и в Липовке, и в Свердловске. Еще сейчас перед моими глазами встает его небольшая коренастая фигура с взъерошенной бородой и волосами, живыми, немножко хитренькими глазами и отрывочной речью. Я встретил его в первый раз давным-давно, за несколько лет до первой империалистической войны, когда я, только что кончившим студентом, отправился впервые на Урал. Видел и в последний раз — в 1936 году в Свердловске.

С начала революции Д. К. Зверев поселился в доме богатого своего друга Овчинникова. Его исключительные знания быстро нашли применение, и он сделался одним из оценщиков горных предприятий и банков. Многие коллекции, брошенные на произвол уехавшими на восток екатеринбуржцами, прошли через его руки и нередко лишь благодаря ему сохранились для науки — в музее Свердловска. До последних лет жизни он возился с камнями, и его сыновья шли по этому пути, увлекаясь частично скупкой золота или платины или занимаясь гранильным делом. Многих горщиков он выводил из беды, скупая залежавшиеся в деревнях камешки.

Но одну свою тайну он унес в могилу. Он

¹ Любитель-краевед, обладатель солидной минералогической коллекции.

сам рассказывал, что покинув деревню и переехав в Свердловск, в трудные и страшные времена закопал где-то в огороде свою прекрасную коллекцию. Там был кристалл алмаза Положихи и прекрасные зеленые камни (вероятно, хризолиты). Прошли годы, деревни расселились, старые огороды изменили свои границы... и прекрасную коллекцию ему найти не удалось, несмотря на поиски. Много раз мне рассказывал об этом Данила Кондратьевич. Правда ли это было или только старая мечта любителя камня — сказать трудно.

Сергей Хрисантович Южак

Среди длинного ряда горщиков Урала, любителей и энтузиастов камня, самой крупной и самобытной фигурой был «Хрисантыч» — Сергей Хрисантович Южак, всю свою душу и жизнь вложивший в самоцветы и их добычу. Вот несколько страниц из моих записей 1910-х годов.

«...На Урале наш путь из города Екатеринбург всегда лежал сначала на деревню Южак-кову.

Здесь, на северном конце бесконечно длинной деревни, довольно ветхая, типично уральская изба с полукрытым двором; большие штUFFы камней лежали у входа.

Это был дом Сергея Хрисантовича Южакова.

Все заботы мужицкого хозяйства — покосы, выгоны, заготовка дров — все это было здесь как-то между делом. Дом много лет не поправлялся, двор покосился набок, сброя была разорвана и связана веревочками; для Южакова вся жизнь была в горѣ — или на аметистовых жилах Ватихи, или на дорогой ему Мокруше.

Много лет подбирал он колье из 37 аметистов — не тех дешевых светлых, которые мы обычно знаем под именем аметистов, а тех темных, фиолетово-черных густых камней, которые вечером, при свете свечи или лампы, загораются красным огнем каких-то страшных пожаров. Камни для этого колье он всегда возил с собой в тряпочке, раскладывал их на столе и объяснял, показывая, что ему еще недостает.

Но больше всего любил он Мокрушу — то замечательнейшее для него место на всем свете, где в болотистом лесу, в полужалитых водой ямах добывались нежно-голубые топазы, черные морионы.

Когда мы в красном углу под образами распивали чай, Хрисантович постепенно, не без гордости выкладывал перед нами добытые сокровища. Мой спутник Владимир Ильич (Крыжановский) спокойным движением откладывал одни из образцов налево, другие правее, возле себя; он хотел купить у Хрисантовича, но боялся неосторожным взглядом поднять цену.

После долгих-долгих бесед, многих чашек чаю, после переключивания справа налево и сле-

Иа направо, все-таки все интересное оказывалось в правой кучке. Христантович соглашался на три «красеньких», а Владимир Ильич аккуратно заворачивал приобретенные образцы в привезенную из города бумагу и укладывал в прочный кожаный саквояж.

Но были камни, которым цены не было. Это те, что лежали в сундуке среди холста,— они не продавались ни за какие «катеньки», их любил особою любовью Христантович, долго вертел в своих руках, но неизменно клал обратно к себе в сундук, а я... много лет смотрел на некоторые из этих штуфов, вздыхал, умоляюще смотрел на Владимира Ильича, заискивающе — на Христантовича. Но ничего не помогало... Камни возвращались в сундук.

Среди этих излюбленных камней Христантовича был замечательный письменный гранит с густыми морионами в розоватом полево шпате; в этих письменах, незаконченных буквах, почти не знакомых Христантовичу, он видел какой-то талисман.

Но продажа камней мало давала Христантовичу — ни партии темных аметистов Каменного Рва, ни штуфной материал, вывезенный в город для продажи, ни перекупленные краденые алмазы. Все это были отдельные рубли да «красенькие», а на копи уходили сотни целковых, никто даром не помогал горщику и мало кто верил в его «фарт». А он был фанатиком камня, сумевшим перевести весь фанатизм своих пред-

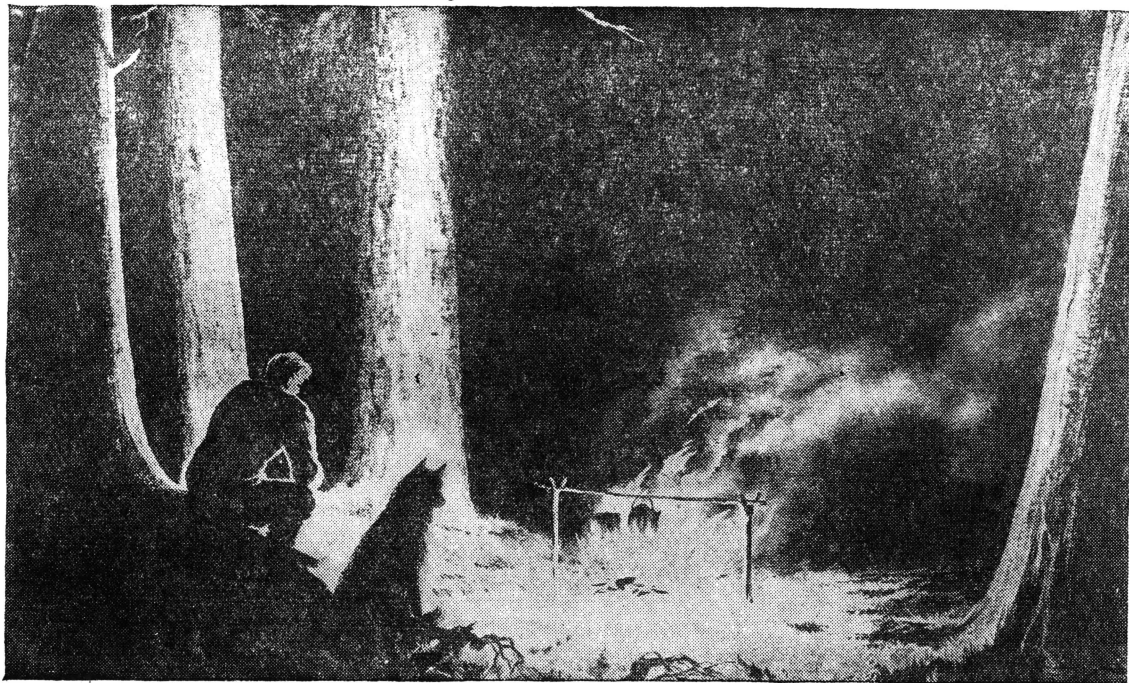
ков — кержаков-староверов — на камень, борьбу за него в мокрых ямах Мокруши».

Пришла революция, прошли через Мурзинку отряды белых, оставив разрушение и ненависть к себе, потом начались первые годы трудного подъема из разорения войны. Медленно стали оживать Мурзинка, Южаково, Липовка. Зашевелились горщики, завертелись гранильные станки, снова камень стал привлекать к себе.

...Но Южаков не смог войти в новую жизнь. Он хотел свою свободу горщика сохранить в лесах и горах Мурзинки, но не мог понять всю глубину и сложность нового Урала и новых путей страны. Он сопротивлялся, восставал, и на несколько тяжелых месяцев оказался без своего Урала и своих камней в районе Тобольска.

Снова он вернулся на свою Южаковку старым дряхлым стариком, тогда как его сыновья уже шли новой жизнью, оставили добычу камней, занялись хлебопашеством. Христантович тогда бросил семью и свой домишко. В лесу на Крутой, далеко от дорог, он сначала нашел старую избушку старателей, а потом на склоне горы выкопал скит и превратился в «пустынника».

Я его навестил в лесу на Крутой в 1927 году. Христантович не узнал меня. Жизнь его была в прошлом, а в тихом рассказе он все говорил мне о своих замечательных самоцветах, о еще не забытых днях любви к камню. Здесь он и окончил свою жизнь, его похоронили на Крутой, около старой копи пегматитов.

МЕТЕОРИТ ИЛИ ШЛАК?

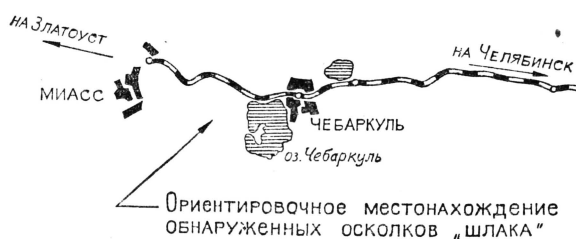
С тех пор, как я нашел этот злополучный метеорит (несмотря на все заключения экспертов, я все же зову его метеоритом), прошло три года. Образцы вещества я посылал и в Свердловск — в Комиссию по метеоритам, и в Москву — в аналогичный комитет, и в химлабораторию. Отовсюду ответ один: при изучении образцов, переданных вами, установлено, что они относятся к шла-

обнаружил в березе), то оказалось, что все они лежат на одной прямой, причем метеорит, видимо, летел сплошным куском под углом к поверхности Земли в 25—35 градусов. На его пути оказалась береза, от удара она разломилась пополам, и сейчас от дерева остался высокий пенек. Самый крупный осколок, диаметром около 25 сантиметров, я нашел в земле.

От редакции: Вместе с письмом, схемами и фотографиями Николай Александрович Галкин прислал в редакцию и образец вещества, обнаруженного им на границе Ильменского заповедника. Этот образец вторично был направлен в Комиссию по метеоритам Уральского отделения Всесоюзного минералогического общества. Однако и на этот раз комиссия категорически отвергла гипотезу о его метеоритном происхождении.

Схема же и фотографии говорят об обратном. Но для того чтобы окончательно решить, что именно найдено Н. Галкиным, требуются более точные измерения угла падения тела, нужны вещественные доказательства, что береза переломлена именно тем самым метеоритом.

Возможно, что при более детальном обследовании местности удастся найти другие осколки тела. Следопыты! Кто разгадает ильменскую загадку?

кам. Более того, научно-исследовательский институт металлургии провел сравнительный анализ найденного мной метеорита и различных металлургических шлаков. Оказалось, что он по своему составу близок к конверторному от выплавки меди и к сварочному от нагревательной печи. Значит, шлак?

Но как металлургический шлак мог попасть в глухую тайгу да еще наделать столько разрушений? Ведь этот камень я нашел между озерами Чебаркуль и Ильменское, на границе Ильменского заповедника. На десятки километров вокруг не то что завода — нет ни одной деревни. Во-вторых, когда я разыскал более или менее все осколки (часть из них — мелкие — были на поверхности, более крупные — в земле, а один из осколков я

Это плотный темно-серый, почти черный камень. Более мелкие осколки — пористые, ноздреватые, но все они состоят из железа (почти половина состава) и темно-бурого, почти непрозрачного стекла — 26 процентов. Есть в образцах окись алюминия (около 10 процентов), окись кальция, магния, фосфора и очень немного никеля. Одним словом — шлак.

Второй раз я в этом месте не был, но дорогу туда запомнил хорошо и, если найдутся энтузиасты-следопыты, которые захотят до конца разгадать тайну ильменского метеорита (или шлака?), я охотно их проведу. Мой адрес: г. Челябинск, проспект Победы, дом № 170, кв. 91.

Н. ГАЛКИН,
сотрудник института
«Челябгипротяжмаш».

ТОБОЛЬСКАЯ ПУШКИНИАНА

Александр Сергеевич Пушкин не бывал в Сибири, но в своих произведениях не раз говорил о ней. С Тобольском, в частности, связано несколько интересных эпизодов его биографии.

Страна умных людей

Тобольск. 1864 год. Художник-карикатурист Знаменский и поэт, педагог, автор сказки «Конек-Горбунок» Ершов.

Посетив Ершова, Знаменский делает запись в дневнике:

— Да, я, когда приехал сюда, — говорит Ершов, — в страшной хандре был и много сжег. Теперь жалею — напомнило бы, по крайней мере, молодость. Были у меня и заметки, писанные Пушкиным и другими.

— Вы были знакомы с Пушкиным?

— Да, я бывал у него — если вытаскал к нему. Я был страшно обидчив, мне все казалось, что надо мной он смеется. Например, раз я сказал, что предпочитаю свою родину. Он говорит: «Да вам и нельзя не любить Сибири. Во-первых, она ваша родина, а во-вторых, это страна умных людей».

— Мне показалось, что он смеется. Потом уже понял, что он декабристов напоминает...

нибала. Сын абиссинского князя, Ибрагим попал в качестве заложника в Константинополь и оттуда был привезен в подарок Петру I. В автобиографической прозе Пушкин указывает, что Петр сам крестил и сам воспитывал Ганнибала. Ибрагим был послан во Францию для обучения военным наукам, дослужился до чина капитана артиллерии, участвовал в войне с Испанией, был ранен «в одном подземном сражении». По возвращении в Россию «Государь пожаловал Ганнибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом». Но в 1725 году Петр умер, и для растущего военного специалиста началось предсказанное «завтра».

Известно, что «в 1726 году Ганнибал написал книгу об инженерном искусстве... строил в Восточной Сибири крепость Селенгинск. При Елизавете Петровне Ганнибал сыграл большую роль в улучшении постановки в России военно-инженерного дела. При Петре III был уволен в отставку».

Но, вероятно, мало кто знает, почему бывший фаворит Петра Великого очутился в Сибири. В одной из старых книг говорится, что после смерти своего покровителя Ганнибал присоединился к партии возмущившихся против всесильного Меншикова и был удален в Сибирь. Об этом скупо упоминает и Пушкин. Сколько прожил Ганнибал в Сибири, данных нет. Сообщается только, что «...в 1730 году его перевели майором в Тобольский гарнизон, потом капитаном в инженерный корпус».

Крамольник из Франции

«Завтра» Ганнибала

В романе Пушкина «Арап Петра Великого» есть слова: «Послушай, Ибрагим, — говорил Петр, обращаясь к Ганнибалу, — ты человек одинокий, без роду и племени, чужой для всех, кроме меня одного. Умри я сегодня, завтра, что с тобой будет, бедный мой арап?..»

Свое произведение «Арап Петра Великого» Пушкин не окончил. Он рассказал только о первой половине жизни своего предка Ибрагима Ган-

В январе 1836 года в письме к своему другу Нашокину Пушкин писал: «Денежные мои обстоятельства плохи — я вынужден был приняться за журнал...» Так родился пушкинский «Современник».

Журналист Пушкин очень заботился о своем детище. К участию в журнале он привлек видных литераторов и, чтобы «как можно лучше распорядиться с «Современником», в мае поехал в Москву.

Можно предполагать, что там, в древней столице, роясь в архивах, поэт делает запись:

«В числе иностранцев, посетивших Россию в прошедшем столетии, Шапп д'Отрош заслуживает особенное внимание. Он был послан Французской Академией Наук для наблюдения в Тобольске перехода Венеры по солнцу, долженствовавшего совершиться 26 мая 1761 года. Аббат выехал из Петербурга 10 марта и 10 апреля прибыл в Тобольск, где и оставался до июля.

В 1768 году аббат напечатал свое путешествие, которое смелостью и легкомыслием замечаний сильно оскорбило Екатерину, и она велела Миллеру и Болтину отвечать аббату».

Документы свидетельствуют, что эту тему Александр Сергеевич был намерен поднять на страницах своего журнала. Однако замысел не осуществился.

«Путешествие в Сибирь» Шаппа д'Отроша! Что мог иностранец написать в своем труде об этом крае? Почему это произведение оскорбило царицу и чем оно могло заинтересовать Пушкина?

Двухтомный труд аббата издавался в 1768 и 1769 годах. На русский язык не переводился. О его содержании в какой-то мере можно судить по возражениям Екатерины II в книге «Антидот», издававшейся на французском языке дважды, но переведенной на русский только через 87 лет и ставшей сейчас библиографической редкостью.

А нет ли чего интересного в самом Тобольске?

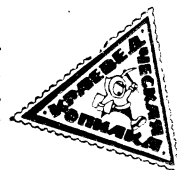
Приезд в Тобольск французского астронома привлек тогда внимание всей местной общности. Это событие нашло отражение в «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири». Составитель его записал так:

«Неутешительны сведения, собранные о Сибири Шаппом. Из них оказывается, например, что в самом передовом тогдашнем городе Тобольский митрополит не верил в движение Земли вокруг Солнца, и все старания астронома-аббата убедить его в этом остались тщетными. Таким же невежеством отличались и все остальные обыватели городов. Все тоболячи, вся чернь, и за одно с нею военный генерал смотрели на Шаппа с его астрономическими инструментами как на волшебника, думая, что его прибытие в Сибирь было причиной сильного разлива Иртыша, и что эта река снова войдет в свои берега только после его отъезда...»

Естественно, что эти и подобные им картины, которые удалось подметить аббату за время своего путешествия, позволили ему создать, возможно не без изъянов, большой труд, позднее оцененный как «замечательное явление в тогдашней иностранной литературе о России». В нем он показал не только страну с ее экономикой, народом, бытом, но и страну с деспотическим правлением, рабством людей.

Вероятно, эта сторона, позднее ярко нарисованная Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву», и вызвала гневную брань Екатерины, которой она разразилась в своем «Анти-

доте» по адресу Шаппа. Эта сторона, относительно объективного показа русской действительности тех лет, вероятно, и привлекла внимание Пушкина.

Не Тобольск, но и не Тибинск

В 1834 году Пушкин опубликовал свое новое произведение «История Пугачевского бунта». Оно состояло из первой части, содержащей историю Пугачева, и второй, составленной из документов.

В 1835 году в «Сыне отечества» появилась анонимная рецензия, которая вызвала ответ Пушкина «Об «Истории Пугачевского бунта». Он напечатал его в «Современнике».

В своей рецензии военный историк-дилетант Броневский цитирует Пушкина: «Уфа была освобождена. Михельсон, нигде не останавливаясь, пошел на Тибинск, куда после Чесноковского дела прискакали Ульянов и Чика. Там они были схвачены казаками и выданы победителю, который отослал их скованными в Уфу». И дальше, в примечании: «По своему разбитии Чика с Ульяновым остановились ночевать в Богоявленском медно-плавильном заводе. Приказчик угостил их и, напоив допьяна, ночью связал и представил в Тобольск. Михельсон подарил 500 руб. приказчиковой жене, подавшей совет напоить беглецов». Основываясь на этом, рецензент полемизирует: «Место действия, пишет он, находится в окрестностях Уфы, а по сему приказчик не имел нужды отсылать преступников в Тобольск, находящийся от Уфы в 1145 верстах».

В статье «Об «Истории Пугачевского бунта» на это замечание Броневского Пушкин не без иронии написал: «Если бы г. Броневский потрудился взглянуть на текст, то он тотчас исправил бы опечатку, находящуюся в примечании. В тексте сказано, что Ульянов и Чика были выданы Михельсону в Табинске (а не в Тобольске, который слишком далеко отстоит от Уфы, и не в Тибинске, который не существует)».

Ю. РЯБОВ

САБЛЯ ЛАЗО

— Ты чо с ним валандаешься? — Копач машет плеткой в сторону Тимки. — Пошто дома не сидишь?

— Я...

— Молчи, не якай! Еще раз увижу, тебе и ему головы сверну.

Копач мостится на валежину, где сидел Ершов. Двое устало привалились к соснам.

— Был здесь кто? — Копач поочередно смотрит на ребят. — Отвечай, смекалинский выродыш!

— Не видел, дядя Прокоп.

— Павлина?

Тимка не мигая смотрит на Павлинку. Копач перехватывает Тимкин взгляд, криво усмежается.

— Тебя спрашиваю, Павлина!

— Никого не было.

Те, двое, прикрывши глаза сидят: иль не спали давно, или устали сильно. Крайний от Тимки — молодой, скуластый, все время подергивается, будто припадочный. Не русский он, скорее на баргута похож. Другой — постарше, здоровенный дядька, со шрамом на щеке.

— Едем, Прокоп, — сонно ворчит дядька. — Вечер на дворе, ково найдешь? Неровен час, сами в засаду попадем.

— Погодь! — отмахивается Копач.

Тимка против Прокопа Егорыча стоит, на штаны свои смотрит. Переводит взгляд на копачевский ичиг. А перед ичигом... окурок притоптанный. Батяня курил.

Копач искося на Тимку посматривает, бородку пощипывает. С его ног на свои ичиги взгляд переводит. Смотрит, развязался ичиг, будь он неладный!

Нагибается Прокоп Егорыч к ичигу, за ремешок берется. Глядь, окурочек, вот он. Свежий, недавно брошенный.

— А ну, дыхни! — требует Прокоп Егорыч. — Дыхни, выродок собачий! Так! Пальцы покажь! Так! Не ты курил, щенок!.. Получай, волчье отродье!

Со свистом опускается плеть на Тимкину спину. Трижды, без передыха: жик! жик! жик!

Тимка тыкается носом в песок, прикрыв

вает голову руками. Три темных полосы тележным следом тянутся по спине.

Двое, очнувшись, во все глаза смотрят на Копача.

— Говори, кто был? — Копач заносит над Тимкиной головой развязанный ичиг. — Говори, сучий сын, если жить хочешь!

Но тут случается такое... Павлинка с криком: «Не смей!» мгновенно кидается отцу под ноги. Не устояв, Копач грузно валится на землю. Двое у сосен сотрясаются от неудержимого смеха.

— Хе-хе-хе! — нервно дергается молодой, вытирая глаза.

— Хо-хо-хо! — трясет животом дядька со шрамом.

Прокоп Егорыч вскакивает, подбирает выпавшую плетку. Глаза его наливаются кровью, сивые усики судорожно прыгают под носом.

— Ты!... Ты!... Гаденыша защищать? Убью!..

Тяжелая плетка змеей опоясывает спину Павлинки. Девчонка ежится, втягивает голову в плечи. Молча жжет отца упрямым взглядом.

Молчание дочери окончательно бесит Копача: плетка снова взлетает над Павлинкиной спиной.

— Ах, так!.. Ха! Ха! Ха! — трижды жикает плеть.

Молодой, скуластый тигром прыгает на плечи Прокопа, хватается за рукоятку.

— Остынь, Копач! Детей не жалеешь. Не брали мы тебя в палачи. Брось, говорю!

Не на шутку распалился Копач Прокоп Егорыч: кряхтит, кружится с баргутом на спине, сбросить норовит. А дядька со шрамом опять хохочет. И все причитает: «Ах, ты, мать честная! Ах, ты, мать честная!»

Кое-как изловчается Копач, стряхивает со спины баргута. Тот еще на ноги не поднялся, как плеть над ним засвистела. Один удар по левому глазу пришелся. Вскрикнул баргут, пригнулся, лицо руками закрыл.

Дядьку со шрамом будто шилом кто кольнул: не до смеха стало. Шутка в деле — глаз парню выхлестнул.

— Ты за што это?! — вскакивает дядька.

— Пусть не лезет под горячую руку!

— Смотри, Копач, доиграешься!

— Не пугай, Панфил. Давно пужанный.

Павлинка белая-белая стоит, вишневую кровь с подбородка вытирает. Это она губу прикусила, чтоб не закричать.

— Ну, Павлина! — хрипит Копач, — дома по-иному рассчитаюсь!

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА

Дарья Григорьевна, Павлинкина мать, смолоду жила на прииске «Золотинка». Был прииск хмурый, жил суетно, горько. Но девчонка не замечала этого. Играла с ребятами на отвалах, бродила по мутной Тургинке, лазила по диким скалам. Семья жила складно и дружно. Отец слесарничал вместе с Платоном Петровичем, мать управляла несложным хозяйством. По воскресеньям Потехины и Смекалины одевались по-праздничному, уходили в березовый лесок, что растет против фабрики-«бегунки», садились на лужайку, обедали чем бог послал. Отцы о шахте говорили, матери — о домашних делах. Выпивали по рюмке-другой. Горькую жизнь, как шутил Потехин, горькой вод-

кой запивали. Пели старинные песни, вспоминали дедов-прадедов.

Так пролетели семь Дашуткиных лет — до первой горючей беды. Умерла от чохотки Дашина мать — Екатерина Кузьминична. Трудно пришлось Григорию Силь-

чу, отцу Дашуткину. Да не пал он духом, еще больше привязался к дочери. Татьяна Карповна, жена Смекалина, частенько навещивалась к ним — то Дашутку помыть, то белье постирать-поштопать. Не захотел Григорий Силыч второй раз жениться, побоялся, как бы Дашеньке хуже не было.

Однажды зимой случилось несчастье с Григорием Силычем. Придавило его в шахте обвалом, и осталась Дашутка одна-одинешенька в убогой хатке со слепыми окнами.

Судили, рядили Смекалины, что с Дашуткой делать. Избаловали ее мать с отцом, нужному ремеслу не научили. Так и погибнуть недолго.

— Возьмем Дашутку, Платоша? — сказала Татьяна. — Я ее потихоньку-полегоньку шить научу. Глядишь, кусок хлеба заработает.

На том и сошлись: стала Дашутка у Смекалиных жить. Поначалу плохо выходило — горевала она, все куда-то убегать собиралась. Все равно, говорит, не житье мне на белом свете, нет у меня пути-дороги.

Татьяна Карповна умом да лаской взяла, к работе приучила. Мало-помалу Дашутка самостоятельно шить стала.

А как-то весной приехала из Межгорья бабка Мавра, Дашуткина бабушка. Туда-сюда, так и этак. Стара, говорит, стала, присматривать некому, пусть, дескать, Дашутка со мной поживет. Когда умру — все хозяйство ей достанется.

Правду сказать, хозяйство у бабки невеликое: домушка-курнушка, корова старая да семь куриц-несушек. А все ж свой угол.

Согласилась Дашутка, поехала. Хорошо она с бабкой жила — шила, по дому управлялась, корову доила, за курицами присматривала. Все хозяйство на свои плечи взвалила.

Красоту людскую нигде не спрячешь. Пригляделся к Дашутке соседский парень Василь Подорожный, ухаживать стал. Все любовно шло, и бабка была довольна. Полгода, год ли пролетел — стали о свадьбе поговаривать. Да на беду заметил Дашутку Прокоп Егорыч, поперек дороги встал: в бабкин дом начал ходить, Дашутку сватать.

Бабка Мавра ни в какую. Черт, говорит, рогатый и тот за тебя не пойдет. И Дашутке не нравился Прокоп Егорыч — худая слава о нем по селу шла.

А Копач себе на уме. Врешь, думает, не мытьем, так катаньем возьму.

Первым делом решил он Василя с дорожки столкнуть. Позвал как-то в лес за дровами, да там и оставил. Банда, поясняет, на их напала. Василя, дескать, убили, а он еле спасся.

Не поверили Копачу, а как докажешь? По русской пословице, не пойман — не вор.

Загорюнилась Дашутка, изревелась — дитя от Василя ждала. Бабка Мавра совсем закручинилась, умерла вскоре. Прокоп Егорыч больше прежнего к Дашутке пристаёт, золотые горы сулит, в шелка обещает одеть. И что дитя будет — ничего, простит.

Так вот и женился Копач на Дашутке. И стали звать ее не Дашуткой, а Дарьей Григорьевной.

Много с тех пор воды утекло. Павлинке скоро тринадцать исполнится. Боевая растёт девчушка. И все бы хорошо, если б не жадность, не лютый нрав Прокопа Егорыча. Обещал зла не помнить, а сам нет-нет — хватается за плетку. И Дарью жалко ему, потому что любит, а добра — вдвое жалче. Сядет иногда на приступок, уронит голову и плачет сухими слезами. Все ему вспомнится: и как Дарья голодранкой была, и как дите в дом принесла. И не рад, что богатеет стал.

Павлинке всегда больше достается. Не любит она отчима. И он ее не жалуется.

Так вот и живут, прямо сказать, маются. А что поделаешь? Одной судьбой связаны, по одной дорожке ходят.

ИСТОРИЯ КОПАЧЕЙ

Род Копачей в Межгорье самый старый, самый богатый. Все Копачи из донских казаков происходят, из тех, что по Волге грабили да на Каспии. В то время еще Иван Грозный Русью правил.

Как-то рассердился царь на разбойников, послал на них войско. Разбило войско казачьи шайки, по всем краям разогнало. Кто из Копачей в Оренбургские степи убежал, кто в Кулундинские. А межгорские Копачи в Забайкалье осели.

По-разному жили Копачи. Дед Прокопа Россию от Наполеона оборонял, отец в Крымскую воевал, да и сам Прокоп Егорыч царю послужил, а после революции к атаману Семенову подался.

Вскоре, как женился, заметил Прокоп Егорыч изъян у своей жены: душой очень

мягка. Одному тайком муки отсыплет, другому меру картошки нагребет, третьему завалиющую одежку подкинет. Известно, у бедняков кругом нехватки.

Прокопу Егорычу женаина щедрость — поперек горла. Не для того копят-наживают, чтоб другим раздавать. Свет велик, не обошьешь, не обогреешь. Голодранцев на селе — что тараканов у нерадивой хозяйки.

Пришлось Прокопу Егорычу поучить Дарьюшку. Притихла Дарья Григорьевна, иной раз отказывать стала людям.

Правда, Смекалиным она в первую очередь помогала. Татьяна Карповна принимала и благодарила, а Платон Петрович никак привыкнуть не мог, все нутро у него выворачивало. Не нужен, говорит, нам хлеб, что на бедняцкой слезе замешан, сам как-нибудь заработаю.

Однажды в сердцах он и Дарье Григорьевне так сказал. Та посмотрела с укором, головой покачала:

— Вы ж меня, Платон Петрович, от голодной смерти спасли. Прошлым не попрекайте — не по моей воле вышло. Если хотите, не вам даю — жене вашей и сыну. Не ешьте, если брезгуете. Может, придет срок — и к вам на поклон пойду.

У Смекалина с Копачом свои счеты. Когда Платон Петрович в село переезжал, Копач первым кричал, чтоб не принимать голодранца. Приисковые люди известные: вольного духа нахватаются, орут во все горло: «Равенство! Братство! Землю им дай, свободу. Свое сними, а их одень».

Вот как Прокоп Егорыч рассуждает.

Все ж Смекалины остались в Межгорье. Платон Петрович батрачить пошел. А в революцию — первым в ее ряды встал. С той поры лютая вражда пошла у него с Копачами.

Так и воют Копач со Смекалиным.

Можно бы Татьяне Карповне на прииск податься, да не лежит у нее сердце к Денису, брату Платона. Вернее, к жене его, Авдотье.

Верно пословица молвит: «Куда ни кинь — везде клин».

КИРЬКА — ВОР

Лежит Тимка на печке, спину заживляет. То на бок повернется, то на живот. Раньше до спины дотронуться нельзя было — огнем горела. Синяя, темнополосная, разрисована, как у окуня.

Татьяна Карповна чуть в обморок не упала, когда Тимкину спину увидела. Почему-то сразу про Копача подумала: «Его рук дело».

— Как случилось-то, Тимошенька?

— Рыбу мы с Павлинкой ловили на Шумном. Там Копач и защучил нас. Павлинку тоже иссек.

— И Павлинку? — всплескивает руками Татьяна Карповна. — За что ж он, зверь-зверюга?

— За одно дело, маманя, — шепчет Тимка. — Только ты никому не говори. Ладно?

— Кому говорить-то?

— Я батяню на Шумном видел, — Тимка приподнимается на локоть. — Жив он, маманя!

— Жив?! — вскрикивает Татьяна Карповна. — Правда ли, Тимошенька?

— Вот те крест, святая икона! — божится Тимка. — Бородищу отпустил, почище козулинской.

— Не обознался ты? — все еще не верит Татьяна Карповна. Лицо ее светлеет, морщинки разглаживаются. — Может, другой кто был?

— Не, маманя, честное слово! С ним еще один приезжал, помоложе батяни. Чернявый такой, статный, вроде бы не русский. При сабле. А сабля, маманя, из серебра и золота. Блестит, что козулинский самовар.

— Путаешь ты, сынок, — качает головой Татьяна Карповна. — Пригрезилось, видать. Жар у тебя ночью был, вот и померещилось.

— Ты слушай, маманя, — торопится Тимка. — Все, как на духу, сказываю. Молодой — тоже красный, Ершов его фамилия. Саблю ему товарищ Лазо подарил. Ну, вот, рыбачим мы с Павлинкой на Шумном. Четыре ленка поймали и одного таймешка. Есть захотели, стали костер ладить. Тут они едут. Первый-то с коня с нами здороваётся. Меня будто кольнуло: батянин голос! Смотрю, верно: батяня! Кинулся к нему. А он сильный-пресильный! Как схватил, как стиснул — думал, дух из меня вон.

— Слава те, господи! — крестится Татьяна Карповна. — Увидел ты слезы мои, услышал горе мое... Про дом-то ничего не спрашивал?

— Как еще спрашивал! И про тебя, и про Дениску. Когда уезжать стали, батяня меня на коня посадил. Проехали мы с ним маленько. Я ему про тебя сказываю: и как

плакала, думала, что батяню убили, и как потом не верила...

Слушает Татьяна Карповна, молитву про себя творит.

— С Копачом-то как встретились? — спрашивает.

— Когда батяня уже уехал. И мне и Павлинке досталось за то, что смолчали.

— Ах, ирод он, ирод! — Татьяна Карповна целует голову сына. — Ты, Тимошенька, лежи-отлеживайся. А я к Дарье Григорьевне сбегаю, муцицы разживусь, блинцов тебе постряпаю.

Пока она собиралась, Дарья Григорьевна сама в избу входит. Кошелку на пол ставит, на икону крестится.

Будто чуяла Дарья Григорьевна, что нечего есть Смекалиным. Муку принесла, картошки, мяса кусочек. Всего помаленьку. Татьяна Карповна возле нее суетится, не знает, куда посадить, чем потчевать.

— А я ведь только-только к тебе хотела.

— Так-то лучше вышло. — Дарья Григорьевна развязывает платок, садится на скамейку. — У нас, Татьяна Карповна, гость — в горле кость. Офицерик какой-то явился. Пьет-гуляет, и мой с ним заодно. Ты уж никому не говори, тебе только рассказываю.

Тимка на печке лежит, туда-сюда головой вертит. «Офицерик-то, наверно, семенец!»

— Много их теперь всяких, — говорит Татьяна Карповна. — Ты, Дарьюшка, хоть чайку попей. Больше нечем, сама знаешь.

— Будет вам, Татьяна Карповна. — Сыта я. Как Тимоша-то, не оклемался?

— Поправляется, Дарьюшка, поправляется. — Татьяна Карповна смахивает тряпкой со стола. — Что ему? Кровь молодая, тело живучее. В одночасье поднимется.

— И Павлинка моя лежит.

— Знаю, Дарьюшка, Тимоша сказывал. Нехорошо вышло, а что делать. На все воля божья. Сейчас чаек скипит, подвигайся к столу.

— Нельзя мне, — машет Дарья Григорьевна. — Неровен час, хватятся. Пьяные, сама знаешь, какие... А мне еще в одно местечко сбежать надо.

Не успели женщины за дверь выйти, — Кирька Губан на пороге.

— Здорово, Тимка!

— Здорово, Кирька!

— Ты что, болеешь?

— Так, немножко...

— Хочешь, припарки сделаю?

— Ништо, обойдется.

— Наша бабушка от всех болезней травы знает.

— Моя маманя тоже знает.

Смотрит Кирька по сторонам, нет ли в избе еще кого. Нагибается к Тимке, шепчет доверительно:

— Слышь, Тимка, Павлинка тоже болеет.

— Знаю, мы с ней на Шумном простыли. Купались вечером, а вода как лед.

— Хорошо, что я не пошел, — радуется Кирька.

— Хорошо, — кивает Тимка. — С тобой бы хуже было.

— Пошто хуже?

— Хилый ты, — уклоняется Тимка.

— Хилый? А кто на печке лежит?

— Говорю тебе: купались.

Тимка по Кирькиным глазам видит: не все сказал Губан, что-то еще на языке вертится.

— Что еще знаешь, Кирька?

— Пещеру нашу обокрали! — выпаливает Губан. — Мешок с сухарями утащили, инструмент взяли, гамак твой изломали.

Говорит Кирька, а глазами туда-сюда юлит. Не верит ему Тимка: никто не мог залезть в пещеру, кроме самого Губана. Ишь, как зыркалы рыскают, будто кошкин хвост перед прыжком.

Жалко Тимке продукты, все трое по капле собирали. Сухари были в мешке, рыба вяленая, котелок картошки. Соль, спички. На всякий случай, если бежать куда придется.

— Мешок-то, Кирька, просушить надо, — невзначай намекает Тимка.

— Само собой, — соглашается Кирька. — Погодь, какой мешок?

— Попался ты, Кирька, как заяц в петлю, — сердится Тимка. — Вот что, Губан: завтра положи все на место. На войне предателей к стенке ставят. Мы с тобой по-другому расправимся: камень на шею и — в Тургинку. Раков кормить.

— Я... я... Что ты, Тимка? — заикается Кирька. — Честное слово, честное...

— Стоп, Кирька! — морщится Тимка. — Не давай честного слова. Я на тебя зла не имею, я сегодня добрый. Иди к Павлинке, расскажи ей все. Как она решит, так и будет.

— Иди сам, если надо! — краснеет Кирька. — Также мне, командир полка... Плевал я на вас обоих! Говорю, не брал — значит не брал!

— Хорошо, Кирька Губанов! — сурово говорит Тимка. — Будем судить тебя по законам военного времени. Можешь идти... Хотя... стой! Вместе пойдем!

Вместе — еще хуже. То один поет, а то в два голоса закричат: «Ты понимаешь, Кирька Губанов, что такое воровство? Воровство — есть тоже предательство. По законам военного времени...»

Дались им эти законы.

Губан сердито хлопает дверью, выскакивает на улицу. Надо ж так опростоволоситься! Хитрый смекалинский, на слово поймал: «Мешок-то, Кирька, просушить надо!..» Цена твоему мешку — копейка в базарный день.

А у Тимки свой план. Тетка Дарья про офицера сказала? Сказала. Авось там что-либо про семеновцев узнать можно.

Пулей слетает Тимка с печки, будто во все спина не болела. Лицо сполоснул, вихры пригладил, догнал Кирьку за воротами.

— Ладно, не скажу Павлинке про мешок, не кисни.

ВАХМИСТР БРЯНЦЕВ

Брянцев появился в Межгорье ночью. В селе пока ни белых, ни красных. Слышал он, что будто ершовцы на Лосином Ключе стоят, полк формируют. Затем и послал его Семенов — проверить все до точности.

Брянцев в Забайкалье — залетная птица. Одногодки они с атаманом Семеновым, в одном полку в Петрограде служили, бок о бок рабочих расстреливали. Семенов — забайкальский казак, а Брянцев — тульский уроженец, из господ.

Хозяйство вахмистр имел не меньше копачевского: семь лошадей, двенадцать коров, дом пятистенный. Перед самым разором две жнейки-лобогрейки купил. До десяти батраков на поля выгонял. А пришло время — все в один день сплыло, сам едва спасся.

Пригласил Брянцев купца Козулина, попа Григория, еще двух-трех казачков-богатеев. Судили-рядили, план составили. Первым делом разузнать надо: много ль красных в Лосином Ключе и когда они наступать думают. Второе дело тоже важное: переловить в селе всех, кто помогает красным.

А когда бои начнутся, все зажиточные казаки должны на коней сесть.

Вчера еще Брянцев хотел из села выехать, да запил не вовремя. Глушит самсон и глушит. И поп отказался, и купец не может тягаться с вахмистром. Один Копач марку держит.

В то время, когда Тимка с Кирькой во двор вошли, Брянцев с Копачом в избе сидели. Тимка было в сенцы, да ничего не вышло: на запоре они, и кобель спущен.

Кобеля Тимка не боится, а с запором ничего не сделаешь. Разве щепочкой крючок подцепить?

Тимка иногда делал так, когда Павлинка одна дома оставалась. Закрывает сенцы на крючок, а он щепочкой раз — и вот он, как из-под земли.

Тогда, конечно, проще было — ни отца в избе, ни матери. А сейчас вон как бубнят, спорят, похоже...

— Что ты там? — шепчет Кирька. — Дома, што ль, никого нет?

— Угадал. Видишь, двери на запоре. Пошли, в другой раз как-нито.

— А што там гудет, Тимка?

-- Самовар, наверно.

— Ври да не завирайся, — шмыгает носом Кирька. — Хозяев нет, а самовар гудет? Ищи дурачка, это Копач с вахмистром разговаривает.

Вот тебе и раз! Кирька тоже знает. Интересно, спрашивает, о чем они там? Может, планы какие строят?

— Иди послушай, — советует Тимка. — Если спина чешется. Мне неинтересно.

— У тебя ж отец в красных.

— Ну и что?

— Значит, интересно. Может, они шлепнуть его хотят.

Глупый Кирька, а соображает. Вот и пусть сам идет. Если поймают, какой с него спрос? Надают по шее, отпустят. А если я попадусь...

— Не могу, Тимка, — мнетя Кирька. — Я, знаешь, какой стеснительный...

— Стеснительный? Скажи лучше — трус.

— А ты храбрый?

— Мое дело.

— Покажи.

— Покажу.

— Не покажешь, не покажешь!

— Хорошо, Кирька Губан, — бледнеет Тимка. — Стань уворот, смотри в оба. Чуть што — свисти. Если сбежишь, — он сжигает кулак, — нанюхаешься.

Согнувшись, Тимка шмыгает мимо окон, отыскивает щепочку потоньше, на цыпочках поднимается на крыльцо. Глухо

звякает крючок, совсем глухо, едва слышно. Чуть-чуть приоткрывает Тимка дверь, боится, как бы не скрипнула.

Нет, не скрипнет копачевская дверь, надежно смазаны петли. Нередко прихо-

дится открывать их ночью неожиданным гостям вроде Брянцева.

Теперь и пролезть можно. И снова на крючок закрыться. А в случае чего — в сенцах спрятаться. Они у Копачей такие — вся смекалинская мазанка войдет.

На этот раз Тимке везет отчаянно. Кто бы мог подумать — вторая дверь — из сеней в комнаты — приоткрыта. Жарко, стало быть, Копачу с Брянцевым. Сидят они в «зале», в передней комнате, самогон пьют, огурцами с капустой заедают. Брянцев молодой, очки на цепочке держатся. Голова в завитушках, кудрявее, чем у барана.

Тимка на всякие хитрости мастер: лег на пол, к приступку прижался. И выглядывает одними глазами.

По разговору судить, Брянцев с Копачом давно спорят. Копач какого-то Тихона клянет, бандитом называет, будто сам святой. Брянцев кудряшками потряхивает, огурец пальцами ловит, посмеивается. Надо, объясняет, съездить к Тихону, поговорить. Копач ему свое доказывает, мол, с бандитом — бандитский разговор. Он у китайцев даром золото гребет, а с нас две шкуры спускает.

— Давай, Прокоп, пока суть да дело,

к Тихону махнем,— сосет огурец Брянцев.— Самогону захватим, гульнем денек. И Тихона заодно пощупаем.

— На то согласен,— Копач поднимает рюмку.— Я тем временем на жеребца пузатого надавлю, чтоб список вовремя составил. Сам назвался сдуру.

— Неужто ты без списка этого не знаешь — кому воздать по заслугам? — ухмыляется Брянцев.

— Знать-то знаем, но все же спокойнее, когда другой укажет.

Ничего непонятно Тимке, про что разговор. Какой-то Тихон, жеребец, список...

В самую неподходящую минуту свистнул Кирька. Тимка ползком, ползком — и к двери. Крючок скинул, на двор махнул. Только из калитки нос высунул — Павлинка навстречу.

— Здравствуй, Тимка. У нас был?

— Тебя проведать хотел. А ты куда ходила?

— У Козулиных сидела. Ой, какой ты бледный, Тимка?!

— Ничего не бледный.

— А Кирька пошто убежал?

— Не знаю.

Дотошная эта Павлинка, все выпытывает.

— Опять тайна, Тимка. Опять? Я от тебя ничего не скрываю.

Что тут делать, хочешь-не хочешь — открывайся.

— Ладно, пойдем на берег, поговорим. Не сюда, от избы подальше.

Страшную клятву требует Тимка от Павлилки. Всеми святыми клянется она «ничего не сказывать ни матери, ни отцу, ни прохожему молодцу». А если проговорится, гореть ей в геене огненной сорок сороков, еще столько и еще полстолько.

Все рассказал Тимка — и про что с батяней разговаривал, и как разговор в сенцах подслушал.

— Нехорошо, Тимка, подслушивать, грех.

— Знаю,— мнется Тимка.— Говорю, Кирька подзудил. Все одно я ничего не понял.

Неприятно Павлинке, что Тимка так сделал, все время думала, что он честный. И еще нехорошо: всегда он себе выгоду ищет.

— Станный ты, Тимка,— Павлинка задумчиво теревит косу.— Отца своего жалеешь? А думаешь, мне моего не жалко? Хоть и не родной. Случится беда, как мы без него жить будем?

Права Павлинка, ничего не скажешь. А если скажешь, разве поймет? Правильно маманя говорит: «Сыт голодного не разумеет».

— Батяня мой, если хочешь, не о себе — о всех людях думает. Прискачут семеновцы — полдеревни пересекут, кого в расход пустят. Нешто они партизаны?

И Тимка верно говорит. Вот и пойми, где правда?

Думает Павлинка о том, о сем. По совети разобраться, ни ее мать, ни Тимкина не виноваты, что война идет. А кто виноват? Отец говорит — красные, Тимка долдонит — белые. А все-таки страшно, если пол-Межгорья пересекут.

— Ладно, Тимка, о семеновцах я тебе кой-што скажу,— решает Павлинка.— Только чур-чур! Клянись по всей правде, самым што ни на есть святым.

— Честное солдатское! — выпаливает Тимка.

— А про бога почему не говоришь?

— Батяня сказывает, бога нет.

— Ой, Тимка, грех какой!.. Ну, слушай: отец Григорий Брянцеву бумажку пишет, список по-ихнему. В той бумажке сказано: кого пороть, кого к стенке поставить — расстрелять, значит. Брянцев говорит, што Межгорье наше — самое партизанское гнездо, и его, мол, разорить надо.

— Еще што?

— Больше ничего.

«Так,— соображает Тимка,— надо батяне передать. Записку написать, в бересту ее — и в пещеру, как договорились...»

— Слушай,— спохватывается Тимка,— когда семеновцы в Межгорье собираются?

— Не знаю.

— Эх, ты! Это ж самое главное. Узнать можешь?

— Как? — удивляется Павлинка.

— Ну, может, проговорятся по пьянке. Маманю спроси. А попову бумажку не достанешь?

— Зачем?

— Партизанам отдать. Сходи к попу, разведай.

— Ага, сейчас разбежусь! — сердится Павлинка.— Приду к батюшке, ручку протяну: «Отец Григорий, дайте ту бумажку...»

Верно Павлинка говорит, не подумал он. Вот если б подсмотреть, куда поп бумажку положит. А как подсмотришь? Не будешь день-деньской под окнами сидеть.

-- Ты про Тихона не слыхала, Пав-
линка?

-- Про какого Тихона?

-- Брянцев твоему отцу говорил: Ти-
хон, Тихон — и больше ничего.

-- Не слыхала...

Мало что выведал Тимка у Павлинки.
То ли боится она, то ли в самом деле не
знает. Придется самому покумекать.

— Павлинка-а!..

Это Дарья Григорьевна кричит. Ребя-
та мигом вскакивают с колодины.

— Не бойся, никогда тебя не выдам,—
прощается Тимка.— Пороть, стрелять,
жечь будут — ни словиночки не скажу.

— Иди, иди! — Павлинка шутливо
хлопает его по спине.— Ты у нас герой из-
вестный.

— Ой, больно, Павлинка!

— Извини, забыла.

— Ничего, до свадьбы заживет,— улы-
бается Тимка.— Покедова!

Тревожно спалось Тимке в эту ночь.
Записку свою он в пещеру отнес. Да мало
ли что может случиться? Пещеру не най-
дут или Копач где-нито подкараулит.
А вдруг вот-вот семеновцы в село ворвут-
ся? «Подайвай, скажут, поп, ту бумажку,
по которой стрелять и вешать!»

И начнут по селу рыскать, всех подряд
таскать.

Как ни крепился Тимка, пришлось все
маманин рассказать. Не может один управ-
ляться. Кирьяка не помощник, Павлинка не
совсем сознательная. Верно, что не от-
ряд — две калеки с половиной.

Татьяна Карповна внимательно слу-
шает, не перебивает. К глазам фартук
подносит. Молча притянула сына к груди,
крепко поцеловала.

— Не тревожься, Тимошенька. Авось
не пропадем. Спи.

Хорошо ей говорить — спи. Не ей ба-
тяня задание дал...

Два дела не дают покоя Павлинке.
Первое — как узнать про семеновцев, ког-
да в село собираются; второе — как у
попа список стянуть.

Сказала она Тимке, что не хочет к попу
идти, а теперь вот подумала: зря сказала.
Жалко ей межгорских, сама на себе плет-
ку испытала.

Брянцев с Копачом с утра забутыли-
вают. На десять рядов все меж собой
пересудили.

Сидит Павлинка на крылечке, солнеч-
ные зайчики пускает. Старое зеркало, об-
лезлое, а хорошо солнце ловит. То на
Полкана наведет, то на Рыжуху одноро-
гую. А тут возьми да в окошко на Брян-
цева пусти. Шуруется Брянцев, мигает лу-
поглазо, понять ничего не может. Навер-
но, думает, чертики в глазах золотятся.

Сидит Павлинка, пускает зайчиков, а
сама размышляет, как к батюшке подка-
титься. А когда долго размышляешь, обя-
зательно что-нибудь придет в голову.

Вот и сейчас пришло.

Входит Павлинка в комнату, будто ко-
сынку забыла, и так, между прочим, гово-
рит отцу, что, мол, ими отец Григорий
интересуется. Сказала и — от ворот по-
ворот.

Копач мигом за эту нитку цепляется.
А ну, кричит, зови сюда батюшку, хватит
ему трезвенником быть. Да што б нес то,
что обещал.

— Ладно! — кричит с порога Павлин-
ка.— Скажу-у!

Отец Григорий как раз в церковь со-
бирался. Как услышал, что зовут его
дружки-приятели, и про то, что нести нуж-
но, — позеленел с испугу, засуетился, из
комнаты в комнату забегал. Шкатулки пе-
ребирает, из одной в другую что-то пря-
чет. А потом на божницу полез, вроде
лампадку поправить.

Матушка Серафима, толстая, будто
квашня на выходе, за ним семенит, пух-
лые руки ломает: «Одумайся, отец Григо-
рий! Красные придут — непременно за то
повесят».

До тех пор не успокоилась, пока отец
Григорий не пообещал ничего Брянцеву
не сказывать, никакой бумажки не давать.

— А иди надобно,— убеждает себя
поп.— Меж двух огней горю. И нет паче
спасения, как на небеси. Амины!

Павлинке то и надо было. К матушке у
нее особый подход. «Давайте, матушка
Серафима, полы вымою». — «Вымой, ча-
душка, вымой, а я ужю чаем с вареньем
попотчую». — «А вы погуляйте пока». —
«Чего ж мне гулять, я в горенке полежу.
В горенке у нас чистенько, ничего там не
надо».

Только Павлинка за тряпку взялась,
Тимка на поповский двор прикатил. Уви-
дел попадью, поклонился, поздоровался.
«Не надо ль, матушка Серафима, дровец
наколоть!» — «Как же не надо, вон чурба-
ков сколь навалено».

Переглянулись Тимка с Павлинкой — и

ну поповский дом обихаживать. Она пол голиком шоркает, он чурбаки на мелкие части крошит. А тут Кирька подоспел.

— Ты чево, Кирьян? — вытирает лоб Тимка. — Случилось што?

— Ничего не случилось. Иду мимо, смотрю, топором тюкаешь. Дай, думаю, дружку подмогну. За сколь подрядился?

— За так с четвертаком, — подмигивает Тимка. — На-ка помахай, мне в дом сходить надо.

— Слушай! — Кирька тянется к Тимкиному уху. — Говорят, поп донос написал на всех, кто партизанам помогает.

— Слышал.

— Вот бы тяпнуть.

— Хорошо бы, — соглашается Тимка. —

Ну, ты коли дрова. Мы поищем.

— С кем?

— С Павлинкой.

— И она тут?

— Тут. Полы моет.

— Поди ж ты! — крутит картузом Кирька. — Не сговаривались, а разом прикатили.

— Потому и пришли, што своих жалко.

Тимка вроде попить пошел. Берет ковш, лезет в кадку. А в ней воды на самом доньшке. Гремит ковшик по пустому дну, попадью будит.

— Што ты там, Павлинушка?

— Спите, матушка, спите. Я сейчас по воду сбегаю.

А сама на божницу глазами показывает.

— Што там? — не понимает Тимка. — Лампадка тухнет?

Павлинка ничего не говорит, все руками показывает. Догадался Тимка, к божнице тянется. А божница высокая, не достанешь. Хоть на цыпочках, хоть как. Нужно стул иль табуретку подставить.

Надо бы Павлинке стул поднести, а ее страх взял — бога вспомнила. Смотрит на нее дева Мария, скорбно так, жалобно, вот-вот слезы покатятся. Мерещится Павлинке, будто дева Мария головой покачивает, губами шевелит: «Бога побойся, Павлинка, гореть тебе в геене огненной!»

Не помнит она, как за дверь выскочила, калиткой хлобыстнула. Бежит, сама не знает куда. У Тургинки едва очнулась.

Оглядывается — Кирька рядом стоит, за рукав тянет.

— Чего ты, Павлинка. Иди полы домывать. Неровен час — попадьа хватится.

Идет Павлинка, а ноги будто ватные, не слышно их. Губы словно молоко с водой. Все молитвы со страху забыла.

— Што Тимка делает?

— Тимка — тю-тю! — смеется Кирька. — Ищи ветра в поле. И бумажка тю-тю. Поняла?

— И ты знаешь?

— «Знаешь», — выпячивает живот Кирька. — Никакую тайну от меня не спрячешь.

— Тогда идем, — торопит Павлинка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ТАЙГЕ

У Кирьки мать тяжело заболела. С каждым днем ей все хуже и хуже. Бабушка не дремлет возле дочки. Подслеповата бабушка, ощупью по избе ходит. Кирьку всяко ругает: никогда вариака дома нет.

Ни ворожба, ни травы не помогают мамке. Сохнет и сохнет. Криком кричит, особо когда солнце на закате. Голову, говорит, ломит, сердце останавливается.

Отец вторую неделю без хлеба сидит. Бабушка одного Кирьку в тайгу гонит. А Кирька боится. Тайги боится, волков, дезертиров. Их, сказывают, по лесам — тьма-тьмушая.

Просит Кирька Тимку вместе к отцу сходить. Тимке не очень-то хочется, но товарищу надо помочь.

Губановское зимовье на Гремучем Ключе стоит, дорога туда до Сенной пади проложена. В другую сторону от Каменного хребта, от маньчжурской границы. Верст пять в тайгу идет, если не больше. Остальные двадцать — тропой шагать надо. По топям и гарям, через хребты и речушки. Кто не знает, мигом заблудится.

Тихон Лукич умеет прятаться. «Но лучше бы не прятался, а честно сказал, за кого он: за красных или за белых», — думает Тимка.

Он и Кирька выходят по-раннему. Собаки и те еще не проснулись, одни петухи орут.

Прохладно за селом, сумрачно. Туман в долинах густой-густой. Орлиная падь будто сливками облита. Кажется ребятам, что облака на землю спускаются. Холодно им на небе, вот и решили погреться. Это все Тимка сочиняет. Как начнет выдумывать, удержу нет.

— Ловко у нас вышло, — радуется Кирька. — Никто не видел, как мы из села шмыгнули. И мамка так наказывала: берегись, говорит, Кирька, стороннего глаза.

Мешки у ребят нелегкие. Тимка лямки широкие смастерил, тесемкой на груди перехватил. А Кирька поленился. Лямки у него тонкие, веревочные. Режут веревки тело, с плеч сваливаются. Пыхтит Кирька, морщится, то и дело мешок поддевает. Еле-еле на хребет залез.

Дивный вид открывается с Поднебесного хребта. Село будто в горы вlepлено. Вокруг сосны зеленеют, Тургинка словно ершовская сабля блестит. Скалы над рекой острые, ветрами точены, ровно клыки кабаржиные. И Зарод как на ладони стоит, и Шумный хорошо виден — серебряной рябью покрыт. Как ни взгляни, все искрится.

Солнышко только что над хребтом засияло. Поздновато проснулось. Тимка с Кирькой десять верст отмахали. Вот и сидят, отдыхают.

Но сколько ни отдыхай, а идти надо.

— Тронулись, Кирька?

— Пошли.

Едва с хребта спустились, у Кирьки опять мешок на землю просится. Если и дальше так будет, на полпути придется заночевать.

— Дай-ка мешок, — предлагает Тимка. — Снимай, снимай, не разговаривай!

— Зачем?

— Сейчас узнаешь.

Тимка поднимает неудобный Кирькин мешок, взваливает на плечи.

— Бери мой. Шагом марш!..

«Выручает, — думает Кирька. — Спасибо».

Час идут, второй, третий. Кирьке и Тимкин мешок в тягость. Не ходок он, что говорить, ноги дрожат, руки отваливаются, плечи огнем горят. Брякнуться бы сейчас под сосенку, захрапеть до вечера. Глядишь, по холодку легче будет.

Тимка замечает, как друг его киснет, опять надо что-то придумывать.

— Кирька, ты какие сказки знаешь?

— Разные.

— Смешные?

— Если про попов сказывать — живот надорвешь.

— Расскажи, которые смешные. А я стих прочитаю, про ямщика.

Не разгадать Кирьке Тимкину уловку. Тимка сам все сказки знает, а все равно смеется. Которые повторить просит.

И Кирьке легче становится.

Так и шагают с горы на гору, из пади в падь. Отдохнут, сухарики погрызут, водички родниковой попьют. И снова в путь-дорогу.

Тайга сегодня шумливая, лохматая. Ветер то поверху пролетит, то понизу проскачет. Сосны сейчас же заговорят, зашумуются. Дерево к дереву клонится, ветка к ветке припадает. А потом опять вдруг стихнут.

В лесу все есть: рябчики, тетерева, козы. Не боятся они ребят, наоборот, поддразнивают. Хлопнет крыльями глухарь, зашумит по лесу — у Кирьки враз колени сгибаются.

Ни дезертиры, ни разбойники по дороге не попадают. А уж если б набрели на них — прощай, губановская мука.

С последнего перевала ребята спускаются незаметно. Теперь только падушку¹

¹ Падушка — падь.

перейти, по увалу немного прошагать, в сторону от дороги свернуть. Там у ключика зимовьюшка стоит. Прочная зимовьюшка, теплая, в любой мороз не застудишься.

— Прибыли, Кирька!

Вдруг по лесу выстрел шарахнулся. Гулкий, перекатистый. Сразу можно определить: винтовочный выстрел.

Тимка на Кирьку смотрит, Кирька на Тимку. Этого еще не хватало! Все шло хорошо, и на тебе...

— Что делать, Тимка,— трясется Кирька.— Назад удирать?

— Ну да, за этим и шли! Сядь под эту сосну, сиди, пока не приду. И никуда, чтоб ни случилось. Понял?

— Ладно, только скорее,— стучит зубами Кирька.

Тимка напрямиком через увал идет, не опасается. Кто бы там ни был, в мальчишку стрелять не станут. Разве шальная пуля заденет. Так от нее никаких заговоров нет.

Все ж перед спуском на ту сторону Тимка минут пять за сосняком прячется, местность осматривает. Отец его так учил. Хочешь увидеть зверя—меньше ходи, больше смотри да слушай. И человека одинаково: где-нибудь да вынырнет.

Смотрит Тимка и понять не может. Недалеко от него, на сосновой полянке, или человек или зверь копошится. А то кажется, будто двое их.

И в самом деле, двое. Вот один поднялся, потянул куда-то второго волоком, потом распрямылся, винтовку на плечо вскинул, прочь зашагал.

Страшно Тимке и любопытно. Спуститься надо, посмотреть.

Внизу, перед поляной, болотина сверкает. Нужно с кочки на кочку прыгать, чтоб штаны не замочить. Ногам-то все равно: босые. А штаны сушить придется.

В болотине, под замшелой колодой— сразу и не увидишь— человек лежит, китаец. Молодой, тощий, скуластый. Бороденка кверху торчит.

У Тимки волосы дыбом, сердце тук-тук! Руки, ноги не шевелятся: кажется Тимке, китаец глаз приоткрыл.

«Маманя!— хочет крикнуть Тимка.— Мамочка!..»

Хочет, а боится.

«Беги! Беги!— стучит Тимкино сердце.— Беги, пока не поздно! И тебя убьют.»

А китаец и вправду глаз приоткрыл. По щеке слезинка скатилась. И вдруг Тимку

заметил, дернулся, второй глаз открыл. Губами пошевелил.

Приблизился Тимка, переступил по ржавой воде, опустился на корточки перед колодиной. Услышал шепот китайца:

— Твоя моя боится нету... Моя Ван Ли еся... моя твой знай... твой Тимка зовися... Губан моя убивай, золото карапчи...

Ван Ли?! Как же Тимка не узнал его? Контрабандист Ван Ли?! Тот, что на другом конце Межгорья живет, золотом торгует. Не раз, бывало, Тимку леденцами угощал, пампушками на пару. «Твоя, кушай, холосо кушай!» Значит, дядя Тихон его подкараулил... Постой, постой! Про какого Тихона Брянцев с Копачом говорили, золото поминали? Неужто?.. Так вот чем Кирькин отец занимается?!

«Беги! Беги!— надрывается сердце.— Убьет! Убьет!»

Нет, не побежит Тимка, будь что будет. Человек при смерти, может, помощь какая нужна. Мало ли что бывает.

— Ходи, Тимка, ходи,— шепчет Ван Ли.— Я твоя говоли надо...

Тимка еще ближе подался. Китаец почти весь в воде, чудом каким-то еще не захлебнулся ржавой мутью,— видно, кочка под голову попала.

Ван Ли закрывает глаза, силится что-то припомнить.

— ...Моя, Тимка, золото еся... его эта... эта... сама больсой, голова нету... Злода еся. Твоя мая мадама давай... своя мал-мала бели... Губана, Копача сорочи еся. Твоя клугом говоли... Шанго?

— Шанго, шанго!— кивает Тимка, сдерживая дрожь.

Китаец успокаивается. Последние слова сказал— это видно. Тимка хоть и молод, а знает уже, как умирают люди.

Сейчас Тимка не чувствует никакого страха. Если б появился дядя Тихон с винтовкой, он крикнул бы ему: «Вы убийца! Кирька ваш бандитов боится, а вы... вы сами бандюга!»

Наверно, дядя Тихон застрелил бы и Тимку. Ну и пусть, если за правду.

Тимка думает и смотрит на убитого китайца.

ТИХОН ЛУКИЧ

Тихон Лукич замечает ребят шагов за триста. Первое, что приходит ему в голову,— мысль о Ван Ли. Но тут же Губанов успокаивает себя. Не от болотины вышли ребята, да и не могли они ничего увидеть.

Разве только выстрел слышали. Но выстрел в тайге — обычное дело...

«Конечно, нехорошо убивать человека,— думает Губанов.— Но если рассудить здраво, где ты за минуту заработаешь столько денег? Иногда так подфартит — год безбедно жить можно».

Отец Губанова был машинистом, поезда водил. Хорошая специальность, рабочая. И сына мечтал к машинам пристроить. Да не хотел Тихон мазутом мазаться, вышло так, что в бандиты подался.

Не сразу Губанов бандитом стал. В лесничестве, куда он по первости определился, Тихон Лукич прибыльно жил. Своя власть — свои законы. То, глядишь, лось завалит, то изюбря подсечет. Зимой так совсем приволье. Сайбу срубит, амбарушку такую из лиственниц, двух-трех убитых зверей в нее запрячет. А потом шепнет кому надо: «Денежки на кон, мяско там-то лежит».

Ладно получалось: и капитал рос, и хозяйство прибывало.

Однажды кто-то донес на Губанова, какой-то завистливый человек. Выследили Тихона Лукича, скрутили, в каталажку сунули. Потом в суд повели. Еле-еле откупился.

Выгнали Губанова из лесничества, он в Межгорье подался. Тут дружок-приятель подвернулся, шепчет на ухо: «Не тех зверей, Тихон Лукич, валишь». — «А каких надо?» — «Пойдем в тайгу, увидишь».

Пошли приятели на тропу, подстерегли двух спиртоносцев, тех, что из Маньчжурии спирт контрабандой носили. Деньги, правда, не ахти какие взяли. Да вскоре золотишки подвернулся. Это дело покрупнее было...

Золото — дело приворожливое, бандиты его, словно акулы кровь, чувствуют. И прилипчивое, одному не справиться: добывать-сбывать надо. Мало-помалу Копач в перекупщики ввязался.

Однажды в схватке убили дружка, теперь Тихон Лукич сам себе командир, сам себе армия. При деньжишках, думает он, и с красными, и с белыми жить можно. Шут с ним, чья возьмет.

С китайцем они хорошо поработали. Не надо бы его убивать, да хороший куш прилобок. Не выдержал Тихон Лукич, жадность одолела.

С Копачом тоже как-то надо кончать, все время цену сбивает. Один раз попробовал, не удалось: Прокоп Егорыч смекнул. Я, говорит, всех мертвецов твоих на

ноги подниму, в тюрьме сгниешь. А стрелять и я мастак.

Так бы ничего, только скука заедает. Хуже комара, хуже мошки. Звери и те обществом живут, горе и радость меж собой делят. Волки и те... Да что говорить: хуже волка живет он, Губанов.

Посмотрится Тихон Лукич в стоячую воду — зажмурится с тоски. В сорок лет жить да жить. А у него пролысины через всю макушку, меж ними волосенки редкие торчат. Бородка тоже с проседью, нос широкий, синий, на грушу походит. Спирт, он веселит, да не красит...

Кирька с Тимкой на нарах сидят, Тихон Лукич тесто месит. Решил он лепешек испечь, галушек сварить. Так хлебного захотелось, аж слюнки текут.

Ребят Тихон Лукич угощает вяленым мясом, соленой рыбой, прошлогодней брусникой. Исподволь новостями интересуется. Кирька вспоминает все события, что случились после того, как они с матерью три дня здесь жили. Рыбу ловили, коз стреляли, рябчиков, сохатых. Цумугун ели — костный мозг лосиный. Вот вкуснятина! Ни за что одной лодыжки не съешь.

А теперь вот мать болеет. Если б можно, надо б отцу мать проведать. А то умрет — и не свидятся.

— Даст бог — поправится, — успокаивает Губанов. — Я ей панты пошлю, сразу встанет.

Лепешки раскатаны; Губанов шлепает их на горячую печку, и от куска, что остался, отщипывает маленькие кусочки теста. Вот-вот закипит вода в котелке. Тихон Лукич бросит в нее отщипанные кусочки, посолит, заправит диким луком и, по готовности, будет есть.

— Ты, Тимоха, как живешь? — интересуется Тихон Лукич.

— Так, серединка на половинку. — Тимка не может смотреть на руки Губанова. «Человека убил — и хоть бы хны. Галушки станет жрать, бандитская морда. Был бы наган, тут бы и пристукнул».

— Отец не объявился?

— Не-е.

— Объявится, — уверяет Тихон Лукич. — Где-нито в тайге блукает, как я, грешный. Оно и правда, умирать никому неохота. Хоть до меня, хоть до него доведись. И убивать неохота. Вот и прячутся людишки друг от друга.

«Да уж неохота, — злится Тимка. — Сейчас одного кокнул».

— А мы, батя, выстрел слышали,— Кирька набивает рот брусникой.— Недалеко кто-то стрелил.

— Охотник какой-нибудь.— Губанов осторожно снимает котелок.— Голодные ныне, вот и шастают по тайге. Оружья много, и патронов не занимать.

— А Тимка говорит — бандиты.

— Может, и бандиты.— Тихон Лукич склоняется над котелком.— Тут всякой дряни хватает.

Покончив с одним котелком, Тихон Лукич готовит галушки на второй. Потом садится на порог, привычно сворачивает сигарку. В животе от съестного тепло и сытно, приятно отрыгается.

Попыхивая самосадам, Тихон Лукич начинает переваривать события, рассказанные сыном. По всему видать, жмут семеновцы красных. Наверно, из Маньчжурии подкрепление подоспело. Теперь красным надо подмогу искать. Так и будут биться до последнего. А он, Тихон Губанов, в сторонке посидит.

Эта мысль с минуту веселит Тихона Лукича.

Каждому событию Тихон Лукич дает свою, губановскую оценку. И оценки эти всегда верны, потому что спорить ему не с кем.

ДРАКА НА КЛЮЧЕ

Обратный путь для ребят не легче. Тихон Лукич нагрузил их рыбой, мясом, ягодами. Очень жалел, что Кирька лошадь не достал. На лошади пудов семь можно увезти.

Теперь и у Кирьки лямки широкие, отец наладил. И груз у них одинаковый. Все как вчера было, только разговора нет.

Нет разговора у Тимки с Кирькой, полдороги молчком идут. Тимка одну думу думает: несет Кирька Ван-Линово золото или нет? Должен бы нести. А вот как проверить — неизвестно.

— Тимка, расскажи стишок про ящичка,— просит Кирька.— Знаешь, какой он жалостливый. «Жгуч мороз трескучий, на дворе темно, серебристый иней задушил окно...» Дальше как?

— Не помню.

— Ну, сказку про попа.

— Отстань!

Не может понять Кирька, что с другом случилось.

— За што сердисься, Тимка?

— Молчи.

— У, злюка-бука!

Не хочется Кирьке молчать. У него в мешке такое лежит, такое... Что панты? На то, что у Кирьки есть, сто пантов можно купить. Тысячу!

Тимка не знает, как дело было. Кирьку отец ночью разбудил, на двор с ним вышел. В кусты отвел, холщовый мешочек дал подержать. Маленький мешочек, тяжелый.

— Золото, папаня? — шепчет Кирька.

— Оно, сынок. В твой мешок на самое дно положу. Я тут жилу нащупал... Матери отдай, пусть перекупщикам сплавит. Не Копачу, другому кому-нито. Харчей, каких надо, купите, муки побольше. У Козулина берите. Тимке — ни гу-гу!

Дурак он, что ли,— Тимке говорить...

Тимка впереди идет, Кирька сзади плетется. До Межгорья уже недалеко. Скоро то место будет, где они первый раз отдыхали. Сухой ключ называется. И правда, сухой: вода в нем то бежит, то прячется. Отвернешь камень, а из-под него — буль-буль!..

Тимка сразу увидел — их место занято. Сидят у ключика двое, рядом лошади пасутся. И что-то поблескивает, не разобрать что.

Кирька затрясся:

— Бандиты, Тимка, бежим! Мешки отнимут!

Тимке тоже не по себе: до сих пор китаец в глазах стоит. А что, если в самом деле бандиты?

— Бежим, Тимка!..

Дурной Кирька! Куда бежать? У них лошади и винтовки. А тут мешки, будь они прокляты!

— Замри, припадошный! — грозит Тимка.— Сиди здесь, не рыпайся. Пойду разведать.

Сворачивает Тимка с дороги, с косогора в низинку спускается: решает с версту круголя дать, зайти так, чтоб ветер на него был.

Шагов за пятьсот узнает Тимка, кто у дороги сидит: Копач с Брянцевым. У Брянцева очки золотые. Чуть повернется, они поблескивают...

«Худо наше дело,— думает Тимка.— От этих не ускачешь, сразу построжки обрежут. Ну, была — не была! Ближе подползу...»

Копач с Брянцевым на травке полеживают. Разговор меж ними интересный идет.

— Ты, Копач,— волк серый,— лениво тянет Брянцев,— а я, милейший, в Питере закалялся. Мы с Семеновым Ленина хотели прикончить, чуть-чуть не вышло. Там я пролетарского духу нюхнул. А дух у них портяночный, крепкий, всей России голову кружит.

— Не пойму штой-то разговоров твоих,— отвечает Копач.— Говори прямо, к чему гнешь?

— А к тому, сударь, что спета наша с тобой песенка, аминь,— как говорят попки. Ну, постреляем еще год-полтора, перевешаем тысяч сто-двести беспорточных «товарищей». А дальше что? Самим стреляться?

— Это как же? — мычит Копач.— Не позволю!..

— Вот именно,— ухмыляется Брянцев.— Как у Салтыкова-Щедрина. Откуда река? Убрать реку!.. Всю Россию не перестреляешь, к сожалению, и не перевешишь. Живучи «товарищи».

— Врешь, Борис! — Копач вздымает волосатые кулаки.— На Руси не одни голоштанники, хозяева тоже есть. Возьми Сибирь нашу, везде хозяева. Што ни двор — хозяин справный, нашей веры. И в нем дух сидит нашенский, хозяйский!

— М-да! — чмокает Брянцев.— Но песенка наша все же спета. А потому добывай золотишко — и дуй поближе к Маньчжурии... Правда, в эту среду мы еще порезвимся...

Тимка назад пополз. А в голову кровь стучит, словно молотки по наковальне: «В среду! В среду! Что же будет в среду?»

От волнения не может Тимка вспомнить, какой день сегодня. Не то понедельник, не то вторник. «У Кирьки спрошу, если што — домой лететь надо».

Кружным путем миновали Тимка и Кирька Сухой ключ и только на перевале, у родника, оглянулись. Увидели, что двое всадников маячат вдалеке, туда едут, откуда ребята шли. «А потому добывай золотишко...» — вспоминает Тимка слова Брянцева.— Такие же они бандиты, как Тихон...»

— Стой, Кирька, отдых! — командует Тимка.— Снимай мешок. Потолковать надо.

— Про што?

— Сам знаешь...

— Ну, говори.

— Выкладывай золото, Губан!

— Што? Какое золото? Ты, Тимка, с ума спятил?

— То, которое в мешке.

— Окстись! — отмахивается Кирька.— Вот те крест, святая икона!

— Ну! — Тимка сдвигает брови.— Развязывай мешок!

— Не нукай, не запрөг. Нет у меня никакого золота!

— Неужто? Дай-ка пощу!

— Попробуй!

— Попробую. — Тимка берется за Кирькин мешок. В ту же минуту Губан, развернувшись, бьет Тимку по голове.

— На тебе золото!

Красные искры вспыхивают в глазах Тимки, сыплются, как из горна. Валится он головой в родниковую воду. Жгучий холод обжигает его. Тимка вскакивает,

пригибается — к схватке готовится. Губан стоит над ним с камнем-голышом.

— Еще хочешь золота? — кричит Кирька.

Считанные секунды размышляет Тимка. Стремглав нагибается, плещет водой в Кирькины глаза. И тут же отскакивает в сторону. Камень со свистом летит мимо уха.

— Ну, держись, Губан! — Тимка дает подножку, бьет Кирьку вдогон по шее. Тот падает.

Тимка достает мешочек, кладет рядом с собой, вытирает руки.

— Иди сюда, Губан, да не вздумай драться. Никогда ты меня не одолеешь. Послушай, што скажу. Твой отец бандит, Кирька. Вчера он убил китайца Ван Ли, взял его золото. Это золото Ван Ли. Понимаешь?

— Врешь, смекалинский! — мотает головой Кирька. — Все врешь! Мой папаня никогда бандитом не был. Он жилу в тайге нашел, его это золото!

— Дурак ты, Кирька Губан, — сплевывает Тимка. — Я говорил с китайцем, он еще живой был. Ван Ли сказал, што твой отец стрелял в него.

Не верит Кирька Тимкиным словам, крутится-вертится, мелет, что на язык попадет.

— Здорово придумал, смекалинский! Захотел к нашему золоту подкатиться? Сам бандит и есть. Куда его денешь? Себе заграбастаешь?

Не думал Тимка ничего такого. Зачем оно ему? Партизанам надо отдать.

— Отдадим его партизанам, Кирька? Они оружие купят, беляков будут лупить. А нас золотыми саблями наградят, какие генералы носят.

Тимкин план Кирьке не нравится. Сабель он может купить сам сколько хочет. А что отец скажет? Что они есть будут? Как маманю на ноги поднять? Тимке все ничо чем, не его золото.

— Умник ты, смекалинский, только дураком родился. Если золото награблено, как же его партизаны возьмут?

Здорово сказал Кирька, крыть нечем. В самом деле, как Тимка не сообразил

это раньше? Краденое золото! Такое партизанам, конечно, не надо.

— Ладно, бери, Губан, свое золото, подавись им вместе с батеи!

Кирька животом плюхается на мешочек. Не ожидал он, что Тимка легко расстанется с ним.

— Слушай, Тимка, хочешь, я отсыплю маленько? Раз мы все пополам?

— Не надо, — отворачивается Тимка. — Не надо мне, Губан, краденого. Умирать буду — не возьму...

И снова пошли, снова замолчали.

Почти у самого Межгорья повстречался ребятам пастух Гурьян. Низенький, толстенький, в картузе без околыша, в таком, как у Кирьки. За ним кнут змеи ползет.

— Куда вас леший носил?

— На кудыкину гору! — огрызается Кирька.

Станный дед Гурьян, со стороны смотреть — умом тронутый. Давным-давно у межгорцев стада нет, а Гурьян, что ни утро, за село идет, кнутом щелкает, в рожок поигрывает. Всю дорогу приговаривает: «Куда прешь, комолая!», «Я тебя, Козулиха, вредная!»

Это он с коровами разговаривает, с теми, что пас когда-то. Чудно-чудненько.

— Эй, парень, подь-ка сюда! — манит Гурьян Тимку. — Не бойся. Видишь, зубов нет, не кусаюсь.

Отводит Гурьян Тимку подальше, на ходу нашептывает:

— Смекалинский ты? Платона Петровича сынок? Скажи кому след: конные беляки в Сосновый бор прут. Вчерась ночью видел. Слышал, что на среду бой намечают. Я бы сам передал, да следят за мной... Куда лезешь, попадьа треклятая! Кнутом я тебя, окаянная!..

— Спасибо, дедка, — шепчет Тимка. — Как есть все передам.

«Вот тебе и Гурьян, — соображает Тимка. — А говорят, придурок».

— Чево лысина к тебе пристала? — спрашивает Кирька. — В пастуху нанимал?

— Хлеба просил, — уклоняется Тимка. — Шагай быстрее, время теряем.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

Видеть — слышать

Все утро пробродил в лесу, на охоте. Возвратился с пустым ягдташем и все-таки счастливый: душа была переполнена тем, что видел и слышал.

А что, в сущности, я видел?

Тонкий, подобный эмали, иней на пожухлой траве, дивный, как чертог украшенный, осенний лес, озеро, отражавшее этот лес в еще более прихотливой разноцветности, поле в синем, прозрачном тумане, старинный тракт, уходящий в неведомые дали...

А что слышал?

Трубный зов лоса, пораженного по осени весенней страстью, домовито-уютное бормотание косачей, счастливых и сытых жизнью, тонкий свист рябчика, как бы вторящего журчанию студеного ручья, заунывный рожок пастуха на лесной опушке, где то и дело падали желуди с дубов...

Вот и все.

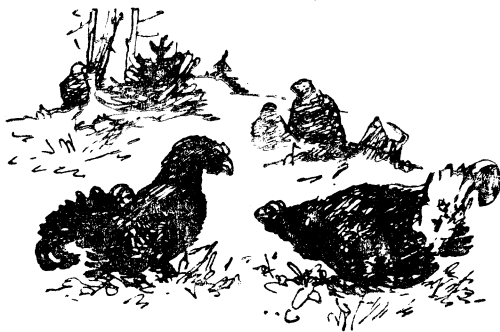
Очень просто, очень немного.

Но и в этой привычной, казалось бы, простоте и в этом «немногом» — такое богатство впечатлений, которое дает долго не остывающую радость.

Осень на велосипеде

День задыхался от яростного ветра, и над полем, по которому я бродил перед сумерками, непрерывно носились облака, напоминавшие страницы быстро листаемой книги. Но в прорывах облаков все светлее и гуще проглядывала лазурь; скоро она ослепительными тропами потекла от востока на запад, и там, на западе, начался разлив небывалого света самых разнообразных оттенков — синего и лимонного, багряного и оранжевого, сиреневого и малинового.

Ветер сваливал на запад все новые и новые облака, которые рушились, разливались огненной лавой, застывали разноцветными горами — и скоро на их гребнях показалось низкое солнце, похожее на рдяный венец. С другой стороны, над лесами, обозначился молодой месяц — подобие рога, в который как бы затрубил наступающий вечер.

Выдутый ветром полевой простор показался безграничным: Россия открылась, казалось, во всей своей неоглядности.

Заметно посвежело, хорошо запахло полынью и пряной болотной водой, а на повороте дороги показалась — и понеслась прямо на меня — колхозная девушка, велосипедистка в белом свитере и красной юбке. Поравнявшись, она затормозила, глухо и ласково сказала: — Осенью пахнет... — бросила мне левой рукой наливное мраморное яблоко и умчалась дальше.

И мне показалось, что это промчалась на велосипеде сама осень, неся с собой легкость иней и блеск цветных листьев.

Штурман и волки

Молодой, рослый и сильный гончий выжлец¹ Штурман впервые напал на волчьи следы, широко пролежавшие по свежему снегу, ослепительному от солнца.

Выжлец, весь ошетинившись, внюхался в незнакомый, страшный и влекущий звериный запах, сделал небольшой круг и пошел-пошел по следу, заревев во весь голос с необычной злобностью и гулкостью.

Два серых, грациозно-легких волка ждали выжлеца в перелеске — сторожко лежали, распластавшись на брюхе, по крайкам дороги, в заснеженных можжевеловых кустах.

С какой хищной ловкостью и стремительностью метнулись они вперед, едва показалась на дороге черно-багряная собачья голова, и как тут же ошалело осадил бег и растерянно, вскидывая облака снега, поскакали назад и с той же стремительностью понеслись в поле.

И что они могли подумать, — если бы, конечно, могли думать, — когда увидели вдруг необычную, ярко-красную, как бы огненную собаку, быстро махавшую такими же огненно-красными крыльями?

Выжлец, столкнувшись с волками, тоже осадил ход и во всю силу понесся обратно к деревенскому гумну, где спустил его с поводка хозяин.

Хозяин, с тоской вздохнувший: «Пропал Штурман!» — дал два призывных выстрела, и скоро увидел набегавшего выжлеца.

«Значит, помогло», — усмехнулся охотник. Прослышав о появлении в районе волков, он сшил для Штурмана защитную рубашу из кумача, с крыльями-рукавами по бокам. От рубашки пахло керосином².

Позднее он одевал Штурмана в эту «рубашку» на каждую охоту, но выжлец больше уже никогда не шел по страшному волчьему следу.

¹ Выжлец (охотн.) — кобель.

² Волки, как правило, бояться предметов красного цвета, особенно, если эти предметы обрызганы керосином.

Ник. СМЕРНОВ

МАТРЕНА

Рассказ

Л. ФОМИН

С утра я немного порыбачил. На дне лодки трепыхалось с десяток ершей, несколько окунишек, да сверкал чешуей красноперый лобастый голавлик. Но начало припекать солнце, и клев прекратился. В озерном заливе все сразу затихло, успокоилось, ушло с глаз. Улетели к гнездам вороны, собиравшие на береговых отмелях дохлую рыбешку, спрятались в болотные крепи длинноногие кулички, замолчали голосистые камышовки. Только иногда на травянистом мелководье вдруг шумно всплескивала щука, да с протяжным вздохом лопался илистый плавень, пропуская на поверхность пахучий пузырь торфяных газов.

Недалеко от меня на зыбучей лавде, ловко орудуя передними лапками и зубами, мастерила хатку ондатра. Ее не смущало, что лавда «вздыхала» и сотрясалась от бродивших под ней газов. Не обращала ондатра внимания и на близкое соседство со мной. Уложив растения, она спускалась в воду и плыла за стеблями на соседнюю лавду мимо моей лодки. Непонятно было, по какой надобности ондатра плавала за строительным материалом на другой остров, хотя рогоз в избытке рос и на том, где она делала хатку. Наблюдая за работой зверька, можно было подумать, что это очень умная и даже хитрая ондатра и проплывает она рядом с лодкой для того, чтобы выпытать мои намерения. Ну и пускай выпытывает, если охота, а я вот возьму да переплыву на другое место. Поближе к ней.

Я вытаскивал якоря и, отталкиваясь шестом, поставил лодку так, что перегородил путь ондатре. Аккуратно сложив на круглое основание хатки очердную ношу, ондатра спустилась в воду и поплыла. Она плыла прямо на лодку, клином рассекая воду, пошевеливая вытянутой вперед усатой мордочкой. И вдруг остановилась, повисла на воде. Долго смотрела на меня черными бусинками глаз, как бы ожидая, когда я уступлю ей дорогу, а потом, вскинув зад, нырнула. Под водой ондатра стала желтая да какая-то плоская, словно приплюснутая, а бока будто серебром оторочены. Это блестели бесчисленные пузырьки воздуха на шерстинках. Когда ондатра подплыла под лодку, я схватил сачок, запустил его с другого борта и поддел ее. Просто так, из любопытства. В лодке пленница начала метаться, как в западне, гневно стучала по мокрым доскам тяжелым голым хвостом и скалила острые выпуклые резцы. В руки взять ее я не решился и, вдоволь насмотревшись, тем же сачком высадил за борт. Зверек сразу же нырнул, подплыл под лавду и больше не показывался.

А в то время, пока ондатра сидела в моей лодке, с берега доносился ласковый голос тети Дуси:

— Матре-ена, Матре-ена, Матре-енушка...

«Козлуху, наверно, потеряла»,— подумал я и вспомнил грязную бодливую козу с единственным кривым рогом и растрепанной бородой, забитой сухим репьем. Утром, когда я умывался, коза столкнула меня с крылечка, а потом, когда я копал в навозной куче червей, боднула меня и опрокинула банку с червями. Противная, в общем, козлуха.

— Матре-ена, Матре-ена,— зазывно пела тетя Дуся, расхаживая по берегу.

Тетя Дуся — глуховатая старушка с черными от огородной работы руками. В ее доме я остановился, пользовался ее лодкой, ее покровительством и вообще всем, что требовалось отдыхающему. Ко мне, заводскому человеку, тетя Дуся относилась с радушием и особым доверием — посвящала в сокровенные воспоминания о своей жизни, непримиримо ругала соседа-скрягу, у которого «в озере воды не выпросишь», жаловалась на «прострелы» в ногах и с напускной строгостью — на блудливую козлуху Зорьку. Но в этот раз, когда тетя Дуся звала Матрену, я забыл, что козу звать Зорька, и решил, что Матрена и есть та самая непутевая скотинка, доставляющая хозяйке столько хлопот своими похождениями.

Я подъехал к берегу, поставил лодку на прикол. Тетя Дуся все еще звала Матрену, и я направился к ней пособить поискать.

— Не-е, милый,— отказалась бабка от моих услуг.— К тебе она вовсе не пойдет. Пуглива больно.

«Ничего себе, пуглива, того и гляди на рог подденет»,— с неприязнью подумал я и невольно почесал то место, куда боднула козлуха.

— Какая же она пугливая,— говорю.— На что вон ребята бойкие, и те ваш дом за версту обходят.

— Да-а это ты про кого? Про Зорьку, что ли? Она, верно, такая... Вечер вон бобы у Настасьи объела... Ондатру я потеряла. Матреной ее звать. Ручная такая, ровно белочка, морковку больно любит. Покричу, она и плывет. Выйдет на бережок — и ко мне. Смешно эдак с боку на бок переваливается. Прямо из рук, родимая, грызет морковку... И куда она запропастилась? Аль напужал кто? Матре-ена, Матре-енушка...

У меня вспыхнули от стыда уши: это я напугал ондатру. Ту самую, что поймал сачком. Но откуда мне знать, что она ручная? Мало их плавают по озеру! Тетя Дуся ушла искать Матрену, а я сел на камень и приуныл. Нехорошо получилось. Пустяк вроде, а наделал заботы человеку.

Я не осмелился сказать бабке, что виноват. Взял веревку и отправился в лес за сучьями. И в лесу, где собирал сучья, слышал с берега

обеспокоенный голос тети Дуся. Она стояла в огороде и звала Матрену.

Вернулся, бросил вязанку сучьев у врытой в землю каменки. Тетя Дуся ушла огородами по берегу залива к плавням. Глухо кричала ондатру там.

Я не находил места. Попил из берестяного тuesa холодного квасу, походил по двору, а потом поднялся в сенцы и лег на топчан. Лег — и куда-то повела меня лесная дорожка, все дальше, дальше в лес. Из-за елей на тропу выскочила козлуха с репьем в бороде и проблеяла: «Удрать думаешь? Не выйдет!» — и направила на меня длинный, как пика, рог. Я бросился в сторону... и больно стукнулся головой о край бочки.

74

Много ли, мало ли прошло времени — не знаю, но когда я собрался с мыслями, увидел, что на улице уже темно. В хлеву на тесном насесте перебранивались куры, где-то в соседском дворе жалобно мычала недоеная корова, а с берега тревожно доносилось:

— Матрена, Матрена...

Невмоготу стало скрывать тайну, и я побежал к бабке. Рассказал все как было и, чтобы хоть как-то искупить вину, тут же предложил сплавить к острову.

— Нет уж, не поможешь ты мне,— строго сказала бабка.— Ступай лучше домой, а то увидит тебя, совсем не придет.

До поздней ночи тетя Дуся кликала потеряв-

шуюся ондатру. А потом стала в лодку и, стуча о борта шестом, поплыла в кромешной темени к лавдам. Я опять вышел на берег и с тяжелым чувством прислушивался к звукам, долетавшим с озера. В камышах свистели погоныши, заморно «вздыхали» плавни, и среди этих звуков ночного озера непривычно и страшновато слышался уставший голос тети Дуси:

— Матрена, Матре-енушка-а...

Вернулась она перед рассветом. Сняла в сенцах мокрые чоботы, бесшумно прошла возле моей кровати и, не раздеваясь, прилегла на лавку около печи, тихо вздохнула.

— Может, мне сходить посмотреть? — несмело спросил я, не поднимая головы.

То ли не расслышала бабка моего вопроса, то ли уклонилась от ответа, но заговорила о другом:

— Она, эта ондатра, конечно, зверек, капелька невидимая. Кому нужна, кто на нее позарится? А для меня — все равно что человек. Ведь тоже ласку да привет любит. Приласкала — она и доверилась мне, понимать меня стала, даром что дикушка. А теперь что получается? Обманули ее.

выходит? Будет теперь на меня как на зверя зыркать, да и на других людей тоже. Смешно это, а правда ведь обманули...

Она вздохнула и умолкла. Но долго еще ворочалась на лавке, с хрустом разгибая ноющие колени, растирая их ладонями.

Утром я проснулся до солнышка. Тети Дуси в избе не было. Вышел на крыльцо и невольно замер, взглянув на огород: у самой воды между грядок сидела на корточках тетя Дуся и кормила с руки соченьками морковки ондатру. Зверек позаячы поднимался на задние лапки, тянулся к ладоням хозяйки, а она, подавая резаную морковь пластик за пластиком, приговаривала:

— Серенькая ты моя, ласковая моя. Обманули тебя, умницу...

Но тут заскрипели двери калитки, и в огород воровски просунулась нахальная голова козлухи Зорьки с обрывком веревочной петли на кривом роге. Тетя Дуся обернулась и грозно прикрикнула:

— Кышь, сатана безрогая!..

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

«В СЕРЕБРИСТОЙ ЛУННОЙ МГЛЕ...»

В. БУГРОВ

«Тишина. Безоблачное небо. Не видно ни растений, ни животных... Пустыня с черным однообразным сводом и с синим солнцем. Ни озера, ни реки и ни капли воды! Ни ветра, который шелестит травой и качает вершинами деревьев...»

Мрачная картина! Даже горы обнажены, мы не видим на них легкой вуали — прозрачной синеватой дымки, которую накинывает на земные горы и отдаленные предметы воздух... Строгие, поразительно отчетливые ландшафты. А тени! О, какие темные! И какие резкие переходы от мрака к свету!..»

— Ну, это определенно Луна! — воскликнешь ты, ни минуты не посомневавшись.

И не ошибешься: мы процитировали здесь одно из научно-фантастических произведений, посвященных нашему ближайшему космическому соседу.

Издавна мечтал человек побывать на Луне, увидеть вблизи лицо этой красавицы ночного неба. Но как осуществить мечту?

Разные предлагались способы.

Можно попытаться достичь Луны, устроившись верхом на орле. Можно пуститься в путь, привязавшись к стае диких гусей. Или же прибегнуть к помощи воздушных шаров. Наконец, долететь до Луны в пушечном снаряде...

Роман Жюль Верна о путешествии к естественному спутнику Земли так и называется:

«Из пушки на Луну». Если ты читал эту книгу, то помнишь, конечно, что лишь чистая случайность помешала Мишелю Ардану и его друзьям произвести посадку на Луне. Но если подойти к способу, предложенному великим фантастом, с позиций современной науки, окажется, что подобное путешествие вообще не могло состояться. Никакая случайность не спасла бы путешественников от неизбежной гибели в самом начале полета!

Другой знаменитый фантаст — Герберт Уэллс — предложил использовать для путешествия на Луну «кэйворит» — вещество, нейтрализующее силы тяготения. Заманчиво, верно? Отгородился от Земли щитами, изготовленными из

«кэйворита», и Луна сама притянет тебя к своей поверхности... Что ж, возможно, наши внуки и найдут способ обуздать притяжение. Но как далеко до этого! Ведь пока не создано еще ни одной сколь-нибудь убедительной теории о природе гравитации...

Что ни говори, а пушечное ядро все-таки реальнее «кэйворита». Потому-то оно и привлекало к себе внимание фантастов. Да и только ли фантастов?

Ведь и Циолковский, наш великий соотечественник, не сразу подошел к мысли о том, чтобы для исследования космических пространств использовать ракету. Нужно было вначале до конца разобраться в возможностях пушечного ядра: ведь скорость-то у него действительно огромная, а в космических путешествиях едва ли не самое необходимое — это именно скорость... И Циолковский разобрался. Он подсчитал, что вес путешественников Жюль Верна в момент выстрела резко, рывком, увеличится в 64 тысячи раз! Возникнут чудовищные, невероятные перегрузки, которые попросту раздавят, расплющат человека, оказавшегося в этом ядре. Ясно, что возлагать надежды на «Колумбиаду» — так называлось гигантское орудие в романе Ж. Верна — не имеет смысла.

Но Циолковский не отказался от заветной своей мечты о посещении иных миров. Вначале в фантастических пове-

стях, а потом — и в строго научных исследованиях он разработал теорию реактивного движения. Многолетние поиски, годы и годы подвижнического труда привели его к этой теории...

И когда 3 февраля 1966 года (совсем-совсем недавно, ты помнишь этот волнующий день?) человечество получило возможность рассмотреть Луну с расстояния двух метров, в этом торжестве идей Циолковского была и определенная заслуга научной фантастики.

Да, но что же дальше?

Астрономы, следившие в мощные телескопы за посадкой автоматической станции «Луна-9», с волнением ждали: поднимется или нет при прилунении облако взбитой тормозными двигателями пыли? Под самым пристальным наблюдением находился буквально каждый бугорок лунной поверхности в том районе Океана Бурь, куда должна была опуститься «Луна-9». Но вот прилунение завершилось, а облако... Облако так и не появилось.

Значит, Луна имеет твердую поверхность? Где же знаменитая лунная пыль? Та самая пыль, которая во многих фантастических произведениях запечатлевает следы пришельцев из иных миров, побывавших будто бы на Луне за много веков до нас, людей Земли? Та пыль, по которой, оставляя за собой подолгу не оседающие молочно-белые облака, идут, например, герои Стани-

слава Лема в его повести «Лунная ночь»?

Да, наука шагнула вперед, и привычные представления фантастов о характере лунной поверхности ныне опровергнуты. После знаменательных телекадров «Луны-9» было бы по меньшей мере неразумным ожидать появления новых фантастических произведений о Луне, в которых по-прежнему фигурировала бы прославленная пыль. Фантаст обязан учитывать все новейшие достижения науки, в противном случае его произведение уже при появлении своем обречено на неуспех.

Но вот вопрос: обречены ли сегодня на подобный неуспех также и все те книги, которые о лунной пыли уже написаны? Ведь научная фантастика — это же, в конце концов, не только гипотезы, изобретения, открытия?!

Что ж, перелистаем одну такую книгу о Луне и о пыли, которая будто бы там обнаружилась!

...По Морю Жажды «плывет» лунобус «Селена». Море Жажды — на Луне, и заполнено оно не водой, а пылью. Мелкая, как тальк, суше, чем прокаленные пески Сахары, лунная пыль ведет себя, словно самая текучая жидкость. Урони тяжелый предмет — он тотчас исчезнет: ни следа, ни всплеска.

«Селена» совершает обычную

¹ А. Кларк, Лунная пыль. М., издательство «Знание», 1966.

КАПИТАН НЕМО И ИНЖЕНЕР ЛЕБЕФ

«...«Наутилус» имеет два корпуса, — сообщает любознательному профессору Аронаксу капитан Немо. — Один наружный, другой внутренний. Они соединены между собой железными балками, имеющими двутавровое сечение; эти балки придают судну чрезвычайную прочность. В самом деле, благодаря такой конструкции судно, подобно монолиту, противостоит любому давлению...»

И дальше добровольный узник морских глубин излагает не только доводы в пользу двойного корпуса, но и конкретные выкладки: из чего изготовлен корпус, какова толщина стенок и т. д.

Профессора Аронакса бесконечно поражало одно: насколько же капитан Немо опередил современную ему науку!.. Нас, свидетелей спуска на воду подводных лодок с атомными двигателями, поражает другое.

Подводный корабль «Наутилус» и кругосветное плавание на нем описаны Ж. Верном в 1870 году. В вопросе о двойном корпусе знаменитому фантасту принадлежит не только приоритет, но и самое убедительное обоснование этой идеи. Тридцать лет спустя подводная лодка с двойным корпусом была построена, и ее создатель, французский инженер Лебеф, несколько не преувеличил, назвав Жюль Верна своим соавтором.

экскурсионную поездку. Всего четыре часа — и путешествие закончится... И никто из двадцати трех человек, находящихся на борту удивительного судна, даже не подозревает о том подвохе, какой приготовила для них коварная лунная пыль.

Миллионы лет в глубинах Моря скапливался газ, сочившийся потихоньку из лунных недр. Он рос и рос, этот пузырь, и настал, наконец, момент, когда он прорвался на поверхность, вызвав в пылевой толще гигантский «водоворот». И лунобус «Селена», затянутый в этот водоворот, оказался погребенным в пылевых пучинах. Лишь пятнадцать метров отделяет потерпевших крушение от поверхности Луны, но сколько лишений и невзгод приходится им пережить! Радиосвязь с поверхностью прервана, для всего мира лунобус бесследно исчез в безбрежном пылевом Море. Попробуй, отыщи иголку в стоге сена...

Но «Селену» все-таки находят. Самые энергичные меры разрабатываются для ее спасения. Однако всякий раз, когда и потерпевшим, и спасателям кажется, что теперь-то уж всё в порядке, Море преподносит им новый сюрприз.

День проходит за днем, и каких усилий стоит капитану лунобуса и его отважным товарищам не дать разразиться панике, сохранить на борту «Селены» порядок и спокойствие, уберечь лунобус от коварной пыли! Не меньшие усилия затрачивают и спасатели. Все население Луны, более того, — все человечество включа-

ется в эту борьбу за жизнь заживо погребенных...

Увлекательно написанная повесть известного английского астронома и теперь, когда гипотеза о пылевом покрове Луны опровергнута, читается с захватывающим интересом. Ведь главное в ней — люди. И если ты еще не познакомился с коммодором Ханстеном, капитаном Патом Харрисом, бортпроводницей «Селены» Сю Уилкинз и многими-многими другими героями Артура Кларка, — советуем тебе обязательно это сделать. Повесть А. Кларка «Лунная пыль» доставит тебе немало тревожных и счастливых минут.

Но если это так, значит, вовсе не обязательно предавать забвению те книги, фантастический «вымысел» которых не оправдался?

Да, вывод напрашивается сам собой: может безнадежно устареть проблема, поднятая фантастом в его книге, но если писателю удалось рельефно, ярко и убедительно показать своих героев, — его произведение наверняка переживет самую долговечную гипотезу.

* * *

Что на Луне горы — всякий знает. И про лунные цирки и кратеры, и о притяжении, которое там в шесть раз меньше, чем на Земле... А вот сможешь ли ты ответить на такие вопросы?

1) Кем, когда и в каких произведениях предлагались упомянутые нами способы путешествия на Луну — верхом

на орле? с гусиной упряжкой? при помощи воздушных шаров?

2) Почему Мишель Ардан и его спутники в романе Ж. Верна вынуждены были ограничиться облетом Луны?

3) Из какого произведения взят лунный пейзаж, приведенный в самом начале нашей беседы, и кем это произведение написано?

4) А вот это описание лунной зари? Откуда взято оно?

«Я посмотрел в окно и увидел вдали несколько точек, светящихся, как раскаленные добела куски металла. Это были освещенные восходящим солнцем вершины гор. Их яркий ответ отражался на других вершинах. Передаваясь дальше и дальше и постепенно ослабевая, он создавал своеобразный эффект лунной зари. При ее свете я начинал различать находящиеся в полутени горные цепи, впадины «морей», конусообразные пики. Невидимые горы на фоне звездного неба зияли черными провалами с причудливыми зубчатыми краями.»

5) Какими формами жизни населяли Луну фантасты?

Если ты не просто «глотаешь» фантастику, а читаешь ее вдумчиво, внимательно, — тебя едва ли затруднят эти вопросы. Проверить же свою память ты сможешь по ответам, которые мы опубликуем в следующем номере журнала.

ПРЕДВИДЕНИЕ ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА

В 1933 году отец атомной физики Эрнест Резерфорд назвал вздором самую мысль о возможности использования атомной энергии. Нильс Бор в 1939 году утверждал, что практически нельзя осуществить цепную реакцию атомного распада.

Между тем значительно раньше — еще в 1913 году — появился роман Герберта Уэллса «Освобожденный мир», посвященный именно использованию энергии атома. Фантаст оказался в данном случае значительно оптимистичнее ученых. Правда, кое в чем он ошибся: впервые

энергия атома была практически использована не в 1933 году (как он предсказывал), а в 1945, и, к сожалению, сначала в военных целях, а не мирных, как считал Уэллс.

Но вот пуск первой атомной электростанции «запланирован» Уэллсом на 1953 год. И вот в этом-то своем прогнозе знаменитый англичанин оказался подлинным провидцем: в марте 1953 года была испытана американская ядерно-электрическая установка «Марк-1», а в следующем, 1954 году в Советском Союзе вступила в строй первая в мире атомно-электрическая станция.

Полуфантастическая юмореска

Игорь ТАРАБУКИН

Обычно мы встречаемся на пустыре у железнодорожной насыпи. Вначале прихожу я с Джимом. Потом разжиревший шпиц притаскивает пенсионера Катушкина.

— А где наш Бромурал со своим Джульбарсом? — отпыхиваясь, спрашивает Андрей Павлович.

Бромурал — это природовед Фикусов, специализирующийся на рассказах о служебных собаках, рыбах и прочей живности. На недавнем фикусовском юбилее кто-то из гостей громко поименовал Вадима Петровича Бремом-Уральским.

Пенсионер Катушкин тут же переделал это выражение на «бром уральский», а затем и свел к обидному названию снотворных пилюль. Но это он сделал явно неблагодарно, так как на юбилее угощался старательнее других. К тому же, в литературном отношении Вадим Петрович, напротив, чрезвычайно обходительный и приятный собеседник.

Фикусов появляется на пустыре последним. Издали его тучная фигура напоминает большого ребенка с игрушечным автомобильчиком на веревочке. «Автомобильчик» подозрительно крутится возле столбообразных ног литератора.

Теперь компания в сборе.

— Нет, удивительно сообразительный экземпляр!.. — Вадим Петрович грациозно расшаркивается. — Понимаете, в первый раз облачился в новые брюки!.. И он уже учуял! Ах ты, безобразник этакий!.. И вообще человечество глубоко заблуждается, отказывая своим четверногим друзьям в праве на вторую сигнальную систему... Даже такая глупая порода, как ваш шпиц, Андрей Павлович, — глубокомысленно продолжает Фикусов, — и то...

78

— Ну, насчет глупой породы, тут у вас того... переборчик вышел! — откликается Катушкин. —

Кстати, пишете про овчарок, а зачем же сами болонку держите? Ага, крыть нечем!

И тут с новой силой разгорается наш давний спор, какая порода собак умнее. И хотя во время этих экскурсов в генеалогию собачьего племени я обычно отмалчиваюсь, нельзя сказать, чтобы они проходили для меня бесследно. Более того, я стал открывать в своем спаниеле качества, о существовании которых ранее и не подозревал. А однажды, когда я особенно пристально всматривался в собачьи глаза в поисках признаков второй сигнальной системы, пес, как мне показалось, даже подмигнул.

Возвращаясь с очередной прогулки, я размечтался. А ведь и в самом деле, здорово было бы, если бы собака могла рассуждать по-человечьи! Это был бы действительно четвероногий товарищ! Ну, шпиц Катушкина для такой цели вряд ли годится, да и фикусовская музейная редкость тоже... Вот сенбернары, те, говорят, да!.. размышляя я, стаскивая плащ в прихожей.

— Зря спорили... — донесся хрипловатый голос из комнаты, — самая умная собака на свете — это я!

Я взглянул в приоткрытую дверь и обмер... В кресло возле стола небрежно усаживался проскочивший сюда Джим. Его грязные лапы уже отпечатались на моих бумагах.

И померещится же такое!.. — отмахнулся я от явной галлюцинации и хотел было спихнуть пса на пол, но не сделал этого... Джим уставился на меня долгим, испытующим взглядом, словно бы говорил: «Эх, ты, а еще с высшим образованием!..» Затем спрыгнул с кресла, независимо прошел мимо и улегся на мою тахту.

Неужели мне не показалось? Я присел возле собаки.

— Джимушка, песик мой, ты не заболел?

— Вот еще! — зевнул Джим и отвернулся.

Сомнений больше не оставалось. Я стал обладателем самой интеллектуальной собаки. Это же замечательно! Я взвизгнул от удовольствия и встал на четвереньки.

— Умница ты моя!.. Иди ко мне... Поговорим, дружище.

Джим еще раз зевнул, но с тахты не слез.

— Ну, извини, брат, — прошептал я, влюбленно глядя на собаку, потом потушил верхний свет и осторожно взял свою подушку.

Я долго крутился на раскладушке, лихорадочно листал книжки Фикусова, энциклопедию, курил и заснул лишь под утро с блаженной улыбкой человека, обретшего свое счастье. Во сне Фикусов ползал передо мной на коленях и вымаливал моего черного спаниеля, предлагая в придачу к болонке еще трех слюнявых щенков неизвестного происхождения.

Проснувшись, я еще раз недоверчиво оглядел пса, но на всякий случай буркнул:

— Доброе утро!

Поджав хвост, Джим скреб у двери. И тут передо мной во весь рост встала проблема поводка и ошейника. Имею ли я теперь право надеть ошейник на мыслящее существо? Что я, Ян Смит какой-нибудь?!

Размышления прервал водопроводчик. Постучав, он попросил три рубля до вечера. Я уже заученно начал объяснять, что до зарплаты осталось два дня и что... как Джим проворно вытащил из кармана моего плаща пятерку и любезно выдал ее просителю. Водопроводчик укоризненно посмотрел на меня и погладил собаку по голове.

Ежась от холода в соседнем скверике, я осмысливал происшедшее. Ясно было одно, что отношения между мной и Джимом в корне меняются. Раньше, бывало, скажешь: «Видишь, старик, какую крупнопанельную уродину соорудили!» Он тут же помашет хвостиком. Соглашается. Вздумает этот же дом похвалить, пес тоже возражать не станет. Особенно здорово это получалось во время каких-либо философских рассуждений! Например:

«Разве это жизнь, старина.. Нет, не жизнь!» Пес кладет голову тебе на туфлю и тоже вздыхает. И притом вовсе необязательно говорить что-либо умное. Собака — очень тактичный собеседник и с одинаковым восторгом воспринимает любую высказанную тобой чепуху. По-моему, именно это единомыслие лежит в основе утверждения, что собака — лучший друг человека!

Сейчас все было иначе. Во-первых, Джим насмешливо оглядел мои шлепанцы, во-вторых, когда я окликнул его обычным свистом, пес отчетливо произнес: — Хам!

В обед, стараясь как-то оправдаться, я уступил ему свои котлеты.

На другой день я осторожно рассказал о странных способностях своего пса природоведу Фикусову и пенсионеру Катушкину.

— Значит, ты разговариваешь? Умняга... — Вадим Петрович присел перед Джимом на корточки и сделал пальцами «коза-коза». — А ну, скажи, как тебя зовут...

Джим показал Фикусову язык.

— Я же был прав, когда говорил, что мы недооцениваем мыслительных возможностей животных... Собака — это, знаете ли!.. — торжественно процитировал резюме своей последней статьи в местной «вечерке» Вадим Петрович, но выпрашивать у меня спаниеля почему-то не стал.

— Ерунда! Мой Госик однажды во сне даже мяукал! — подмигнув, заявил Катушкин. — А вообще-то серой кормить надо... Все пройдет! Видно было, что ни тот, ни другой мне не поверили.

Ничего не оставалось, как обратиться к врачу.

Толстый небритый ветеринар, выслушав мой рассказ, расплылся в улыбке:

— А... охотники-утятнички? Знаем, слышали!

Затем он на всякий случай всадил Джиму профилактический укол от бешенства, выписал справку и стал говорить о вреде переутомления. На что он намекал, я так и не понял.

Больше к врачу мы не ходили. Впрочем, самая умная собака на свете пока не нуждается в медицине. У нее отличное здоровье, не в пример моему.

После того как Джим освоил телефон, чувствую я себя прескверно. А дело было так. Позвонил наш предместкома и долго выяснял, как я повышаю свой культурный уровень: какие filmy и спектакли посетил за последние полгода? Что изучаю в порядке самостоятельной учебы, занимаюсь ли спортом и т. д. Джим молча прислушивался к голосу в трубке, а когда я, извинившись, отлучился за сигаретой, ни с того, ни с сего обозвал предместкома балабоном.

— Что ты, сукин сын, делаешь? — заорал я и, роняя стулья, ринулся к телефону. Но в трубке уже раздавались монотонные короткие гудки, торжественно хоронящие все мои надежды на льготную профсоюзную путевку в дом отдыха. Джим сидел рядом и ждал сахара. Интересно, что он еще выкинет?

Правда, говорит Джим теперь очень редко и на каком-то непонятном диалекте. Вполне возможно, что виной тому уроки английского и французского языков по телевидению, идущие вперемежку. Но это еще хуже: я не знаю, о чем он думает! И все время настороже: а вдруг в один прекрасный день сболтнет не то, что следует?! Вот уже полгода, как я никого не приглашаю к себе в гости и вздрагиваю от каждого звонка.

Сейчас, когда я пишу эти строки, Джим потрошит мои книги. Видимо, сказывается тяга к знаниям! Из окна видна железнодорожная насыпь. Там прогуливается Фикусов с Катушкиным. Бромурал, жестикулируя, что-то объясняет. Вот он взял за шкурку своего мопса и, крадучись, сделал несколько шагов. Не иначе, рассказывает о том, как собаки задерживают нарушителей границы. Розовоглазого шпица пенсионера Катушкина почему-то не видно... Ах нет, вон он — отчаянно лает на маневровый паровоз. Слон и моська!

Я смотрю в окно и неожиданно ловлю себя на том, что наблюдаю за всем этим с завистью. Что ни говори, неплохие у них собаки! Без придури, по крайней мере...

Мне бы такую!

Как гору продавали

В НОМЕРЕ:

В те годы, о которых пойдет речь, Оренбургская губерния занимала обширную территорию: в нее входили часть Казахстана, Башкирия и Челябинская область. И всемирно известная гора Магнитная, у подножия которой впоследствии вырос гигантский металлургический комбинат, тогда тоже была помечена точкой на карте Оренбуржья.

Листая страницы газеты «Оренбургское земское дело» за 1917 год, я наткнулся на заметку, которая так и называлась «Продажа Магнитной горы». В ней говорилось: «Правление общества Белорецких заводов Пашковых в настоящее время ведет переговоры с группой японских капиталистов о продаже Магнитной горы... Стоимость этой горы определяется в двадцать пять миллионов рублей. В связи с покупкой Магнитной горы возникает предположение построить рядом с нею, во избежание обычно дорогостоящих расходов по перевозке руды, доменные и металлургические заводы, в которых так остро будет ощущаться недостаток после окончания войны. Давно уже известно, что Магнитная гора содержит в себе миллиарды прекрасной магнитной руды, и, таким образом, постройка заводов в высшей степени целесообразна».

Вот так, оптом и в розницу, распродавали нашу страну капиталисты и помещики. Совсем просто пытались сбыть оренбургские промышленники целую гору.

Эта заметка опубликована 17 августа 1917 года, всего за несколько недель до Октябрьской революции, которая смела Пашковых и им подобных. А гора Магнитная стала потом колыбелью тяжелой индустрии Советского Союза.

В. АЛЬТОВ

САБЛЯ ЛАЗО <i>В. Никонов. Повесть</i>	1
СТИХИ <i>Л. Сорокин</i>	11
ГОРСТЬ ЗЕМЛИ <i>В. Прусаков. Документальный рассказ об операции «I-c»</i>	14
SOS ОТМЕНЯЕТСЯ <i>Я. Вадильев. Очерк</i>	23
ДОРОГАМИ ПОДВИГОВ <i>На приз нашего журнала</i>	28
НАЙДИТЕ! НАЙДИТЕ, ЕСЛИ ВОЗМОЖНО <i>Б. Раевский. Рассказ-быль</i>	35
ПЕРВЫЕ РЕЛЬСЫ СЕВЕРСИБА <i>Н. Смирнов. Дает адреса романтикам</i>	46
ЛЮДИ КАМНЯ <i>А. Ферсман</i>	49
ТОБОЛЬСКАЯ ПУШКИНИАНА <i>Ю. Рябов. Краеведческая копилка</i>	54
ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ <i>Ник. Смирнов</i>	72
МАТРЕНА <i>Л. Фомин. Рассказ</i>	73
«В СЕРЕБРИСТОЙ ЛУННОЙ МГЛЕ...» <i>В. Буеров. Мой друг — фантастика</i>	75
ЕСЛИ ПЕС — ГЕНИЙ <i>И. Тарабукин. Юмореска</i>	78
ОБЛОЖКА С. КИПРИНА и В. ВОЛОВИЧА	

Главный редактор И. АКУЛОВ

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, О ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова
Адрес редакции: Свердловск, ТСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Подписано к печати 26/VII 1967 г. Бумага 84×103/16=2,62 бум. л.—8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 10,05.
НС 18448. Тираж 110.000. Цена 30 коп. Заказ № 310.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка стпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

НАШ ЖУРНАЛ В 1968 Г. ДУ

Л. КЛЕЙН
«Внуки Шер-
лока Холмса»,
повесть об
археологах.

В. ЧЕБОКСАРОВ
«Нефедыч покидает
Аляску», приключенческая
повесть.

и другие.

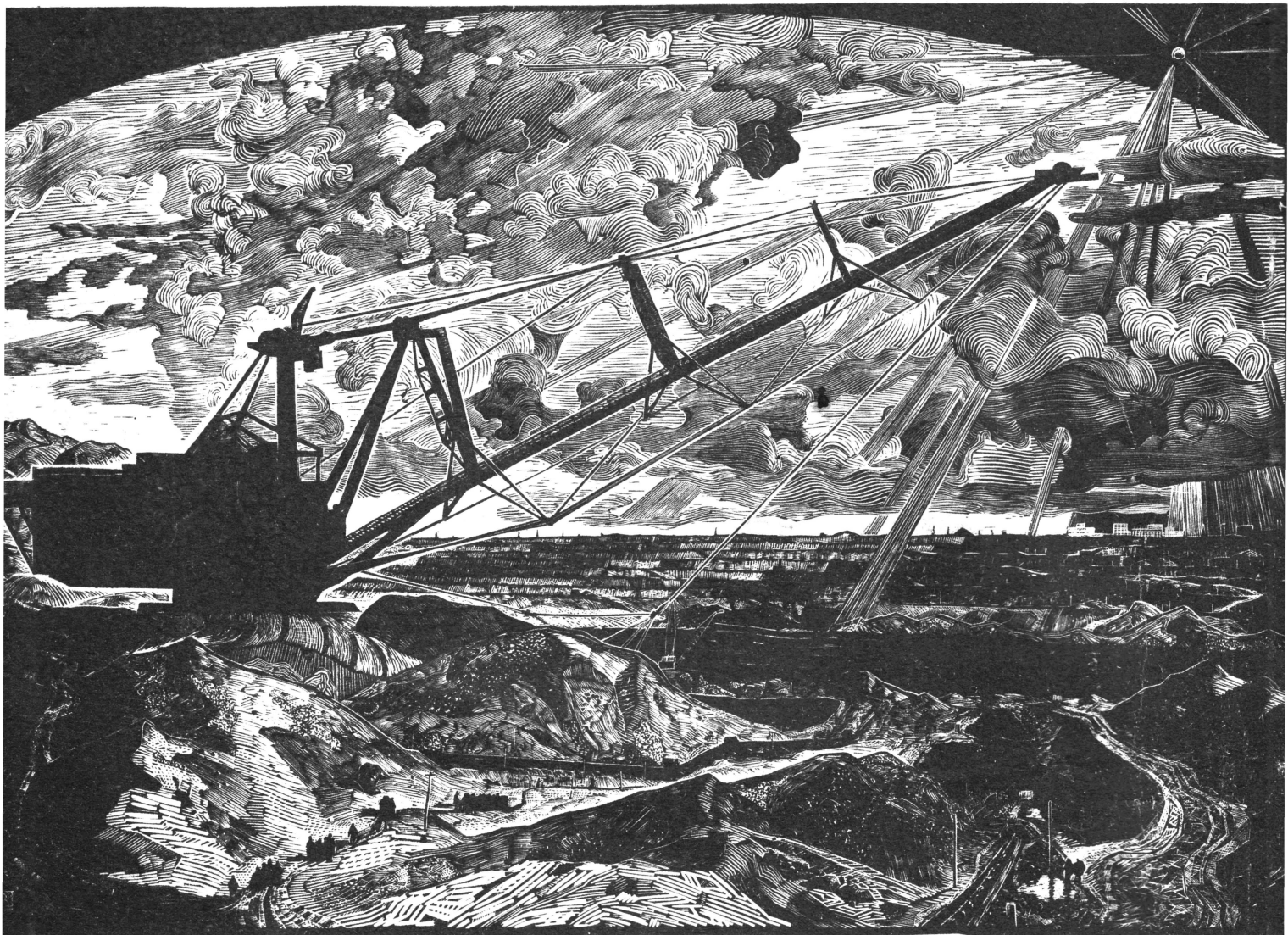
Ю. ДОЛЬД-МИХАЙЛИК
«И один в поле — воин»,
роман о разведчике.

И. ШАКИНКО
Документальная повесть
о неувловимом конспираторе,
подпольщике Н. Е. Вилонове.

«Клад усыпальницы
Каменских» — находки
краеведов

Подписка на «Уральский следопыт» принимается
без ограничений в любом пункте «Союзпечати».
Ссылайтесь на наш индекс в каталоге «Союзпечати»—73413.
Стоимость годовой подписки — 3 руб. 60 коп.

Л. ВЕЙБЕРТ.

ЗЕМЛЕРОПНЫЙ КОМБАЙН